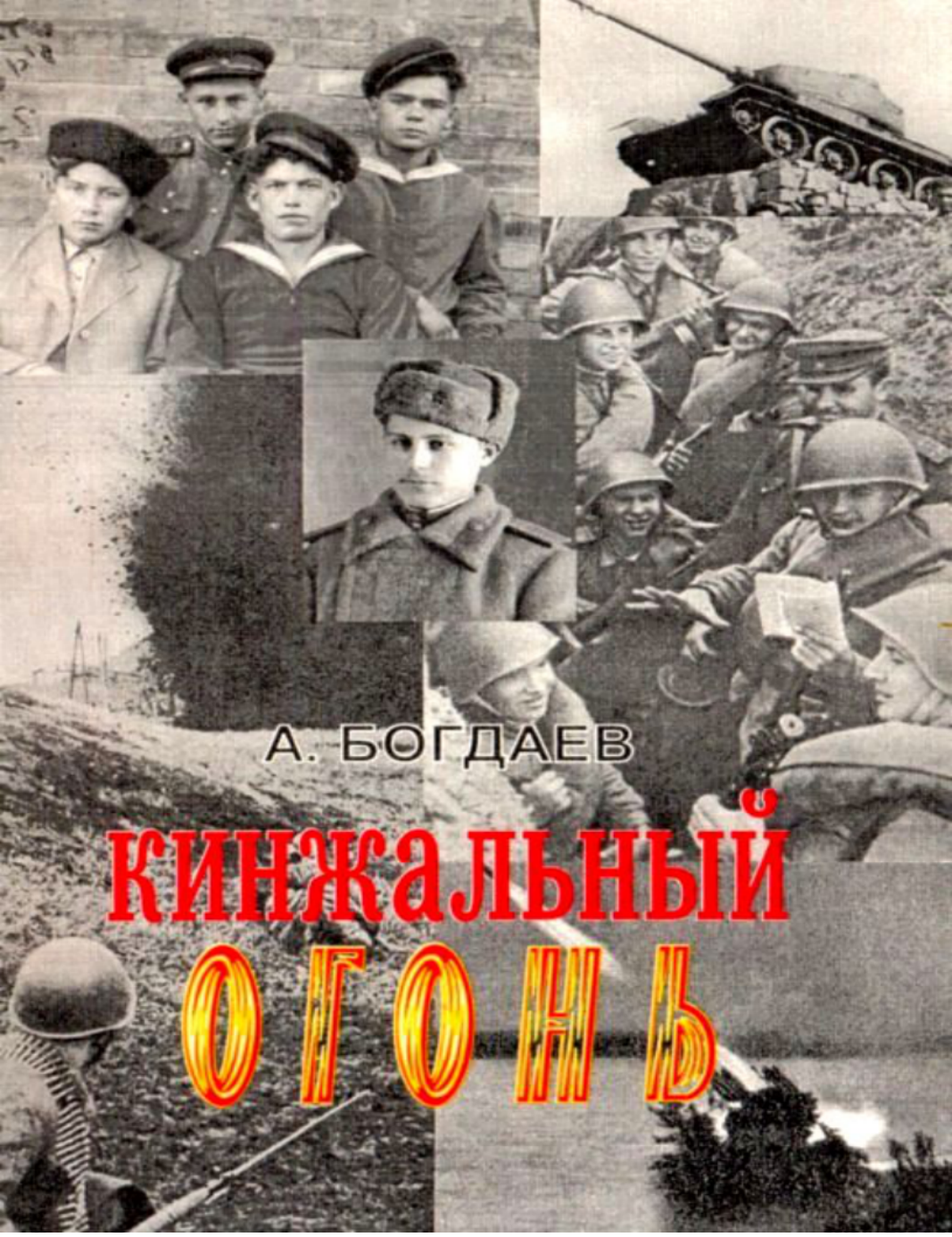
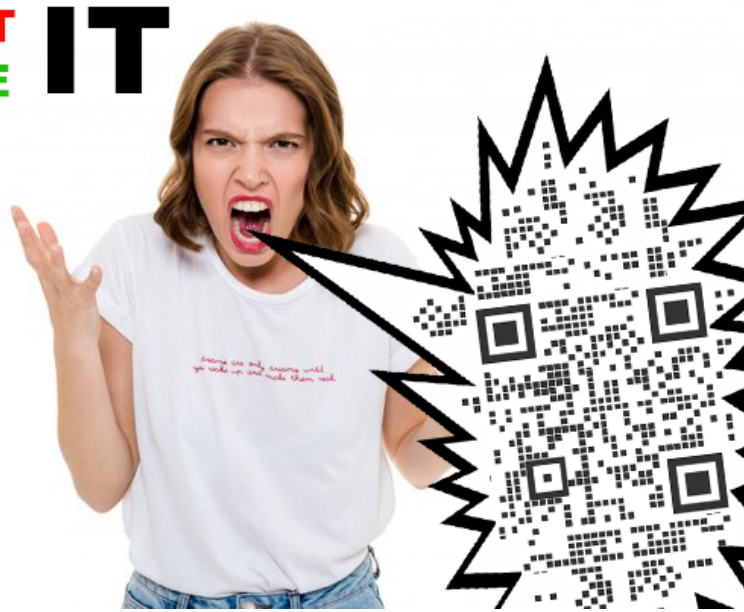


А. БОГДАЕВ

КИНЖАЛЬНЫЙ ОГОНЬ

SHOUT
SHARE
IT



Annotation

Рассказы ветерана Великой Отечественной войны о последних военных днях и начале мирной жизни, о горестях, трудностях, радостях тех лез глазами молодого лейтенанта. Книга иллюстрирована рисунками автора. Для широкого круга читателей.

- Алексей Богдаев
  -
  - ПО ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ
  - ПРОЩАЙ, ДИМУРОВ
  - ИСКУПЛЕНИЕ
  - ЗАСАДА
  - ТЕТУШКА ВЕРИЯ
  - ДОЛГ ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ
  - ПОСЛЕ ВОЙНЫ, ПОСЛЕ ПОБЕДЫ
  - «ЛИБЕНДОРФ»
  - Об авторе
- notes
  - 1

Алексей Богдаев
КИНЖАЛЬНЫЙ ОГОНЬ
Рассказы

НА ФРОНТ

Наш товарняк шёл на запад. В каждом вагоне людей, что в

бочке сельди, набито. Двойные нары всех умещали, но так плотненько, что лишний раз не повернёшься. А ещё полон вагон оружия. У каждого обязательно пулемёт, автомат или карабин пятизарядный. Да ещё лопатка малая, да подсумки, вещмешки, котелки, да шинельные скатки. Тесновато, но не беда! Весело ехали. До фронта недалеко, а кажется уже месяц пилим. Кормили на больших станциях. Старшина Димуров брал от вагона трёх-четырёх ребят и приносил всю солдатскую еду.

Ехали, любовались природой, шутили, байки травили. Благо сейчас лето! Воротнички расстегнули, ноги с вагонов свесили. Кто даже гимнастёрку снял, хотя и запрещалось нарушать порядок. Были и такие, что на крыше вагона ехали, солнечные ванны принимали. Хорошее настроение было! Когда пели, горло не жалели:

Там, где пехота не пройдёт,
Где бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползёт —
Там пролетит стальная птица!..

Один весёлый паренёк, фронтовик, с орденом и медалями во всю грудь, баском пропел:

Там, где пехота не пройдёт,
Где бронепоезд не промчится,
Солдат на пузе проползёт,
И ничего с ним не случится!

Все громко гоготали!.. А колёса стучали: Ах-так! Ах-тук! — Ах-так! Ах-тук! И никто их стука не слышал. В соседних вагонах тоже не скучали. Солдаты ехали на фронт!

Большинство ребят уже нанюхались пороха на фронте, отъелись в госпиталях, подлечились и выглядели совсем молодцевато. На груди пять-шесть медалей. У некоторых «Орден славы» или «Звёздочка». Завидовал им тот, кто на фронт ехал впервые. Зато скольких рассказов наслышался, настоящих героев повстречал.

Перед глазами, как живые, маячили фронтовые картины, подвиги, трудности и жестокая смерть. Как ни говори — война! А на войне люди гибнут.

Что ждёт тебя впереди, безусый солдат! Тяжелые мысли не дают тебе покоя. Когда ты наедине с собой, всё становится очевидным. То идёшь в атаку, орёшь: «Ура-а-а!» То видишь себя

раненым, то убитым, то заживо погребённым. Всякая чушь заволакивает твою душу. Ты дремлешь, тяжко засыпаешь под стук колёс: Тах-тах! Тух-тух! — Тах-тах! Тух-тух!..

На одной станции встречный поезд подошёл на первый путь. Раненых везут! Двери вагонов распахнуты, на полу солома, на соломе избитые, окровавленные, перевязанные люди. Пахнуло гнилью ран! Кто не мог ходить, тех санитары обхаживали, кормили, поили, помогали подняться. А у кого ноги ходили или на костылях мог, проворно шастали по перрону, ища перехватить чего-нибудь съестного.

На любой станции бывает небольшой базарчик, где идёт бойкая торговля. Вот подошёл к мешку небритый солдат. Весь в гипсе до пояса, видимо, лопатку размозжило. Раненый попросил:

— Тётенька, табачку в карман, там пятёрка… — Торговка полезла, достала бумажку, сунула её в чулок и насыпала стопочку махорки…

Откуда ни возьмись заядлый курильщик с подвешенной на груди рукой растолкал всех, проворно пролез к тетке и потребовал два стакана махорки. Расплатившись, он попросил дружка свернуть ему «козью ножку». А когда закурил, вскочил на привокзальную скамью и петухом пропел:

«В минуту чудную, весьма безлюдную,
Когда нет папирос,
Махру я нудную, весьма паскудную,
Пускаю через нос!»

Раненые дружно захохотали.

Здесь же рядом продавали оладьи.

— Бабуся, почём пышечки? — скромно спросил солдат с головой, забинтованной до плеч.

— Две штучки пять рублей, касатик! — Заученно выпалила старуха, подавая крошечные лепёшки.

Приседая, чтобы не повредить шею, долговязый достал десятку и взял четыре картофельных «пышечки», обвалянных мукой и заманчиво подрумяненных…

Всю эту суету встречного эшелона с досадой наблюдал молодой сержант Галерин, только что окончивший полковую школу. Он надеялся, что все эти бабки-тётки, пришедшие на станцию, ринутся толпой к вагонам и раздадут несчастным раненым бойцам свои припасы, угостят махорочкой, напоят, обласкают сыновей…

Не тут-то было! Галерин смотрел, как солдатские рубли торговки горстями запихивают в мошну, в чулок, за пазуху, в

мешок… Горы денег!

Кровь бьёт в виски! Беспредельная обида, злоба на этих бездушных торговок охватила сержанта. Невольно он подумал: «А если я буду ранен, вот так, наверное, попрошу: тетка, достань пятёрку вон там в кармане…» Сержанта передёрнуло! Ужас! Отвернись, молодой, неопытный, не смотри на это позорище. Уходи! Уйди в свой вагон, забейся в угол, поплачь, тебе станет легче. От обиды у тебя горечь застряла в горле…

В пути юный сержант рассказал усатому фронтовику о том, что видел на станции:

— И я видел, паря! Всё видел! Но, понимаешь, сержант, может, она последнюю картошку сварила, детям не дала, принесла продать, чтобы за сто рублей буханку хлеба купить… Война, браток! Всем трудно, и каждый выкручивается, как может. Не осуди этих женщин. Всякие бывают. Не спорю, есть и такие, как ты говоришь, горы денег имеют, наживаются на людской беде. Я таких не защищаю! Моя бы воля, я бы их… Поживёшь с моё, не такое увидишь. Ты молодой, жизни ещё не знаешь… А теперь не горюй, с ними разберутся без нас. Наше дело — вперёд, на запад! Разгромим фашистов — всё станет на свои места. Вот так я понимаю! — Он ласково похлопал парня по плечу. Запомнился усатый сержанту. Фамилия его была Чуркин. Александр Михайлович Чуркин, друг и помощник старшины.

Старшина Димуров, грузин по национальности, носил на груди орден «Красного знамени» и медали. Черные усики украшали его кавказское лицо и придавали солидность. Уважали старшину за большой жизненный опыт и понимание солдатской души. Называть его «батей» никому на приходило в голову: он был ещё молод, строен и большинству годился бы в старшие братья. Никто не знал, где и когда он спал, так как постоянно был в гуще солдатской семьи. Обычно летним утром, когда лучи солнца прорезали стены вагонов, старшина Димуров уже был на ногах. Это по его приказу дневальный Сулейменов подавал свой голос:

— А ну, паднымайс! Кателка сабирай. Скора балшой станция будет! Халилов, Сазонов, Хабибуллин пригатовица, завтрак получать будешь…

Никто не задавался вопросом, кто какой национальности, хотя в вагоне солдат было не менее полусотни. Кималтынов и Багдасарьян — калмык и армянин — неразлучные друзья, учились в русской школе и говорили почти без акцента. Однако некоторые солдаты, казалось, ни слова по русски не знают. Но проходили каких-то три-четыре недели, и они начинали довольно сносно объясняться. Дружба солдат завязывалась как-то

невзначай:

— Ну, армия-хазербул, как дела, чего много думаешь, — Свинцов обнял за плечи башкирского паренька, — первый раз на фронт едешь?

— Дела хараша! Моя брат тожа фронт пашёл. Ата моя низнай гиде, прапал, письма нету, — ответил Газиз Галиакбаров.

Дружеское участие вмиг согрело душу солдата, и через минуту он уже улыбался, что-то живо объяснял Свинцову.

Ехали то быстро, то медленно. На некоторых станциях по пять-десять минут стояли, а на других — по два-три часа. Самое страшное — отстать от поезда. Тогда хоть пропадай! Шинели нет, паёк уехал, документов тоже никаких, кроме солдатской книжки. Явный дезертир! Трибунала не миновать! Время военное, законы суровы. Поэтому всегда многоголосо объявлялось: сколько времени стоянка, выходить или не выходить из вагонов. Сигналы всякие устанавливались. И всё равно отставали. Редкий был случай, но позорный на весь маршевый полк. Хорошо, если солдат знал номер своего эшелона. Станция обязана была таких отправлять любым попутным поездом. Сколько же радости было, когда «беглец» появлялся в своём вагоне. Солдаты ликовали, счастлив был и виновник «ЧП»:

— Наконец-то догнал! — облегчённо вздыхал он.

— Качнём его и разбежимся, — шутили друзья, — пусть сам приземляется, как знает.

— Блудный сын вернулся! — добавлял кто-то под общий смех.

Голодный, продрогший, не спавший ночь, усталый солдат лез на свою полку, где лежал его паёк: хлеб, сахар, консервы. Наученный горьким опытом, он ни на шаг не отходил от вагона. Даже по лёгкой нужде не рисковал спрыгнуть. Да и дневальный по вагону теперь цыкал на него:

— А ну, подальше от дверей! Вон щелка с той стороны, валяй!..

Волгу пересекли утром. В Горьком хорошо пообедали, пополнили продовольствие, воды набрали. Весь день и ночь мчались, как угорелые. В разбитом войной Брянске кормили в огромной комендантской столовой, куда помещался целый эшелон людей маршевого полка. Питание было поставлено так, чтобы едущие на фронт солдаты могли поесть горячее хотя бы раз в сутки. Никто не задумывался всерьёз, откуда берётся еда на эту многотысячную ораву…

На других станциях людей мыли со сменой нательного белья.

Обязательно применяли «душегубки»: после них в раскалённой одежде не оставалось ни одной вошки. В такие дни эшелон стоял много часов и можно было прогуляться в свободную минуту, город посмотреть или то, что осталось от города. Здесь похозяйничали фашисты. Теперь — освобождённая земля! В ней заново возрождалась жизнь.

Кто-то пустил слух, будто немцы на оккупированной территории всем девушкам клеймо на ноге ставили. Теперь девчата это клеймо прячут, забинтовывают.

— Вот бы встретить такую, посмотреть на клеймо, — шепнул Жезнов Суханову.

И встретили-таки двух! У одной из них выше щиколотки повязка белела. Девушки сидели в скверике, беспечно беседуя.

— Смотри! Прямо по курсу! Вот объект для исследования! Вперёд! — радостно всполошился Сашка Жезнов. Вместе с Петром прибавили шаг. Подошли, поздоровались, представились по-фраерски, присели рядом:

— Трудно вам было, девушки? Немцы вас мучили? — начал Саня.

— Да уж, мучили! Работать заставляли с утра до вечера, грозились в Германию угнать. Многих отправили в неволю… Мы так рады, что свои подоспели…

Время торопит. Саня перешёл в наступление:

— Ранение что-ли у вас на ноге, девушка?

Та, что с повязкой, смутилась, покраснела:

— А почему вас интересует моя нога? — с удивлением посмотрела в упор на военного.

— Да нет, я просто раненых не видел. А вы… ходите, наверное, хромаете? — смущённо оправдывался Сашка и тоже покраснел.

Петька Суханов понял, что надо выручать друга, напыжился и начал врать:

— Я полковой фельдшер! Санинструктор батальона, в этом разбираюсь!.. Нет ли у вас абсцесса? Покажите-ка рану, больная! Я окажу вам профессиональную помощь!

Девушка не знала, что делать, совсем смутилась и глянула на подругу. Та прильнула к ней, говорит:

— Ну, развяжи! Что тебе, жалко что-ли?

— Да не больная я совсем, это у меня так просто.

Всё же девушка разбинтовала ногу, но никакого клейма там не было. Обыкновенная болячка! Солдаты переглянулись и прыснули. Они еле сдерживали хохот. Ничего не понимая, сконфуженные девчата совсем растерялись, бросили бинт и побежали прочь от нахалов.

— Ну, брехуны, наврали-то как? А? Никакого клейма у них нет! Надули нас, дурачьё. — сокрушался Сашка. — а жаль, девушки были хорошие, скромные… досадно получилось. Петька.

— Да ладно, не переживай… Пошли обратно. Пора! Хватит, нагулялись! — поставил точку Суханов.

Парни зашагали к вокзалу.

На освобождённой от фашистских захватчиков земле всё было разломано, сожжено, разбито. Казалось, и сама земля изувечена. Сколько печей стоит, а домов нет, одни развалины. Да и людей совсем не видно.

Длиннющий военный эшелон, крадучись, полз по этой израненной земле и все время просил пить. Жара, а воды нет. Солдатские запасы быстро иссякали. Поэтому на любой станции старались запастись водой. К паровозу бегали, из тендера брали. Иногда останавливались у реки или водоёма. Подавалась команда: «С ведрами в голову эшелона!» Солдаты становились в три-четыре цепочки, передавали ведра, сливая воду в черную бездонную утробу паровоза. Эта проблема решалась запросто, без особых помех. Напившись, эшелон продолжал продвигаться на запад.

На сей раз поезд остановился на четвертом пути. Станции не было, и людей не видно. На месте вокзала была груда камней, а рядом будка — это место дежурного по станции. В будке — чайник, кружка, на столике картофельные очистки — так уж уловил глаз. Но то, что увидел молодой сержант у паровоза, заставило его остолбенеть: на краю воронки лежал человек в военной форме без головы. Босые ноги, белые, как снег, на плечах совсем новенькие погоны капитана. Видимо, налет был недавно! Предыдущий эшелон ушел, оставив за собой смерть. И некогда, и некому было оплакивать гибель офицера…

«Почему ты здесь, опомнись, сержант! Ах, да, ты прибежал к паровозу набрать в котелок водички! Так бери же, пока не засвистел паровоз…» Уже не помнил парень, когда воды набрал, бежал вдоль эшелона, задыхаясь. Шок еще не прошел, ужас охватил сознание…

Вдруг с крыши товарного вагона послышался крик:

— Лешка! Лешка! Смотри на крышу! Это я, Анатолий!.. Сусаники, школу, Золотую гору помнишь?.. Ну, держись! — солдат прыгнул на парня прямо с крыши. Лешка не устоял, упал, водичка из котелка с радостью вырвалась и торопливо поползла в траву на обочине полотна. Он все еще не опомнился от увиденной страшной картины и совсем оторопел от неожиданной встречи со школьным другом. Оба вскочили на ноги. Друзья

обнялись:

— Да ты ли это, Анатолий! Глазам своим не верю! Без гитары тебя плохо представляю. — кричал радостно Лешка, стряхивая воду.

— Да, это я! Я, Леша, дорогой! Вот счастье! Какая встреча! А? Ну, ты где? В каком вагоне? Пошли, сейчас поезд пойдет… Я доложу… с тобой… к тебе, — на ходу кричал Анатолий.

Алексей Галерин стоял, не помня себя от впечатлений, ботинки мокрые, в котелке воды — на дне, растерянный какой-то, но уже в хорошем настроении. Через пару минут прибежал Анатолий Иваньков и с той же радостью доложил под козырёк:

— Отпустили на перегон. Лёша, до следующей станции! Пошли!..

Лёшка был старше Анатолия на один год, до войны они учились вместе. Удивительный мальчишка этот Иваньков. Его тонкие пальчики ловко бегали по грифу любимой гитары, изливавшей чудесную мелодию. И главное — он пел. Это ведь талант — играть и петь! Кто его научил этому, Лёшка не знал, только полюбил Толика за его протяжные задушевные песни.

Одна из них очень хорошо получалась у Иванькова:

Девушки пригожие
Тихой песней встретили.
И в забой отправился
Парень молодой…

Мелодия этой шахтерской песни захватывала дух у всей довоенной молодежи…

Галерин держал Анатолия за руку и торопился узнать:

— Анатолий, а ты гитару с собой везешь?

— А как же! Я без нее умру от скуки!

— И сейчас она с тобой?

— Да ты что, не веришь? Хочешь, сбегаю в свой вагон?

— Не надо, потом, верю! Сейчас поезд пойдет. Вот наш вагон. Залезай быстрей!

У дверей расступились, пропуская своего и чужака.

— Вот, друга встретил, однокашника. Примите, братцы, гитарой откупится, сыграет. А сейчас потолковать надо.

— Заходи, гитарист! Зовут-то как тебя?

— Рядовой Иваньков Анатолий Иванович! — весело по-военному козырнул гость. Все одновременно засмеялись.

Усевшись поудобнее на нарах в укромном уголке, друзья задушевно беседовали. Анатолий рассказывал Лешке о том, что сам пережил и что отец сообщил в письме:

— Поселок нефтяников, где мы жили, немцы сожгли. Шесть месяцев они хозяйничали на Северном Кавказе. Дальше наших Сусаников и Хадыженска не пошли. Горы не смогли преодолеть, да и наши поддали им такого жару, что фашисты начали драпать… Помнишь, на Золотой горе стояли огромные цистерны с нефтью, — сожгли, когда отходили. Нефть горела до самой речки. В сорок втором разбомбили нефтеперегонный завод в Туапсе. Зарево было видно за перевалом. Нефть даже на море горела. Помнишь озеро Крутое в горах? Куда раков ловить ходили, песни всем классом пели? Там тоже какая-то трагедия произошла. А я тогда в техникуме учился. Ветеринар-зоотехник из меня не получился, война помешала…

— Война всем жизнь испортила. Я тоже мечтал стать врачом. Хотел в мединститут, но до учебы ли было!

— А ты, Леша, сержант! Смотрю на тебя — солидный стал! Усы-то бреешь?

— Какой там солидный! Пороха не нюхал!

— Это еще успеем! Туда ведь едем, на фронт!.. Ты что, учился где-то?

— Полковую школу в Алтынских лагерях закончил. Там учебная бригада. Шесть месяцев — вот и стал сержантом.

— Вместе воевать будем! — твердо сказал Толик. — Слушай, я придумал! При расформировании маршевого полка, когда приедем на фронт, давай в одну роту проситься, ну хотя бы в один батальон, а?

— Если будет такая возможность, я — «за»! Не очень-то просьбы учитывают. Если тут каждого капризы выполнять, то навоюешь! Прикажут — и точка!.. Я все же старшину Димурова попрошу, он добрый, отзывчивый. Это наш старшина. Да вон он, с

усами, видишь, грузин? Во, старшина! Орденоносец, фронтовик, все его уважают!

— Ну, добро! Договорились! Будем стараться…

— Леш, ты помнишь, мне в альбоме написал:

Я, как степной кочевник,
Что вижу — то пою!
Только никто не ценит
Поэзию мою!

— Ты смотри, помнит! А я, право, забыл! Когда это было! Кажется, я в десятом, а ты в девятом учился!

— Леш, а сейчас ты пишешь стихи?

— Пытаюсь, но у меня плохо получается. «Никто не ценит» — тебе же сказано…

— А ну, прочти что-нибудь!

— Ну да, время нашел! Люди кругом.

— Да прочитай! Хоть что помнишь, тихонько.

Галерин полез в вещмешок, достал общую тетрадь, завернутую в новенькие байковые портянки, полистал:

— Ну вот тут, о девушках-фронтовичках. Хочешь?

— А ты откуда девушек-фронтовичек знаешь? На фронте не был, пороху не нюхал! — засмеялся Анатолий.

— Понимаешь, повседневная жизнь, служба. Плод воображения, наблюдение еще! Ну что, мало девушек в военной форме сейчас — тысячи. Не придирайся строго! Я же не поэт, а только учусь…

— Не обижайся. Я весь внимание, давай! — похлопал Толька друга по плечу.

Лешка начал тихо читать:

Шла Наташа с нами рядом
В гимнастерке, в сапогах.
Медсестрой, простым солдатом.
То на марше, то в боях!
По дорогам, под бомбежкой,
В слякоть, в стужу, по воде,
С котелком, с солдатской ложкой
И с гранатой на бедре.
Не страшна тебе усталость,
Ты в строю! Своих друзей
Подзадориваешь малость
И шагаешь веселей!

Автомат плечо мозолит,
И ремнем затянут стан.
Ты на марше не позволишь.
Чтоб солдат в пути отстал.
— На войне твоя работа
Жизнь израненным спасать.
Без тебя помрет пехота! —
В шутку парни говорят!

На привале, под гармошку
И станцуешь, и споешь.
Пыль поднимешь на дорожке,
Вихрем по́кругу пройдешь!
Ты друзьям пример покажешь.
Грусть развеешь у бойцов,
Засмеешься, шутку скажешь
Метким колющим словцом.
И усталость, как рукою,
Снимешь с плеч богатырей…
Я тебе секрет открою:
Ты — волшебник средь парней!

Что слабее — это верно!
Все же женщина в бою —
Не мужчина! Но примерна
И выносliва в строю!
— Кто же ты? — тебя спросили, —
Почему ты на войне?
— Я солдат моей России,
Таких тысячи в стране.

Алексей Галерин. 1943 год

Анатолий завосхищался:

— И ты молчишь! Такие стихи! Да прочти ты их девушкам в эшелоне, они тебя на руках носить будут!

— Потом, Толик, потом! Идёт война, не до девушек… Видишь, как торопится наш поезд? Гудит! Сейчас станция, наверное, будет…

— Ну, пока! Будем встречаться! А гитару принесу! Бувай!

Поезд остановился. Анатолий легко спрыгнул и побежал к своему вагону.

Военный эшелон, идущий на фронт, — это не только вагоны с

солдатами. Это и платформы с самоходками, танками. Это и машины, и продовольствие, и боеприпасы. Такие эшелоны обязательно охраняются зенитчиками. Как правило, впереди, в середине и в хвосте эшелона по одной платформе с двумя-тремя ЗПУ — зенитно-пулеметными установками или зенитными пушками. А как же без охраны? Нельзя! Представьте: налет! Вот тут и заговорят «зэпэушки». Самолеты противника заходят на бомбежку по ходу поезда или навстречу движения. Так вернее попасть в цель. Но для летчика этот маневр смертельно опасен. Самолет как бы сам напрашивается на огонь. И все же бомбят! Значит, хорошо охранять надо!

Перед немецко-фашистской бомбардировочной авиацией ставилась частная задача: разведывать, засекать, задерживать или уничтожать эшелоны с военным грузом и людьми, следующие на западный фронт, срывать подготовку боевых операций и, тем самым, обеспечивать успех своим войскам.

Наша же задача: бесперебойно снабжать передовые части фронтов людскими резервами, техникой и материальными средствами. Для выполнения этой задачи необходимо было вести скрытое передвижение эшелонов, надежно охранять их. Тайное сосредоточение, разведка, оперативность играли немалую роль при подготовке внезапного удара по врагу.

Шла ожесточенная война штабов, армий, фронтов. Кто успешнее подготовится к операции, тот и выиграет сражение.

В эту войну многие тысячи девушек, одетые в солдатские шинели или телогрейки, охраняли военные объекты от налета авиации противника. Юные красавицы отлично владели своим оружием — зенитными пушками или спаренными пулеметами (ЗПУ-4), стреляли со снайперской точностью. Налет! Все глазеют, дрожат с перепугу, лезут под колеса или залазят в щели, как тараканы, разбегаются в панике, а девушки-зенитчицы на открытых платформах, руки, плечи на рычагах, напряженно наблюдают за целью, выжидают удобный момент, чтобы поймать силуэт «стервятника» в прицел и нажать гашетку. Огненная струя из четырех стволов прорежет цель, подожжет ее. Пулеметы бьют наверняка. Фашистские асы это хорошо знали. Знали, а потому партачили — не хотели быть сбитыми. Бывало, бомбы ложатся в сотнях метров от поезда и редко попадают в цель. Однако, противник понимал, что пропущенные эшелоны — это дополнительные силы для советского фронта. Поэтому старались обе стороны! Кто — кого!

Для зенитчиков здесь — фронт. Здесь они побеждали, здесь и погибали. Все время в пути, на боевом посту и зимой и летом. Нелегкая служба у зенитчиков. О них мало писали, а жаль.

Жутко, когда поезд бомбят на ходу! А еще страшнее, когда эшелон стоит! На всю жизнь запомнился Галерину первый день приезда на фронт. На рассвете эшелон маршевого полка остановился на небольшой станции. Во время разгрузки вагонов неожиданно появился немецкий самолет-разведчик. Подали команду «воздушная тревога». Растерянность, страх, паника охватили людей. Немедленно заговорили ЗПУ. Их огонь слился в сплошной гул. Несколько секунд длился бой. Только один заход успел сделать «воздушный пират». Стервятник не вышел из пике, задымил и рухнул где-то в Замостье, обозначив свою гибель черным столбом дыма. Одна из девушек, прильнувшая к зенитной установке, отлетела, как пушинка. Ее отбросило ударом такой силы, что она упала замертво, как былинка, скошенная острой косой.

— Машенька, Маша, что с тобой? Смотри, загорелся твой «мессер», упал! Маша!.. — бросилась к Маше подруга… Кроме нее, при налете не пострадал ни один человек. Задымился вагон в хвосте поезда, но его потушили без особого труда…

Молча обступили платформу солдаты. Девушки плакали. Погибла юная зенитчица. Это был ее последний рейс. Здесь граница нашей Родины. Она мечтала увидеть поднятый пограничный столб с надписью «СССР». Теперь здесь будет ее могила.

Замостье! Как услышалось это слово, так и вспомнилась довоенная буденновская песня. Галерин пропел ее в уме:

«…На Дону и Замостье
Тлеют белые кости…»

— Приехали! Тлеют белые кости! Надо же! — прошептал он, — какое страшное совпадение! Здесь в гражданскую пролилось много крови… и человеческой, и лошадиной… и вот опять кровь…

Налет фашистского самолета на эшелон, смерть девушки-зенитчицы, суета и спешка, утренняя прохлада, — все это создавало необычное волнение до мурашек по коже.

Уже рассвело, но солнце еще не взошло. Над неведомым городком по озаренному небу медленно ползли бусинки трассирующих пуль. Далеко на западе всхлипывала земля, а на горизонте то и дело вспыхивала молния. Это был прифронтовой «фейерверк». Интересно, необычно и страшно. Там где-то шёл бой!..

После разгрузки эшелон маршевого полка пополз в лес. На

минуту-две Иваньков и Галерин встретились:

— Помни наш уговор! Сейчас, наверное, нас расформируют. Не зевай, Леша!

— Я разговаривал со старшиной Димуровым. Сказал: «Буду помнить твою просьбу, сержант, но не обещаю».

— Ну, бувай, Леша, я побежал! — Анатолий козырнул, повернулся спиной: из вещмешка виднелась головка гитарного грифа.

Замостье! Это уже Польша! Солдаты шли по чужой земле. Здесь начинался новый этап борьбы за освобождение Европы от фашистской армии.

Посаженный сосновый бор выглядел молодо. Что вдоль рядов, что поперек — деревья одного диаметра. И ни одного поваленного ствола. Словно питомник пороха не ведал и бомбы здесь не рвались. Кроны молодых сосен надежно укрывали от наблюдения сверху. После вагонной жизни колонна пехоты, как длиннющий змей, энергично, почти бесшумно скользила по песчаной лесной дороге. Переходный марш в район сосредоточения длился не более двух часов. На пути встречались ряды узких и длинных «штальбараков», построенных так аккуратно, что ни одно дерево за стенкой строения повреждено не было. Сохранились даже указатели на немецком языке, написанные четким готическим шрифтом. Как позднее стало известно, здесь стояла лагерем армия Паулюса, подбиравшая когти для прыжка на территорию СССР. По правому крылу огромного пустующего лагеря тянулись склады, ангары, жилые и бытовые помещения. Все это на протяжении многих километров разумно расставлено, добротно сделано, соединено проспектами, дорожками и тротуарами.

Наконец, маршевый полк остановился. Солдат рассадили полукругом по-вагонно среди деревьев, пахнущих смолой и хвоей. Только теперь можно было обозреть, какую огромную массу людей приволок эшелон для пополнения армии фронта. Где-то в стороне гудели танки, урчали, лязгали гусеницами самоходки, шли машины, доверху нагруженные продовольствием и боеприпасами. Люди успокоились, притихли, только махорочный дымок клубился меж сосен и медленно уплывал вверх к зеленым кронам. Наши герои Анатолий Иваньков и Алексей Галерин уселись рядом, удерживая автоматы меж колен. На небольшом помосте собрались военачальники. Всё говорило о том, что сейчас начнется митинг.

— Товарищи! Вы прибыли в район сосредоточения 52 армии I Украинского фронта, — приглушенным голосом начал

генерал. — Это является военной тайной, но вы должны знать, где находитесь. Передний край фронта отсюда в нескольких километрах. Обстановка такова: наши войска перешли Государственную границу СССР. Здесь Польша! Мы призваны освободить народы Европы от немецких оккупантов. Наша задача — разгромить фашистскую Германию и уничтожить гитлеровскую армию. Мы разгромим врага в его собственной берлоге — Берлине!.. Здесь будет расформирован ваш маршевый полк, и вы пополните боевые части. Вступая на землю Польши, мы хотим строго предупредить вас о том, чтобы вы ни на минуту не забывали о чести и достоинстве советского воина. В приказе Командующего 52-ой армией, который вам сейчас зачитают, прямо сказано об этом…

Сообщаю вам, что немецко-фашистские войска отходят на всех направлениях нашего фронта. Требую проявлять высокую бдительность, так как могут быть диверсии и предательства местных националистов.

После выступления генерала зачитали приказ, в котором сказано, что полевой военный трибунал не будет церемониться с теми военнослужащими, кто нарушит приказ и посмеет грабить, обижать, оскорблять честь и достоинство братского польского народа.

Митинг окончен. Толпа поднялась, засуетилась, загудела. Раздались различные команды… Начались штабные дела по распределению прибывшего пополнения по частям и размещению людей в «штальбараках». Целый день длилась эта процедура.

Анатолий Иваньков и Алексей Галерин попали в один полк, только в разные батальоны.

ПО ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

Куда движется третий батальон стрелкового полка известно было только командованию. Офицеры ничего не объясняли. Солдаты шли и шли, не понимая манёвра и замысла операций. Помнили одно — шли на запад и всегда во всеоружии. Немецко-фашистские войска отходили, а наши войска наступали им на пятки. Опасность подстерегала всюду и днём, и ночью. Преследование противника по неведомым дорогам обнажало преступные деяния коварного врага. Повсюду видны поваленные опоры, порванные провода, сгоревшие дома. Все мосты взорваны. Вонь от погибших коров и лошадей коробила душу. Удручающая картина наводила тоску, но постепенно становилась привычной.

Алексей Галерин и Анатолий Иваньков могли видеться только днём, когда батальон отдыхал от ночного марша. И на этот раз друзья использовали такую возможность, чтобы встретиться, обмолвиться словцом. Анатолий запальчиво рассказывал Лёшке о том, что ночью их первый батальон прошёл по горящей деревне. Поляки бежали раздетые, обезумевшие от страха и что-то кричали. Сначала никто ничего не понимал: боёв не было, фрицы давно ушли, а деревня вдруг запылала. Оказалось, фашисты оставляли в деревнях и на хуторах тайных агентов-факельщиков, которые при подходе наших войск поджигали сразу все дома и сараи. Дворы горели, а поджигатели драпали…

Лёшка слушал своего земляка и тихо в сердцах шептал:

— Какая гнусная провокация! Это диверсия! Теперь поляки будут думать, что это мы сжигаем их деревни.

— В том-то и дело! Фашисты этого и хотят!

— Трудно нам придётся, если Польша не поймёт и пойдёт против нас. А ведь мы несём ей освобождение.

— Немцы мстят нам за своё поражение. Хотят отыграться на поляках.

— Причём здесь люди? Они совсем не виноваты…

— Ну, мне пора, Лёша! Бувай, я побежал! — Анатолий пожал Лёшке руку и посмотрел в глаза.

Земляки расстались с надеждой снова увидеться. Галерин следил за другом, пока фигурка Тольки не затерялась среди солдат.

Командование приняло контрмеры против поджогов: по маршруту движения скрыто выдвигались вперёд засады — «секреты». Они перекрывали отход диверсантам-факельщикам.

Поджогов поубавилось, но провокации продолжались. Известно, как фашисты готовили взрыв Кракова, уничтожение Варшавы, Познани и других городов. На путях отхода они повсеместно устраивали заграждения, мины-сюрпризы, ловушки.

— Во, ребята, шмайссер новенький валяется, — обрадовался находке неосторожный солдат. Схватил автомат, а под ним мина, чека к автомату привязана.

Поднял, чеку выдернул — взрыв! Открыл дверь — взрыв! В одном доме пусто было. В спальне старик мертвый в кресле сидел:

— Ребята, назад, здесь никого, на выход! — крикнул один, а другой в это время комод открыл, там мина стояла. Взрыв!.. Сколько солдат подорвалось на минах. Была такая «шпринг» — «лягушка» с двумя усиками. Чуть заденешь — сначала из земли выскочит, потом разрывается. Внутри двести сорок сплющенных шариков. Как даст картечью — многим доставалось. Историки подсчитали: в Польше погибло более шестисот тысяч наших солдат и офицеров. Ни в одной стране Европы при разгроме фашистов столько жертв не было…

Перед каждым ночным маршем солдат опрашивали, все ли в порядке с одеждой, обувью, снаряжением. Проверяли исправность оружия. Если что не в порядке — тут же заменяли. Сержант Галерин опросил свое отделение, но жалоб не поступило. Предложил солдатам подойти к ротной повозке и заменить, что нужно. Себе он выбрал легкие ботинки немецкого производства. Трофейные, конечно. Кожаная подошва, блестящий хромовый верх и удобные застежки-крючки соблазнили его. Он примерил с портянкой, затянул шнурки, закрутил обмотки: будет легко, удобно в пути. Свои же «скороходы» на резине сдал ездовому-каптенармусу Дахно.

Еще было светло, но уже готовились в путь. К сержанту Галерину подошел усатый Чуркин, пулеметчик, и спросил командира:

— Как быть с пулеметом, сержант? Сорок километров на плечах ночью очень утомительно. Разреши пулемет обуть?

Галерин не понял значения слов «пулемет обуть», но спрашивать не стал, что это значит. Он проникся уважением к Чуркину еще в вагоне, доверял ему:

— Давай, как лучше!

Через несколько минут сержант увидел, как трое пулеметчиков раздирают старую телогрейку и кусками обматывают катки станкача. Озадаченный, он подошел к солдатам:

— Скоро начнем двигаться, а вы пулемет собрали, да еще щит поставили?

— Так ты же разрешил «обуть Максима», чтобы колеса о бетонку не стучали!

— Я понял! Вы хотите пулемет катить? А другие тоже катить будут?

— Другие о нас не позаботятся! Мы придумали, а они пусть пример берут! — улыбнулся в усы Чуркин.

— Добро! Я доложу командиру взвода о вашей находчивости.

Сержант Галерин понимал, что собранный пулемет легче катить на катках, чем нести на плечах в разобранном виде. Да и к бою он всегда готов! Это же солдатская смекалка! Однако, он понял и то, что пошел у солдат на поводу, разрешил то, что запрещено.

Пулеметчики надежно обмотали колеса ветошью, аккуратно закрутили верёвками. Стучать не будут! Видно было, что они довольны своей работой.

— Воды налейте в кожух, да смотрите, чтобы грязь в замок не попала, зачехлите его, — распорядился сержант. Но Чуркин и так знал, что нужно делать пулемётчику.

— Есть! — сказал Чуркин. — Будет сделано!

Галерин сел на бревно и стал протирать свой автомат. Он стеснялся Чуркина, преклонялся перед его мудростью, сообразительностью, поэтому самокритично осуждал себя: «Какой же я еще неопытный; солдаты меня учат, подсказывают. Но ведь у них тоже башка есть на плечах. Они придумали, спросили разрешения, что тут такого? Надо бы мне считаться с мнением фронтовиков. Старые солдаты опытнее, воевали, большую жизнь прошли. Вот Чуркин! Он мне в отцы годится, а я им командую! Толковый, умный человек… Сколько фронтовиков у меня в отделении? Шесть! Это же сила! Вот придумал же „пулемет обуть“. Но ведь запрещено катить. Приказ! Приказ не обсуждается! Это верно. Катки окованы сталью, стучат. Звукомаскировка нарушается. А ну, если все пулеметы катить будут?.. За три версты слышно! А если нести на плечах? — Один только станок весит тридцать два килограмма, да плита — восемь, да тело пулемета, да коробки с лентами… Трое волокут такую тяжесть на плечах сорок километров. Вот и поносись с ней на марше… Нет, прав Чуркин, молодец, что придумал… Конечно, найдутся критики, заноют: „Разрешил катить! Все несут, а твои что, паиньки! Заискиваешь перед солдатами?“ Найдутся, я знаю! Но все это не беда. Что взводный скажет? Отвечу! Скажу, сами призывали солдат проявлять находчивость, товарищ младший лейтенант! А теперь нельзя? Думаю, что не поругает. Будь, что

будет! А может, другие увидят, пример возьмут. Тогда Чуркину — слава! Ведь от этого боевая готовность не пострадает. Наоборот, „максимка“ готов к бою, только ленту вставь…»

Алексей Галерин встал и забросил автомат за спину. Вокруг пулемета собрались ротозеи и хохотали над необычным зрелищем: колеса станкача были забинтованы тряпьем так, что он походил на «максима в лаптях».

Как только стало темнеть, рота вытянулась в колонну и зашагала в составе батальона в неведомую и опасную даль. Многие вспомогательные дороги через Польшу к советской границе были выложены железобетонными плитами для проезда в одну сторону. Это гитлеровцы постарались сделать при подготовке к войне с СССР. Теперь по ЖБ шли наши войска. Соблюдалась строжайшая свето- и звукомаскировка: нельзя было курить, бряцать оружием, стучать лопатками по прикладу и катить пулеметы на катках. Стало почти темно. Шли тихо, лишь слышно было глухое покашливание, да шарканье солдатских сапог. Двигались легко. Усталости никакой. Только на душе невесело. Напряженная обстановка не давала покоя. Через каждый час движения объявлялся привал на десять-пятнадцать минут, и снова вперед.

Усталость навалилась как-то внезапно, под утро, когда заря загоралась и слышны были далекие петухи на польских хуторах. Жуткое состояние, страх, неуверенность давно прошли, и посоловевшие глаза сами слипались, противясь воле пехотинца. Кто обрел друга по сердцу, у того задушевных разговоров на многие километры хватало…

Неожиданно Галерин почувствовал, будто он идет по воде, ноги хлюпают в жиже. Это новое незнакомое состояние напоминало сон. Но Алексей явно не спал и совершенно трезво оценивал обстановку. Осмотрелся, все идут, посапывая носами. Необычное ощущение все настойчивее напоминало о себе. «В чем же дело?» — встревожился молодой сержант.

Рота остановилась на пастушьем хуторке недалеко от рощи, темневшей слева. Справа была овечья кошара под соломенной крышей. Подошли к ней. Командир взвода младший лейтенант Катышев отдал приказ:

— Здесь взвод будет дневать. С рассветом из кошары без команды не выходить. Соблюдать маскировку. Наш взвод располагается слева. Оружие с собой в полной боевой готовности. Смена дневальных через час…

В овчарне было достаточно соломы и сена. Командиры отделений разместили людей вдоль стен, и через несколько

минут было слышно похрапывание. Люди устали — прошли более сорока километров.

Галерин снял хромовые ботинки и обмер: подошвы обеих ног от пальцев до пяток отслоились и раздулись, как велосипедные камеры. Онемевшие ступни враз загорелись огнем и разнежились на свободе. Лешка ощупал ноги, пытался рассмотреть их, но в полумраке плохо было видно. Чиркнул спичку и сильно испугался… «Ну, братец, тебе не до сна! Что делать будешь?» Уши загорелись, лицо зарделось, как в бане, в висках застучала кровь. Безысходность охватила душу: чужая земля, гари, постоянная угроза бандеровских банд, страх за свою беспомощность и позорный стыд перед боевыми товарищами. Невольно глаза наполнились слезами: «Что делать? Позор! Как поступить? Кому сказать?» Алексей Галерин не знал.

Разумеется, сна никакого.

Прошло несколько минут. Он размышлял: «Нет, не натер я ноги, потертости не было. Это от длительной ходьбы. Жесткая подошва трофейных ботинок предательски отслоила кожу. Надо было соломку подстелить или стельку какую-то. Как же это я не догадался?..» Тихонько стал звать:

— Чуркин, а Чуркин. Не спишь?

Тот, видимо, не спал. Он не так устал, как вчера: пулемет сам ехал. Чуркин думал о семье, о доме: как они там, без него, несчастные, голодают, поди… Он только чуть задремал, ощутив сладкую истому, на теплой и уютной соломе:

— Чего тебе, сержант? Не, не сплю! А что?

— Поди сюда, глянь, что у меня? А?

Чуркин перелез через соседа и подполз к Галерину, осмотрел

ступни, потрогал за пальцы и хмыкнул:

— Да, сынок, как же это ты, а?

И тут Лешка не выдержал и заплакал. Сам не заметил, как ослаб, внезапно разрыдался. Но это только перед Чуркиным. Он верил ему, и только ему мог доверить свою душевную травму. Украдкой глянул на Чуркина с надеждой найти защиту и помощь. Старый солдат отлично понимал безусого мальчишку, по сути, еще пацана, судьбой поставленного рядом с ним. Но жалеть не стал.

— Не горюй! У меня тако же было, да прошло! — он решительно встал и тихо, обнадеживающе сказал: — Я сейчас, погоди, успокойся, сынок!

Лешка почувствовал отцовскую заботу, немного успокоился. Отцу его тоже было сорок шесть лет. Сгинул где-то под Краснодаром. Мама писала — пропал без вести… И усы носил, как у Чуркина… «Куда он так быстро ушел?» — опомнился Лешка. Но не прошло и десяти минут, как в кошаре появился санинструктор Пухов с большой сумкой и ППС за спиной. Сдвинув пилотку на затылок, санитар стал на колено и положил лешкину ногу на свое бедро, молча достал спирт, обтер ступню тампоном, а ножом разрезал кожу в нескольких местах. Брызнула прозрачная лимфа. Выдавив ее ватой, он взял бутыль с йодом и протёр ногу до щиколотки. Затем из большой черной банки зачерпнул пятерней вазелин и обильно смазал подошву. Повторив операцию с другой ногой, он набросил портянки, прикрыл ноги шинелью и встал:

— Фамилия как, сержант?

— Галерин.

— Взвод? Отделение?

— Третье отделение первого взвода.

Козырнув, лекарь схватил сумку, поправил автомат и исчез.

Уже рассвело, в кошаре все спали, как убитые. Только Чуркин не спускал глаз с парнишки. Он наклонился, прошептал, улыбаясь, в усы:

— Колеса надежно смазали. Теперича поспи, сержант! Пройдет все, не думай! Ну, поспи, поспи.

— Спасибо, Чуркин, а я испугался. Ты не говори никому.

— Да нет, пустяки, теперича пройдет, пройдет… Лешка немного успокоился, и не помнил, как уснул. Только сон ему приснился, будто мать в отчем доме укладывает его в постель и осторожно поворачивает на бок… Это Чуркин тряс его за плечо.

Галерин поспал час. Проснувшись, заглянул под шинель. Боль в ногах утихла. Солдатский гомон, стук котелков и кружек говорил о том, что принесли завтрак.

На фронте кормили два раза в сутки: утром и вечером. Те, кто давно воюют, привыкли к такому режиму питания. Кроме котла, выдавали ДП: консервы, галеты, сухарики. Сахарок к чаю всегда был. Новичкам на фронте такой порядок был не по нраву. Однако, кормили вволю. Гречневой каши с американской свиной тушенкой — котелок на душу — вполне достаточно на весь день.

Стало совсем светло. В кошаре пахло сеном и овцами. Чуркин, подавая котелок с кашей и фляжку с чаем, посоветовал сержанту:

— Не вставай пока. Я доложил старшине… Тихо, тихо! Ешь, пока горячая. А я тебе расскажу, что во дворе видел! Не умею складно, да вот, слушай: драка натуральная чуть не получилась из-за каши, значит. Хорошо, разняли вовремя…

Лешка ел с аппетитом. Каша сладила во рту и, право, было не до байки Чуркина. Но, когда он услышал слово «драка», насторожился:

— Что случилось, Чуркин? Кто дрался?

— Один фронтовик, да ты его знаешь, здоровяк такой! Морда — во! Прашков его фамилия. Не наш он, с другого взвода… Так он што? Получил полный котелок каши, сверху на вершок жира, улегся под яблоней на траву и стал, значит, сало под куст сливать за ненадобностью, понял? А Свинцов наш увидел, подскочил к нему, да как даст пинком под зад: «Ты чего, — говорит, — делаешь, подлец? Там, в тылу, люди пухнут с голода, а ты… наел морду…» — орет! Взбесился прямо! А тот в ответ ему заматькался, вскочил на Свинцова… Каша опрокинулась, и началось тут… Подскочили к ним, значит, я, Закиров, Хасанов, Багдасарьян и другие, растащили драчунов. Морда-то кричит: «Привязался, разорался… Сам через неделю сливать будешь! Наголодался, поди, — орет, — крыса тыловая, вот и скулишь положке жира…» — Свинцов-то наш оскорбился и опять на него: «Не хошь жрать — отдай повару, другие съедят, но чтоб выливать на траву… Гнида паршивая…»

— Знаешь, сержант, я бы тако же за энти штучки всыпал ему. Свинцов ведь прав…

— Молодцы, что разняли, а то бы ЧП явное, — сказал сержант Галерин, доедая кашу. — Я тебя полностью поддерживаю. Но помирить их надо бы. Не понимает человек, чего людям стоит кормить всех нас, одевать, вооружать…

В полдень прибежал Анатолий. Вид у него был бодрый. Он соскучился по Лёшке, увидел его и плюхнулся на солому.

— Да у тебя здесь рай настоящий! А мы на хвое спали, недалеко, в лесу, костры разрешили небольшие…

Галерин тоже обрадовался приходу друга, улыбнулся, но не

решился рассказывать про свою беду, чтобы не сбить радостного настроения.

— Ты знаешь. Лёша, какая у нас хохма произошла! Это умора! Нарочно не придумаешь! — Анатолий хохотал, никак не мог начать свою байку. — Рядовой Загорулько грелся у костра и прожёг на шинели дыру. Огро-о-мную! Когда он встал — дыра пришлась к самому заду… Что тут было!.. — Анатолий снова расхохотался до слёз. Смеялся и Лёшка. Захлёбываясь смехом, Лёшкин друг кулаком вытер глаза и продолжал: — Все ржали, когда увидели, представляешь? За животы стали браться… вся рота хохотала, да с прибаутками: «Антон, как теперь в атаку пойдёшь? Фрицев насмерть перепугаешь!»

Вокруг Галерина и Иванькова собралась половина катуха любопытных. Кто слышал, кто не слышал о чём идёт речь, всяк свой нос совал узнать, почему мужики смеются. А Толька входил в азарт:

— Постой, Лёша, это ещё не всё! Ну, сжёг солдат одежонку, с кем не бывает! Кому смех, а кому — горе! Наш старшина Саркисов посмеялся вместе со всеми, пожурил рядового Загорулько и велел каптенармусу принести другую шинель. А братва всё хохочет…

Принесли новенькую шинель. Старшина и говорит: «На, вот, с иголочки! Немного помята — выправится. Пришей погоны, петлицы и доложи в восемнадцать ноль-ноль». Надел Антон шинельку, а она ему до пят! Все снова как грохнут! Крутится Загорулько, головы почти не видно! Рукава обвисли — на пингвина похож. — Иваньков снова расхохотался и только теперь заметил целую толпу Лёшкиной роты, падающей от смеха.

— Ну, слушайте, что дальше было! Вроде все успокоились, про парня стали забывать. А наш Антон Загорулько опять отмочил номер. Он взял у ребят ножницы и, не снимая шинели, нагнулся, отмерил на коленях длину и обрезал всё, что ему показалось лишним… Когда же выпрямился… когда встал во весь рост, представляете, шинель стала ему выше колен… и холщовые карманы вылезли… ниже кромки торчат… Это умора!..

Иваньков снова откинулся на солому и расхохотался до слез. Смех заразил всю роту. Закинув головы назад, солдаты гоготали громко, откровенно, не сдерживая себя. Улучив момент, весельчак вставил:

— Вы знаете, некоторые так зашлись, что согнувшись от недержания… в кусты полезли…

Опять пехота грохнула дружным смехом. Долго смеялись…

— Ну, ты, парень, мастак байки травить! Не брат ли Василия Тёркина? Неужто в самом деле так было? — улыбаясь, спросил Руднёв.

— Да вот сегодня утром, ребята! Чтоб мне провалиться! Чего я и прибежал-то к другу! Земляки мы с ним! Посмеяться вместе захотелось, рассказать о событиях в нашей стрелецкой. У вас, поди, таких нет?!

— Как нет? — вмешался Кималтынов. — А вчера что было? Забыли, когда Приходько сало ел? Он угощал Галимова, а тот говорит ему: «Чшушка не ем! Каран — нельзя!» — Приходько как захохочет: «Так в каше тоже „чшушка“, в американской тушенке! Ты ведь ел?» — «Нет, говорит, там барашка бил! Вкусна! Ашать можна!» — все заулыбались, глядя на Кималтынова.

— Мой друг Кималтынов! Из тебя тоже Тёркин получится, но таланта мало. Поучиться бы малость! — с задорной улыбкой прокомментировал Багдасарьян…

— Иваньков, когда гитару принесёшь, всё обещаешь? — крикнул кто-то.

— Видите ли, друзья! Под гитару петь нужно. А тут, знаете ли, звукомаскировка. Соблюдать надо! Как запоёте — крыша с кошары слетит, да и противника перепугаете насмерть… Подождём малость…

Разговоры, шутки, смех продолжались ещё долго. Отличное настроение не покидало солдат. Некоторые познакомились поближе с забавным парнишкой, приглашали заходить почаще. Анатолий оставил о себе приятное впечатление. Постепенно солдаты расходились. Галерин подумал: «Теперь моя очередь рассказать Тольке о себе. Но нет! Свидетелей много, да и огорчать друга не хотелось. Не обидится, если смолчу! Лучше потом расскажу, когда полегчает… А ведь уже полдень. Скоро ночной марш — как пойду?..»

Неожиданно в кошаре появились старшина Димуров и санитар Пухов. Все расступились. Только Чуркин не отошёл ни на шаг. Старшина подошёл, приподнял портянки и осмотрел Алёшкины ступни. Толька увидел и всё сразу понял…

— Вот что, сержант Галерин! Обуйся, возьми дрын и по сараю походи. Двадцать кругов! Понял? Это приказ! — отрубил Димуров.

— Товарищ старшина, ноги распухли, в ботинки не лезут! Как быть?

— Дай нож, Пухов! — Санинструктор подал складной нож и старшина разрезал носки хромовых ботинок.

— На! Теперь полезут! Ходи, долго ходи! В пятнадцать ноль-ноль подойдёшь ко мне, Галерин! — с резким грузинским акцентом приказал Димуров.

— Есть, товарищ старшина! — негромко ответил сержант. Визитёры ушли.

Чуркин и Анатолий Иваньков переглянулись.

— Ты, балагур, помоги, обуй его, а я поищу костыль подходящий, — через плечо буркнул Чуркин и вышел из кошары. Через минуту он вернулся. Друзья натянули ботинки на жёлтые Лёшины ноги, встали.

— Во! Гонять по катуху будем! — Старина показал дрын, и от улыбки усы его растянулись в стороны.

Поддерживая под руки, боевые друзья учили Галерина ходить. Они шутили и смеялись все трое:

— Ну, ша-гом мар-рш! Раз-два! Раз-два! Пошли-и, пошли, вперёд, на запад! Так! Так! Раз-два! Хорошо! Хорошо!..

Постепенно ноги разминались: круг, пять кругов, десять… Лёша уже шагал сам, опираясь на дрын.

Так прошло около часа. Одевшись, слегка зашнуровав покалеченные ботинки, сержант Галерин собирался идти к

старшине, как было приказано. Анатолий вызвался сопровождать друга, но умница Чуркин понимал, что Лёшин товарищ жертвует временем. Ведь ему пора быть в своём батальоне.

— Иваньков! Тебе пора, сынок! Ты иди, не беспокойся! Я с ним пойду!

— Ты прав, дядя Чуркин! Не оставляй его. Я побежал, Лёша! Не падай духом! Ещё увидимся!

С волнением в душе Анатолий быстро зашагал. Через четверть часа он доложил начальству о прибытии…

Командир восьмой роты старший лейтенант Бажов знал о состоянии здоровья сержанта первого взвода:

— Сержант Галерин! Мужайся, бери себя в руки. Надежды на транспорт — никакой! Всё перегружено. Да, у тебя ведь отделение! Покажи солдатам пример мужества и выносливости… А сейчас иди со старшиной. Времени до выхода четыре часа. Отделение должно быть боеготово! Чуркин, потом подойдёшь ко мне. — Он похлопал Галерина по плечу, пожелал успеха и ушел по своим делам.

Старшина Димуров привел Галерина и Чуркина к лошадям, потрепал Славяна по холке и обошел ротную повозку. Он развязал веревку, поднял брезент и достал флягу со спиртом, налил немного в кружку и подал Галерину:

— Выпей все, сержант! Обязательно выпей!

— Вы же знаете, товарищ старшина, я не пью… Никогда не пил… Отец тоже не…

— Отец, отец! Не понимаешь, сержант Галерин. Это приказ! Иначе пропадешь, сдохнешь по дороге — ноги откажут! Вот вода, запьешь, закусишь, все будет хорошо! Поверь мне, Галерин. Ну, давай, вперед!

Чуркин подошел вплотную:

— Не бойся, это правда. Смело, разом выпей!

Галерин не пробовал водку, а тут спирт — огонь в живот, как каленое железо. Ни за что не выпил бы. Но рядом был Чуркин. Сержант улыбнулся смущенно, взял кружку в обе руки и хватил все до донышка, запил водой и ничего, не задохнулся. Димуров вскрыл красивую американскую банку со свиной тушенкой, достал сухариков. Алексей пожевал луковичку, хорошо поел, и все успокоилось. Пока Галерин закусывал, старшина налил глоток Чуркину. Тот выпил и взял кусок свинины. Димуров отозвал Чуркина в сторону:

— Если что случится с Галериным — голову оторву, старина, понял? Ты за него в ответе. Видишь, парень молодой, неопытный. Насчет отделения: взводный знает всё, меры примет.

— Понял тебя, старшина! Постараюсь! — кивнул головой

бывалый солдат. — Будет сделано!

— А за пулемет командир еще вызовет тебя, поблагодарит. Комбат приказал все катки пулемётов обмотать, как у тебя. Видишь, какие марши тяжелые! Словом, молодец, хороший пример показал! Только сержанта побереги. Прошу тебя, Чуркин!

Старшина Димуров порылся под брезентом и повернулся к Галерину:

— Ну, сержант, снимай свои трофейные. Вот новые портянки, стелечки мягкие и ботинки — что надо! На, примеряй!

Юного командира вроде на печке отогрели после мороза. Зарумянился, разогрелся, повеселел. Он сел на дышло армейской повозки и стал переобуваться. Ноги, как ноги, мягкие, теплые, отдохнувшие, однако все еще желтые от йода. Подошва коркой взялась. Переобулся. Ботинки подошли хорошо. С Чуркиным пошли во взвод. Было легко и здорово. Алексей почувствовал, как закружилась голова, все вокруг плывет, тело обмякло, стало непослушным. Он вошел в овчарню, лег на солому и мгновенно уснул. Охмелевший сержант не слышал, как Чуркин расстегнул его ремень, снял новые «скороходы» и накрыл ноги своей шинелью.

Младший лейтенант Катышев приказал своему помкомвзвода взять отделение сержанта Галерина на себя, а сам вызвал рядовых Чуркина и Свинцова:

— Рядовой Свинцов, включайся в пулеметный расчет вместо Чуркина. Возьми у него пулеметную лямку. А ты, Чуркин, получил приказ от старшины?

— Так точно, товарищ младший лейтенант.

— Выполняй! Держи меня в курсе дела. Помни, ты в ответе за Галерина. Ну, идите!

Солдаты козырнули и пошли в отделение.

Галерин поспал часа полтора. Уже пора ужина и сбора в путь. Не спеша Лешка обулся, встал, разделся до пояса и пошел к колодцу. Яркое предвечернее солнце слепило глаза. Хмель еще мутил голову. Умывшись холодной водой, сержант ожесточенно растер спину и грудь полотенцем, почувствовал легкость тела и бодрость духа. Он невольно улыбнулся. Ноги отдохнули и не беспокоили его. Вернувшись в овечий хлев, Алексей оделся, заправился и выглядел молодцом. Довольный собой, подумал: «Не подвели бы ноги!»

Солдаты гремели котелками. Кто копошился в вещмешке, кто переобувался, а кто коптел над бумажкой, чтобы послать весточку через полевую почту домой. Некоторые протирали оружие, новенькими блестящими патронами снаряжали магазины.

Перед выходом командиры рот собрали младший комсостав. Сержанта Галерина на совещание не пригласили. Чуркин успокоил его:

— Товарищ младший лейтенант сказали: «Пусть Галерин выздоравливает!» Вот! Видишь, заботится. А ты поправляйся, сержант. Давай-ка, сними свою обнову, ноги посмотрим…

Галерин сел на колоду, расшнуровал ботинки. Чуркин снял с него «скороходы» и осмотрел подошвы, пальцы, всю ступню.

— Теперь в порядке! Вот вазелин, смажь колеса, пусть отдыхают! Им шагать да шагать! Скоро Вислу перешагнем… Держи котелок, горячий, поешь, чайку попей! Скоро построение…

Общая задача марша на эту ночь выглядела так: преследуя отходящего противника, третьему батальону в составе стрелкового полка приказано форсировать реку Висла и выйти в направлении Радом, южнее Варшавы. Впереди промышленный город Лодзь, занятый фашистами. Все основные силы армия сосредоточит на освобождении этого города… Задача доводилась только до офицеров. Солдатам и сержантам ставилась непосредственная задача. К сведению сообщался самый минимум. Напоминали о соблюдении маскировки и сохранении бдительности. В лесах и на хуторах орудуют бандеровские банды и отряды польских националистов. Могут быть засады и диверсии.

Ну, теперь вперед, Галерин! Что тебя ждет, безусый паренек? Выдержишь ли ты испытание на прочность? Или ты ночью потеряешься в пути, упадешь где-нибудь в яму, и никто не поднимет тебя? Или угодишь под колеса, и раздавят тебя в лепешку? Тебе ведь восемнадцать исполнилось! Так будь же мужчиной, а не слюнтяем эдаким! Прояви волю, заставь себя выдержать и боль, и хмель, и трудности! Помнишь Рахметова у Чернышевского — на гвоздях ведь спал, выносливость воспитывал в себе… А ты? Разве ты не можешь? Сможешь, раз надо! Сможешь, если захочешь, если себя переборешь! Не один ты. Тысячи таких на фронте, в тылу, в госпиталях терпят, мучаются, страдают, но борются! Менее, чем через год, ты будешь торжествовать Победу, если выживешь, если вынесешь эту тяжелую кровавую бойню! Так будь же молодцом, Лешка, может, тебе повезет. А сейчас держи испытание на марше. Выдержишь — *никогда больше* так трудно не будет!

Шли сначала быстро. Затем часа полтора колонна тянулась по песчаной полевой дороге, прошла через лес, минула хутор и вышла на широкую магистраль. Батальоны несколько раз

останавливались, и снова гармошка марша растягивалась. Внезапно оказались на берегу Вислы. Мост был взорван, и его черные фермы повисли косыми глыбами над водой. Переправа находилась слева, выше по течению. Подход к ней за три километра заторен техникой, повозками, пехотой. Повсюду стояли регулировщики с фонариками и жезлами, пропускающие колонны. Соблюдался строгий порядок. Внизу переправа обозначалась тусклыми подсветками над водой, с берега на фоне черной глади это выглядело красиво.

Третий батальон спустился к наведенному мосту почти бегом и быстро преодолел его. Настил покачивался на понтонных плотах. Казалось, под ногами дышит земля. Реку почти никто не видел. Было темно и сыро. Лишь фонарики освещали путь…

Прошло более часа, как форсировали Вислу. Восстановился размеренный ритм марша. Солдаты устали. Пора бы привал сделать…

Наконец-то! Сержант Галерин облегченно вздохнул, сел на обочину дороги, ноги в кювет, оперся на локоть, спиной на вещмешок, ствол автомата зажал в руке и мгновенно уснул.

Как это случилось — не помнил. Слышал только рядом слова: «…Километров тридцать с гаком отмеряли…» Он все глубже проваливался в сон. Алексей не слышал команд, голосов, совсем потерял бдительность. Раньше с ним такого не было. Колонна построилась, а Галерин все спал. Кто-то сильно тряхнул его за плечо, но сержант не проснулся. Как лунатик, встал и пошел. Стоило огромных усилий, чтобы проснуться на миг, осмотреться. Глаза слипались сами, сознание не поддавалось контролю. Спать! Спать! О, как хочется спать! Никогда в жизни не хотелось так спать, как на этот раз. Что бы он отдал за десяток минут покоя… Вдруг Галерин полетел… Он рухнул в кювет, вскочил от испуга и снова упал. О, как тяжело! Но надо! Понимал, что надо вставать, надо идти, но не мог. Сердце замирало, сознание отключалось, тело не слушалось. Собрав все силы, встал, ноги сами пошли вслепую неведомо куда… Сквозь сон, Алексей почувствовал, будто какая-то сила подхватила его, и он будто наплаву или в полете… Очнулся, увидел рядом Чуркина. Тот держал его под руку, тормошил, что-то говорил, но безусый сержант ничего не воспринимал. Тогда находчивый солдат привязал Лешкину руку к армейской повозке. Теперь правая рука стала чужой, не подчинялась воле сержанта и не отпускала его. Рука тянула куда-то все тело, а ноги безотказно шагали сами. Машинально левой рукой Лешка проверил автомат. Все в порядке! Проснулся на секунду, открыл глаза, увидел повозку, а на фоне ночного неба маячили упитанные крупы Славяна и Сивого. Чуркин шептал на

ухо:

— Теперича спи, теперича можно…

Пехотинцу стало легче: не надо себя контролировать, принуждать. Можно поспать. И он спал натурально, как там, на соломе, в уютном катухе. Ему ничего не снилось, дышалось легко, свободно: он просто крепко спал…

Сколько прошло времени, сержант Галерин не знал: может — час, может — два. Неожиданно услышал лошадиный храп: это Славян продул носовые от натуги. Алексей проснулся. Глаза широко раскрылись, сознание обрело реальность. Все четко видно вокруг. Рассвет: заря осветила полнеба. Сон мгновенно исчез. Наш герой оглянулся и неожиданно для себя крикнул:

— Я выспался. Чуркин! Отвяжи руку. Теперь мне хорошо!

— Ну вот, чего и надо было. Поспал, теперича будем роту догонять! Мы в хвосте батальона оказались.

Утром батальон вполз в большую деревню. В центре возвышался костел. Перед ним — обширная площадь, прошитая песчаными дорожками, бегущими по красноватому спорышу. Сказочно красиво. Чистенький городок не затронула война. Здесь тихо и спокойно. Жители ухоженных домов стояли у оградок и наблюдали за движением измученных людей. Здесь заранее распределили дворы по подразделениям. Сержант Галерин подвел свое отделение к небольшой усадьбе с двухэтажным домом. Пожилой хозяин стоял у ворот со своей женой. Они почтительно раскланялись.

— Прошу, пан сержант! — распахнул калитку поляк и показал, куда идти. Вошли, пулемет поставили посреди двора. Солдаты, как куры, уселись кто на дрова, кто на доски, а кто на скамью. Было видно, что они очень устали.

— Пан сержант! Почивать тамо будете! — хозяин показал на второй этаж и жестом пригласил Галерина войти в дом. Они поднялись по крутой лестнице наверх и вошли в обширное помещение. Это был великолепный зал, уставленный по всем стенам изысканной старинной посудой музейной редкости: тонко расписанные статуэтки из белой глины, фаянсовые чайные сервизы, инкрустированные золотом, вазы, часы, обрамленные художественным изваянием в бронзе или кафеле, барельефы, фигурки. На других стеллажах — деревянные поделки, ларчики, коробочки, рожки и прочие диковинки. Никогда и нигде Лешка не видел подобной красоты. Все сияло и золотилось, удивляло тончайшей росписью. Посредине огромной гостиной — круглый стол с резными ножками и венские стулья с бархатными сиденьями. Никакой другой мебели не было, лишь белоснежная

голландская печь чуть выступала в зал и сияла золотыми розеточками…

«И это все для нас, солдат? — подумал Галерин. — Это здесь-то спать предлагают?» Гость ощутил неловкость и хотел отказаться, но старик дружелюбно отклонил сопротивление и стал сходить вниз. Спускаясь за ним, Галерин снова задумался: «Нет ли здесь подвоха? Может, специально выставлено, чтобы соблазнить, а потом уличить… Но нет! Человек не льстит, не заискивает и совершенно не боится нашего присутствия. Видно, что люди добрые от природы, открытые, гостеприимные…»

— Вот что, товарищи, — обратился командир отделения к солдатам, — здесь живёт богатая семья. Нам предлагают отдыхать в зале, где очень дорогая и красивая сервировка. Так вот приказываю: пальцем ничего не трогать! Люди нам доверяют! Чтобы был порядок… Располагаться головой к столу. Дневальный во дворе с оружием у пулемета. Смена через час. Первым заступает Закиров… Остальные — за мной!

Уже на ходу сержант добавил:

— Вон там уборная, да аккуратней!..

Пока отделение получало распоряжение на отдых, старик заволок два снопа овсяной соломы в зал и оставил их у стола. Теперь он стоял на крыльце своего дома, принимал парад входящих солдат, кланялся каждому и что-то говорил по-польски. Улеглись не сразу. Сложив вещмешки под стол, бойцы раздевались, озирались по сторонам и медленно обходили зал, любуясь красивыми вещами. Некоторые улыбались, как во сне, разглядывая невиданное творение рук человеческих. Но усталость брала свое: расстелив шинели на соломе, пехота падала и тут же засыпала, прижав к себе автоматы.

Прошло два часа. Дневальный Галимов подал команду троим заготовщикам получать завтрак. Бряцание котелков, фляжек прогнало сон. Люди стали подниматься, выходить во двор поплескаться свежей водичкой. На пороге гостиной появилась приятно одетая старушка в белом фартуке. Она держала огромную сковороду — жаровню — и искала подход к столу. Шагнув, поставила поддон, на него жаровню и положила на стол горсть изумительных золоченых вилок. Ушла молча, но вскоре вернулась с караваем душистого хлеба и горой соленых огурчиков. Зал наполнился захватывающим ароматом жареной картошки с луком и горячего хлеба. У солдат потекли слюнки!

— Дякуем, дякуем, — сказал Приходько по-украински. Однако, никто к столу не подошел и угощение не трогал. Знали, что запрещено. Ничего нельзя брать у поляков. Боялись провокаций: даст кринку молока, а потом заявит, что отобрали.

Вот и докажи трибуналу, что это не так! Брали гостинцы, но при свидетелях… А как быть сейчас? Все свидетели. Угощают ведь! Но приказ есть приказ!..

Сержант Галерин показал ладонью: «Стойте!» Он позвал к столу хозяев и предложил вместе позавтракать.

Поляки отказались. Но старик догадался, что «пан сержант» боится отравления. Глянул на солдат, обидно сверкнул глазами, подошел к столу и вилкой наколол стопку картофеля, затем втолкнул в рот, вкусно пожевал и откусил половину хрустящего огурца. Проглотив пищу, хозяин улыбнулся и заговорил по-польски. Его озабоченность можно было понять.

Давно не евшие домашней пищи, да еще такой ароматной, как эта, солдаты еле сдерживали свой порыв.

— Свинцов! К столу! Распорядись поровну! — скомандовал командир отделения…

Как же это было вкусно!

— В царских хоромах, царскими вилками, царский обед! Вот это здорово! — воскликнул Бутенко. — Ешь, пехота, да помни доброту польских хозяев!

Солдаты улыбались, шутили и вмиг очистили сковороду, оставив три порции заготовщикам.

— А вот и каша пришла наша! Налетай, братва, на котелки! — весело объявил Багдасарьян. — Огурчики, картошка жареная, откуда?..

Все наелись вволю. Вышли во двор протирать оружие. Дневальные выносили солому. Приходько подошел к пожилым полякам и нежно пожал им руки:

— Дякуем, дякуем! — улыбался он.

Солнце светило по-осеннему.

ПРОЩАЙ, ДИМУРОВ

Третий стрелковый батальон стоял в густом заповедном лесу южнее Побъянице в полсотне километров от Лодзи. Осенний лес сбрасывал свой багряный наряд. Листва давно порыжела и резко отличалась от сосен. Было тихо, солнечно. Ночные холода заставляли ёжиться, искать тепло, проявлять находчивость, чтобы согреться. Здесь часто встречались лесные обитатели: зайцы, уже менявшие летние шубки на зимние, косули с растопыренными ушами, а вечерами раздавался рёв изюбров, идущих на бой. Поговаривали, что здесь даже зубры есть и много кабанов.

Прекрасный старый лес, полный здоровья и сил, по-осеннему красив. Несмотря на то, что в Европе бушует огонь войны, этот уголок не пострадал, лишь уход за лесом и его живностью ослабел, да покой зверей нарушался гулом летящих бомбардировщиков. Заботливых егерей разогнала война, кормушки опустели, но животные не одичали и тянулись к людям. Чудесно осенью в лесу: грибов, ягод, желудей…

…Но в мозгах, костях и жилах, как заноза, торчала война. В восьмой роте уже погибли трое и пятеро ранены. А вчера погиб любимец роты — гвардии старшина Димуров.

Это случилось в полдень, когда старшина запряг Сивого и Славяна и отправился в полковой склад за зимним обмундированием. Он взял ППШ, аккуратно заправился и хотел уже трогать, как старший лейтенант Бажов, заметил ему:

— Старшина, возьми пару солдат для охраны! Куда прёшься, отчаянный…

— Не на фронт, в тыл еду, товарищ старший лейтенант — не впервой! — Он хлестнул лошадей и поехал по мягкой, давно не езженой лесной дороге.

Старшина Димуров оказался наедине с дремучим лесом. Оглядывая вековые деревья, он услышал, как Сивый недовольно фыркнул ноздрями, а Славян высоко поднял морду и уставился на дорогу: там, впереди, по-собачьи сидела рыжая лиса с белой грудкой. Она явно не боялась лошадей, не спеша поднялась, показала свой пышный хвост и прыгнула прочь с дороги. Ездок подумал: «Сколько здесь дичи, но ни один солдат или офицер не поднял автомат, чтобы убить косулю или кабана…» — Не только совесть не позволяла убивать заповедную дичь, — другие, чисто военные соображения запрещали охотиться: скрытность сосредоточения, звукомаскировка, этика военного. Оружие дано для других целей!

Лошади напрягались. Колёса глубоко врезались в песчаную

почву и трудновато было волочить армейскую повозку. Старшина не торопился. Он поглядывал на стройные корабельные сосны, задирал голову, и она приятно кружилась от удовольствия и наслаждения. Димуров шептал сам себе: «Я правильно говорил солдатам, когда заходили в этот лес: „Мы не захватчики! Мы освободители! Мы не можем трогать то, что не принадлежит нам. Мы гости в этой стране и должны вести себя, как подобает гостям. У нас так в Грузии…“».

Незаметно для себя старшина пересёк большой лесной массив, выехал на просёлочную дорогу и через час достиг намеченной цели. Это был небольшой населённый пункт, где размещался штаб стрелкового полка и его тылы. Димуров подъехал к усадьбе, окутанной садовыми деревьями. На крыльце большого деревянного дома с открытой верандой красивая полячка хохотала с кругу полковых писарей. Она показывала свои фотографии в обществе немецких офицеров. Приторочив уздечку к столбу, Димуров подошёл к крыльцу:

— Здравия желаем, товарищ старшина! — заорали младшие чины штаба.

— Здравия желаю! — пожал всем руки старшина. — Здравствуйте, пани! — Хозяйка протянула пухленькую ручку и кокетливо улыбнулась. Она вела себя несколько развязно, но гость не придал этому значения, лишь смущённо улыбнулся красавице, мельком глянув ей в лицо. У него не возникло никаких подозрений в отношении хозяйки дома, беспечно шутившей средь парней. Как выяснилось из разговора, в этом доме до нападения фашистской Германии на СССР размещался штаб немецкого сапёрного батальона и Барбара хвастливо рассказывала солдатам все подробности общения с начальством. Хотя она говорила по-

польски, всё было понятно без перевода на русский. Достаточно двух-трёх недель общения, чтобы понимать разговорную речь и объясняться.

К четырём часам дня старшина Димуров загрузил повозку телогрейками, шапками-ушанками, тёплым бельём, шерстяными портянками и прочей амуницией, закрыл всё брезентом, затянул верёвкой, сел на облучок и тронул лошадей. Ещё два часа светлого времени. Он успеет доехать, а потому был спокоен и уверен в благополучном возвращении. Но только свернул он с просёлочной дороги в лес на знакомую колею, сразу же потемнело. Кроны сосен закрыли полнеба, оставив узкую полоску света над головой. Прошло минут десять. Вдруг лошади запрядали ушами, подняли морды, замедлили ход и стали беспокойно озираться. Они почуяли засаду. Старшина перевёл автомат на грудь и взвёл затвор. Впереди на дороге стоял человек и что-то орал. Справа вылез из леса ещё один и шёл к повозке с оружием наперевес. Димуров спрыгнул с повозки налево, притормозил лошадей и дал очередь по правому. Тот упал, вскочил и спрятался за дерево. Передний выстрелил в лошадь и Сивый взревел, рухнул на морду, потянув за собой Славяна. Задние ноги ещё держали его, и он пытался подняться. Славян бился в упряжи, порвал узду и выскочил из постромков. Прикрываясь повозкой, Димуров дал очередь по третьему бандиту, возникшему в полсотне метров сзади. Но тот успел выстрелить и ранил ездока в левое плечо. Старшина выронил автомат, достал гранату под сиденьем, с трудом вырвал кольцо с чекой и швырнул в заднего — удачно! Бандит замер. Славян от взрыва и стрельбы перепугался, отчаянно вырывался и бешено ржал. Переднему бандиту мешали лошади. Он прицелился в Славяна, но передумал, перенёс огонь на Сивого и пробил ему шею. Голова лошади дёрнулась и упала на землю. Задние ноги, всё ещё державшие могучее тело, медленно подкосились, и он упал на бок, испуская истошный храп. Двое бандитов наступали, подходили всё ближе, прячась за деревьями. Правый, видимо, раненый, хромая, перебегал от дерева к дереву. С большим трудом старшина Димуров сбросил шинель и правой рукой схватил автомат. Положив его на повозку, надёжно упёрся, прицелился и дал длинную очередь по раненому бандиту… Левая рука Димурова намокла, обессилела. Горячее сердце рвалось из груди, выбивая кровь в рукав гимнастёрки. Нападавшие выжидали. Они поняли, что ездок ранен, добыча в их руках, но время подгоняло бандитов: они боялись обнаружить себя, поэтому очень торопились…

Димуров слабел: кружилась голова, в глазах темнело. Но сознание работало чётко. Он готов был стрелять, ещё есть силы, но нападающих не видно — затаились! Передний незаметно обошел старшину и сзади ударил его ножом в шею. Горячая кровь брызнула бандиту в лицо, на грудь, и он злобно выругался… Убийца лихорадочно выпряг Славяна, посадил раненого сообщника верхом. Очевидно, третий был мёртв. Некогда! С ним всё кончено! Куда его?! Скорее надо уходить! Бандит бросился к умирающему Димурову, сорвал с его груди орден и медали, вытащил документы из нагрудного кармана. Затем ножом вспорол брезент на повозке, выхватил связку телогреек и две пары сапог (больше не взять), бросил на Славяна и вскочил на загривок взбешенной лошади.

Грабители умчались в лес: ищи-свищи разбойников в дремучей чаще!

Добить Сивого бандиты не успели: не до жалости было! А раненый конь беспомощно бился, страдал от боли, ржал, ежеминутно издавал тяжёлые вздохи. Он прислушивался и ждал помощи. Его пугали тишина, наступившая после боя, и одиночество в чужом лесу. Становилось всё темнее. Дрожь охватила израненное тело животного. Он стонал, может, плакал по-лошадиному, может, хотел умереть, да не мог. Его охватило смятение. Натужившись, он пытался освободиться от упряжи, встать, но силы покидали его. Этот боец в хомуте и сбруе имел право на сострадание к нему, так как всю свою армейскую жизнь честно служил людям. За что ему такие муки…

Никто не видел и не слышал, что произошло в лесу: вечерний

бой далеко за околицей лесной деревушки длился не более четверти часа. Димуров уже истек кровью и ничем не мог помочь Сивому. Конь видел своего хозяина лежащим на земле и взывал о помощи. Бедолага надеялся, что человек встанет, подойдет, освободит от пут, от жгучей боли на шее и в ноге. Но помощи не было… Стало совсем темно. Раненый конь захотел пить. Жажда обуяла его. От нетерпения он поднял голову и жалобно заржал. Ему мерещилась вода, светлая, чистая, прохладная, как тень. Пробитая шея не держала голову, и она тяжело шлепнулась в лужу. Конь учуял запах крови. Ужас, удушье навалились на него, он захрапел: «Встать бы! Напиться!..» Хотел снова заржать, но не хватило сил. Судороги сковали все тело. Невыносимая боль сломила Сивого. Он потерял сознание.

Командир восьмой стрелковой роты старший лейтенант Бажов посматривал на часы и волновался: «Пора бы вернуться старшине! Где он? Скоро начнет темнеть…» Тревога передалась усатому ездовому Дахно, который на этот злосчастный день занемог, и старшина разрешил ему остаться.

— Вот что, Пухов, — обратился ротный к санинструктору, который обхаживал Дахно, — бегом к комбату, отдай ему это донесение. Если даст машину, пригони сюда!

Пухов умчался. Командир вызвал взводного:

— Младший лейтенант Катышев! Подготовьте взвод к поиску! Оружие, гранаты, фонари. Ждите прихода машины…

Газик шел с зажженными подфарниками. Приехал адъютант старший батальона капитан Проскурин. Доложив обстановку, командир роты попросил его не ехать на поиски, остаться в роте. Проскурин согласился.

Полуторка шла с трудом, урча и тужась. Солдаты теснились в кузове. Через полчаса увидели на дороге повозку. Несчастный конь поднял окровавленную голову, хрипло заржал.

— Стой! Слезай! Оцепить повозку! Наблюдать! — скомандовал ротный.

Катышев выхватил пистолет, загнал патрон в патронник и быстро оцепил участок солдатами.

Машина освещала место трагедии.

— Вперед! Трогай, водитель! — все двинулись к повозке, окружая участок боя… Никого нет. Тишина. Лишь слышны тяжелые вздохи лошади. Было страшно! Командир начал изучать место схватки:

— Старшина Димуров убит! Сивый тяжело ранен! Повозка с поклажей раскурочена — видно, спешили! Нет Славяна! Это дело рук бандеровцев, — бросал он короткие реплики.

Тело Димурова еще чуть теплилось. Кровь запеклась на груди, на руках, на лице.

Гимнастерка изодрана, залита кровью. На шее у ключицы зияла кровавая рана. Старшину вытерли, положили на шинель.

— Товарищ старший лейтенант, там убитый, — указал солдат на дорогу, — и винтовка немецкая рядом…

— Сержант Галерин, убитого — к машине, — приказал комроты. Он осмотрел Сивого. Конь открыл глаз. Солдаты выпрягли его. Голова и ноги были неподвижны, только бока тяжело вздымались. Раненый задыхался.

— Сивый умирает, товарищ старший лейтенант, — грустно доложил санинтруктор Пухов, слушавший его сердце. Командир присел на корточки, погладил морду коня:

— Прощай, Сивый! Ты честно служил Родине и погиб, как боец! — Солдаты стояли молча. Голова коня отбросилась назад, Сивый дернулся и затих. — Утром тебя похороним, Сивый. Прощай, добрый конь, трудяга! — комроты встал.

Все видели, как он вытирал слезы. Справившись с собой, тихо приказал:

— Сержант Галерин, погрузите обмундирование на газик, убитого бандита тоже. Он еще нужен будет контрразведке. Димурова сверху на брезент положите, накройте шинелью…

В лесу стало совсем темно, лишь фонарики да фары автомашины прорезали мглу. Траурный эскорт медленно двигался по лесной дороге. Солдаты шли молча…

Представитель контрразведки «СМЕРШ» капитан Новиков приехал в восьмую роту на рассвете. Он разговаривал с нужными ему людьми. Осмотрев тело старшины Димурова, контрразведчик обошел повозку, подержал в руках трофейную винтовку, обшарил карманы убитого бандита. Офицеры молча наблюдали за ходом расследования.

— Какие вещи бандиты взяли с повозки? — обратился он к ротному.

— Телогреек штук десять, армейские сапоги, да награды сорвали с груди и документы взяли у старшины…

Уезжая, капитан Новиков прихватил телогрейку из той партии, которая была получена в полковом складе.

Поиски бандитов начались!

Прошло три дня. Старший лейтенант Бажов собрал сержантов и кратко рассказал об итогах расследования обстоятельств гибели солдат и офицеров полка, в том числе и убийства старшины Димурова. Командир роты обратил внимание сержантов на повышение бдительности, укрепление дисциплины личного состава и взаимовыручку. Боевая обстановка в стрелковом полку все время усложняется, каждый день гибнут люди. Обреченные на поражение фашисты яростно сопротивляются, но они не в состоянии обороняться — отходят, ведут сдерживающие бои. Убийства из-за угла, поджоги, диверсии стали основой тактики сопротивления. Для этой цели немцы широко используют различные националистические группировки Польши. Они поддерживаются и насаждаются повсюду для нападения и разбоев. Однако, бандиты видят, как эсэсовцы бегут, бросая их на произвол судьбы. Теперь поляки находятся среди двух огней и осознают свою обреченность. Но страх за уже совершенные злодеяния, боязнь возмездия не останавливают их. Убийство старшины Димурова и разбой в лесу — это рядовой эпизод в числе задач прихвостней фашистских захватчиков: находить, нападать, уничтожать, грабить советских солдат и офицеров повсюду, где только это возможно.

В деревнях, на хуторах они оставляют, прячут главарей

бандитских шаек, которые только и ждут удобного случая для совершения диверсии. Хозяйка дома, в котором размещался штаб стрелкового полка, была завербована бандеровцами под кличкой «Баядера». Как только старшина Димуров появился в штабе полка, она смекнула: «Через час-полтора он будет уезжать один, без охраны, с полной телегой груза… Вот удачный случай для нападения в лесу, и никаких свидетелей не будет… А уж свой куш получу сполна… Только бы успеть сообщить сотнику поскорее…» И она успела четко сработать…

Расследование началось с поиска новеньких телогреек цвета «хаки». Обязательно хотя бы одна из них должна была «выползти» на свет — ведь осень! Кто-то купит трофейную вещицу, непременно наденет и появится в этой «хорошей примете». Так оно и случилось… И вторая улика — это оставленный бандитами в лесу труп соучастника разбоя, которого оплакивали хуторяне. Эти факты помогли напасть на след убийцы Димурова и арестовать его. Нашелся и раненый пулей в бедро. Его лечил местный лекарь на дальнем хуторе. Деревни здесь небольшие, и новости облетали их мигом. У бандитов были найдены и изъяты оружие, деньги, документы, обмундирование советских воинов, десятки медалей, ордена и прочие трофеи. Все это они награбили, убивая наших солдат и офицеров. Арестованные бандиты оправдывались, будто их немцы заставляли силой совершать нападения, клялись, что больше не будут воевать против нас. Главарь падал на пол, ползал, умолял пощадить, простить грехи и прочее… Он же сообщил, что украденного коня забрал сотник, и рассказал, где его убежище. Организаторы бандитских акций обезврежены. Славяна возвратили в восьмую роту.

Старшину Шота Димурова похоронили со всеми фронтовыми почестями на перекрестке двух просек в прекрасном заповедном лесу, который ему так нравился.

Прогремели оружейные залпы на могиле воина.

Прощай, старшина восьмой роты! Прощай, боевой друг и товарищ старшина Димуров!

Солдаты не плакали. Стенали их сердца. Руки сжимали автоматы.

ИСКУПЛЕНИЕ

Командир первого взвода восьмой роты лейтенант Катышев вызвал сержанта Галерина:

— Зачисляю в твоё отделение рядового Рогова. Вы, кажется, одногодки. Вместе будете воевать!

— Есть! — доложил сержант. — Пошли, Рогов! Как зовут тебя?

— Андрей я! А тебя?

— Сержант Галерин, Алексей.

— Ну что ж, пехота, пойдём!

Новичок забросил вещмешок за плечи и недовольно вздохнул. Сержант обратил внимание на необычную форму одежды Рогова.

— Из каких видов оружия стрелять можешь, Рогов?

— Практически из любого, кроме миномёта.

— А из пулемета «Максима» можешь?

— Из «Дегтярева» тоже могу, чего не уметь-то! Было бы в кого стрелять… Из пистолета «ТТ» могу! — с ухмылкой ответил новичок.

— А из снайперской?

— Надо потренироваться, смогу и из снайперской…

Галерин удивился и подумал: «Хвастун! Похоже, сидел в тепленьком штабе, да проштрафился… Ишь, разоделся: ремень с портупеей, брюки „гали“ офицерские и пилоточка шерстяная с голубым кантом… Фрайер настоящий! Сапоги надраил, как на парад… Кто он? Оружием владеет любым, даже „ТТ“? Этим ведь не хвастают! Может, и впрямь способный! Посмотрим, посмотрим…»

Сержант Галерин привел «хвастунишку» в небольшой польский дворик, где размещалось его отделение. У сарая стоял пулемет. Солдаты уставились на новичка, обмениваясь впечатлением. У пулемета остановились:

— Вот что, Рогов, это наш друг «Максим»! Пулеметчик Свинцов погиб недавно. Вторым номером в расчете был. «Сынком» «Максимку» величал. Назначаю тебя на его место… А теперь пойдем в отделение, Андрей.

В деревянном строении без окон когда-то хранились зерно и мука. На дощатом полу было настелено много соломы. Сбросив с плеча вещмешок и положив шинель рядом, Рогов оглядел сарайчик и протянул:

— Я думал, вы в окопах! А здесь… здесь «воевать» можно…

— Бываем и в окопах, когда надо, недовольный репликой гостя, ворчал Бутенко, поправляя солому.

— Знакомьтесь, новый помпулеметчика, — объявил командир отделения.

— Рядовой Рогов! — четко козырнул новичок.

— Чуркин, к тебе помощник, радуйся, — съязвил кто-то.

— Значит, вместо Свинцова, — протягивая руку сказал Чуркин и погладил усы.

— Андрей, — ответил гость, присаживаясь на солому рядом с Чуркиным.

— Откеля к нам, Андрей? Со штаба, аль с тылу приехал? — Чуркин так пристально посмотрел на парня, что тот смутился.

Рогов почувствовал в этом седом человеке мудрого и уважаемого солдата. Его прямой и честный вопрос попал точно в цель. Именно этого вопроса больше всего боялся Рогов.

— О, это долгая история… — попытался увильнуть от ответа Рогов. Он окончательно смутился и опустил голову. Потом взял соломинку и стал ею бесцельно крутить вокруг пальца, положил в рот, пожевал, задумался: «Зачем я буду рассказывать им свою историю? Что было, то прошло…»

Между тем, сарайчик заполнялся солдатами, каждый протягивал руку, знакомясь с новичком.

— Расскажи, коль тяжко на душе, легче станет, — тихо посоветовал Чуркин, — здесь все свои, постарше, а ты молодой, может, поможем чем, а?

— Спасибо. Помочь себе я смогу только сам! — солдаты навострили уши. Они поняли, что с парнем что-то неладно. Загудели.

— Ну, чего там, не загордись! У нас ни от кого секретов нету! — засмеялся усами Чуркин и опять тронул их пальцем.

Теперь отделение собралось в полном составе. Образовался

кружок вокруг новичка и Чуркина.

— Рассказывай, Андрей, зачем долго молчишь, — вступил в разговор Маллабай Юсупов.

— У нас дружная семья: все — за одного, один — за всех, — перевернул кто-то крылатую фразу.

— Хочу спросить у вас, «дружная семейка»: в вашем батальоне разведка есть? — неожиданно поднял голову и залпом выпалил Рогов.

— В каждом батальоне разведвзвод. А зачем тебе это, Рогов? — с подозрением спросил сержант Галерин.

— Ну, вы же сказали, секретов нет, вот я и спрашиваю, — все дружно засмеялись.

— Ну, ты зубья не заговаривай, Рогов, видим, в пехоте ты новичок. Давай, все просят, выкладывай, что у тебя стряслось? — опять возник ворчливый Бутенко.

Рогов помолчал, потом смущенно начал:

— Понимаете, ребята, у каждого в жизни не все гладко бывает, может случиться невезение. Вот и мне крупно не повезло… Но я не из тех, кто паникует. У меня нервишки в порядке…

— А что случилось с тобой, Андрей? — уже дружелюбно спросил Бутенко, — Короче, докладывай.

— Стыдно рассказывать, но вы, вижу… от вас не увильнешь. Общительный вы народ, пехота!

— А ты что, не в пехоте служил, что ли? — спросил Маркелов.

— Нет, ребята, я служил в авиации, да вот проштрафился, и меня рядовым в пехоту.

— Хм, интересно, за что такое «наказание» авиатору? — с ехидцей засмеялся Жезлов.

— Летчик я, лейтенант разжалованный… — Андрей снова опустил голову и завертел своей соломинкой. — Самолет разбил я, ребята, но сам, как видите, живой остался…

— Летчик? Лейтенант?! Подожгли самолет, что ли? Подбили? — вскочил на ноги Бутенко.

— Да нет… — Рогов поднял голову и осмотрел солдатский круг. Глаза его были влажными. Он смущенно улыбнулся краешком губ и глубоко вздохнул. Любопытные глаза пехотинцев смотрели на него в упор. Все затаили дыхание. Никто не произнес ни слова. Рогов уже спокойно продолжал:

— В штабе нашей армии я был связным. Возил документы в войска, ну, куда надо, в общем. Доставлял приказы по армии, карты, директивы и прочее. У меня маленький «У-2» был, летал только рано утром или вечером очень низко над землей — так

легче маскироваться. Иначе — собьют «мессеры» мгновенно! Вот я и ловчил: чуть солнце сядет, я и пошел! Небольшой разбег — и я на крыльях… Бывало, прилечу, братва штабная орет: «Воздушный фельдъегерь! Здорово!» Обнимают… Все меня в штабах знали, но всегда приходилось торопиться: сдал документы в секретную часть, печать поставили — и обратно, пока не стемнело. Запоздаешь чуть — будешь до утра куковать в штабе рядом с дежурным…

Вообще-то маршруты к штабам я наизусть знал. Лететь-то иногда меньше часа. Сотню раз летать приходилось, пока штаб армии в Жарах стоял… И вот, однажды прилетел я вечером в штаб одной дивизии. Ребята поздравляют: «С праздником тебя, Андрей!

Сегодня ведь день ВВС, забыл, что ли, заработался! Заходи в гости», — просят. «Некогда мне, ребята, — говорю, — спешу, времени в обрез! Еще документы сдать надо.» — «Ждем, заходи, долго не задержим!» — орут мне вслед. И вот, сдал я корреспонденцию, зашел на минуточку к братве. А у них стол накрыт: чего только нет! Праздник ведь наш — День авиации… Выпил я стаканчик, похватал закуску, пожевал на ходу и скорее к машине. Помахали мне друзья, а я навеселе, так здорово! Лечу. Видимость плохая, пасмурно, рельеф еле улавливаю. Осталось лететь-то минут десять. Опустился пониже к земле, быстро темнеет — очень плохо видно… И вдруг колесами зацепился за провода старой ЛЭП… Самолет рвануло вниз, удар, проехал юзом, запахал носом, чуть не перевернулся. Вылетел я из кабины, как пробка, метров на десять вперед «ласточкой»… Вскочил, как ужаленный, пощупал руки-ноги — целы! Поцарапался немного, нос к крови… В общем… Получилось, как в песне: «Удар о землю — пропеллер встал!..» Выругался я, сопатку вытер рукавом, а «Утя» мой — хвост задрал и стоит, как страус, — голову в песок. Подбежал, глянул — мотор цел, пропеллер погнут — не выпрямить! Что делать? Хоть плачь! Повис на хвосте — веса не хватает. Нашел дрын, подважил нос, приподнял, он — хоп! — опустился. Сошник на землю лег. Колеса, крылья — целы… Если бы не пропеллер! Ну, братцы, вскочил я в машину, повозился немного с мотором, завел! Завертелся кривой — кошмар! Взлететь бы, а лететь нельзя. Обидно до слез. Заменить бы вертушку, иначе — амба! Надо спасать машину… Ну, думаю, до утра дойду до штаба, доложу. А там — что будет…

Достал я карту, поставил «крест», где грохнулся, взял все нужное, закрыл козырьком кабину, сориентировался по компасу и зашагал. Стало совсем темно, плохо видно. Вытащил пистолет из кобуры, загнал патрон в патронник, сунул за пазуху. Боюсь

сбиться с пути. А ночь темнее и темнее. Грязища на ноги налипает, брюки мокрые. Тревога на душе. Всю ночь плелся…

К четырем часам утра подошел к нашим. Часовой саперного батальона заарканил меня. Карнач[1] привел в штаб к дежурному. Разоружили, проверили документы. Звонили, выясняли — обычная суета. Дали машину, привезли в штаб. Генерал наш, начальник штаба армии, увидел меня, застопорил ход, оглядел с ног до головы, набросился с удивлением: «Ты это откуда, — говорит, — взялся? Что с тобой, лейтенант?» А я весь в грязи, на морде кровь запеклась, мокрый, жрать хочу, как волк… Вы бы посмотрели на меня! Генерал хмыкнул, покосился: «Пошли со мной!» Злючий такой. Он, наверное, сразу все понял без слов, заорал: «Где самолет, лейтенант? Что с машиной?» А я — ему: «Товарищ генерал…» Он перебил меня и еще громче: «Доложи, где машина?» — «Отсюда километров тридцать. Цела, только пропеллер погнут. За провода задел…» — «Знаешь, что ты наделал, лейтенант? Ты лишил нас связи с войсками! Именно сейчас, когда это невозможно… Мы остались без рук, без связи. Понимаешь ли ты это?.. Что скажет Командующий?.. Ах, да! Вчера был День авиации, отмечал, значит… Ну, лейтенант, это тебе даром не пройдет, мальчишка! Шкуру с тебя спустить мало! Я бы тебя выпорол по-отцовски! Зла не хватает!..» Долго еще орал, ругался… Чтоб мне провалиться, как тяжко было. Я понимал генерала — огромная ответственность за операцию! — и хорошо знал необходимость надежной связи штаба армии с войсками. Без обоюдной информации все расстроится, не будет согласованных действий, затруднятся управление войсками и планирование дальнейших боевых задач. Но что я мог сделать, ребята, поймите? Случилась авария в критический момент. Сам бы себя выпорол, если бы смог. Я не оправдывался, стал спокойно объяснять, мол, товарищ генерал, пропеллер надо заменить срочно, машина ведь цела. Но начштаба, видимо, меня уже не слушал, лишь спокойнее сказал: «Приведи себя в порядок, лейтенант! Через двадцать минут быть у меня!» Я быстро умылся, вымыл сапоги, заправился и прибежал к генералу, доложил. Тот глянул на меня, махнул рукой: «Пойдем к Командующему. Он должен все знать. Только коротко, лейтенант!»

Командующий армией, видимо, не ожидал так рано начштаба и был недоволен: «Что еще стряслось у вас, входите», — говорит. Я стоял рядом с генералом ни живой, ни мертвый. В голове неслось: «Что сейчас будет со мной? Может, расстреляют…» Генерал начал: «Вот, машину разбил, связи с войсками лишил нас, товарищ Командующий!» Тот мгновенно выпрямился, свирепо глянул на начштаба и закричал: «Что-

о?..» Представляете, что я чувствовал? Каково мне было, братцы? Еле сдерживая себя, он приказным тоном произнес: «Связь с войсками восстановить любыми путями! Мы не можем ставить под удар операцию „ЛАВИНА“! Поймите меня, генерал! Мы с вами лично несем ответственность за эту операцию!» Начальник штаба армии попытался смягчить гнев своего шефа, успокоить его: «Приказы, карты, документы доставлены войскам, товарищ Командующий!» — «Но связь ведь прервана? В данный момент это недопустимо, генерал! Что с самолетом, лейтенант?» — это он ко мне. Я был готов к ответу, но у меня язык заклинило. Еле выпалил: «Самолет цел! Пропеллер погнут! Отсюда тридцать километров, това…» Но Командующий перебил меня. Он повернулся к начштаба и коротко приказал: «Самолет отремонтировать немедленно! Доложите! А тебя, лейтенант, … молодой еще, опыта мало…, рядовым в пехоту! Снимите с него погоны „лейтенанта“, генерал! Все, — говорит, — идите!» Я вышел, знаете, чуть живой! Но живой! Второй раз за сутки смерти избежал. Что я пережил тогда — никто не знает.

Андрей Рогов передохнул, задумался. Все сидели тихо, затаив дыхание. Тишину прервал Чуркин:

— Ну и чем же кончилась энта история, Андрей?

— Чем кончилась? А тем и кончилась, что я к вам в пехоту попал! — все засмеялись.

Помолчав, Рогов продолжал:

— Когда совсем рассвело, технари были готовы к отъезду. Они погрузили на «газик» новенький пропеллер, инструменты, трос. Автоматы — за спину. Я показал, где находится самолет — крест на карте. И мы трое рванули к месту аварии. Конечно, я волновался, но был уверен, что заменим вертушку, и самолет взлетит, если его еще не уничтожили местные бандиты. Но нет! Один-единственный в степи, «У-2» сиротливо стоял недалеко от старой ЛЭП. Техники молча осмотрели «подранка», потом старший лейтенант Лысов спросил меня: «Мотор заводил, Андрей?» — «Заводил. — говорю. — работал нормально!»

Пропеллер заменили быстро. Лысов сел в кабину, мотор фыркнул и заработал. Как же мне стало легко! С борта технарь подал знак: «Лететь можно!» Слышу, орет сквозь гул мотора: «Сможешь поднять машину, Рогов?» — «Смогу-у!» — заорал я во все горло. Техник погасил мотор, пропеллер замер. Лысов сошел с машины, положил мне руку на плечо и только теперь заметил, что я без погон… Он сочувственно снизил тон и спокойно сказал: «Мы подтянем тебя на буксире вон туда! Садись в кабину, поехали!» Я уселся, взялся за родной штурвал. Когда

остановились, осмотрел поле… Самолет взлетел легко! И я радовался, как дитя! Помахал технарям через борт и… хоть песни пой! Вскоре оказался в зоне своего крохотного аэродромчика и аккуратно посадил «уточку». Прибежал в штаб и радостно доложил генералу. Тот пассивно выслушал меня: «Тебе повезло, парень! За срыв операции знаешь, что бывает?.. Мог бы без связи нас оставить! Момент ответственный! Да и машина… Сколько стоит твой самолет? Там, в тылу, люди круглосуточно работают, на куске хлеба сидят, клепают оружие. А ты? Заложил, а потом шалостями заниматься вздумал в воздухе! И это при выполнении боевого задания!.. За провода!.. Словом, иди в строевой отдел. Приказ уже состоялся. Послужи, браток, в пехоте… Иди!» Он отвернулся от меня, и я молча отдал честь…

Вышел, щеки горят, губы сохнут, сердце колотится — провалиться бы! Зашатало меня, замутило. Вышел я и сел на лавку. Что делать теперь? Взялся за голову. Первое, о чем подумал: не унывать! Взять себя в руки, успокоиться и не паниковать! Встал и пошел в строевой отдел. Вот так я оказался с вами, товарищи пехотинцы, в качестве рядового.

Рогов опустил взгляд и потянулся за золотистой соломинкой.

— А сколько тебе лет, Андрей? — нарушил молчание Бутенко.

— Сколько мне лет? Пожалуй, двадцать! Зимой, под Новый год, двадцать один исполнится.. — Рогов облегченно вздохнул и улыбнулся. Ему, видимо, было приятно участие солдат в его судьбе. Он обернулся к вещмешку и достал красивый трофейный портсигар. Когда раскрыл, солдаты увидели две золотые женские ручки с длинными пальчиками, прижимавшие папиросы. Курящие с удовольствием потянулись к портсигару. Ароматный дымок наполнил польский сарайчик.

Освоить пулемёт помог Чуркин. Газиз Галиакбаров научил Рогова снаряжать пулемётную ленту патронами. Сержант Галерин молча наблюдал за пулемётчиками и, лишь когда надо, вникал в их возню вокруг станкача. Рогов всё больше нравился сержанту тем, что не кичился, не заносился, был прост и общителен со всеми солдатами отделения. Практические стрельбы проводились в логу, где было выставлено множество нестандартных мишеней. Рогову понравился «Максим», и стрелял он хорошо. Даже Газиз похвалил. После стрельбы сержант Галерин подсел к Рогову, спросил по-дружески:

— Если не секрет, Андрей, скажи, зачем тебе понадобился разведвзвод?

— Видишь ли, какая ситуация у меня, сержант… Вот здесь, в

сердце ношу, никому не говорю! Но коль ты спросил у меня, я тебе откроюсь: меня не покидает мысль о том, чтобы искупить свою вину, вернуть честь, погоны, если хочешь знать! Но как это сделать — не знаю! Совесть меня мучит, понимаешь, друг. Я не поддаюсь, но у меня груз на душе! Давит… Я должен искупить вину в честном бою. Это, наверное, закон жизни…

— Понял, Андрей! И всё же, как ты думаешь «искупать вину»? Ты же на фронте, на войне в пехоте, разве этого не достаточно?

— Нет, Лёша, не достаточно! Я так думаю: если я буду в отделении торчать, ждать, когда будет бой, да когда это я отличусь в бою, то и война кончится. А я хочу сейчас, немедленно идти в бой! Даже если погибну…

— Ну, уж ты не загибай, — перебил Галерин, — вон сколько наших ребят погибло: кто от пули пал, кто на мине подорвался, кто от «сюрпризов» в клочья. Здесь чужая страна, немцы отходят с боями, всё минируют: дороги, мосты, дома, переулки, брошенную технику и даже оружие. Маленькая неосторожность — и взлетишь по частям, да по кусочкам. А впереди ещё разгром Германии…

— Буду с тобой откровенным до конца. Понимаешь, я разжалованный лейтенант, штрафник, мог бы и в штрафбат угодить. Но там так: пан-или-пропал! Остался жив после боя, выиграл в схватке или ранен в бою — искупил вину! А здесь это невозможно. Преследование, переходы, освобождение поляков… А бой? Когда будет бой — неизвестно….

— Торопишься, Андрей! Умереть успеешь! Впереди ещё столько смертей! Сам подумай: разгромить фашизм — сколько крови еще прольется.

— Хочу в разведку! Я не отлыниваю, не ищу на фронте уютного уголка — знаю, что такое разведка! Там риск всегда на сто процентов… Я готов хоть сейчас в разведку!

Сержант Галерин задумался. Доводы Рогова убеждали его в том, что он прав: «Что делать, хороший он парень, страдает, переживает за свою неудачу…»

— Ну, хорошо, Андрей, я подумаю о тебе, не торопись. Я понял тебя! Пошли, пора уже в роту…

Случай помог Галерину поговорить с капитаном Проскуриным, когда его первое отделение охраняло штаб батальона.

— У тебя в отделении Рогов? — спросил адъютант старший батальона.

— Так точно, товарищ капитан! Пулемётчик он. Стреляет отлично! В разведку просится…

— Знаю, Галерин, знаю. А как ты думаешь, годится он в разведку?

— Да он молодчина, товарищ капитан! Топографию знает хорошо, умеет ориентироваться днём и ночью, карту знает. Он ведь лётчик! Мечтает о разведке. Хочет вернуть честь и звание «лейтенанта».

— Честь свою, говоришь, желает вернуть? Сам, что ли, тебе об этом рассказывал?

— Да! Подружились мы с ним. Он неплохой парень!

— Ну, хорошо! Я понимаю. Только время сейчас такое — не до эмоций…

Не прошло и недели, как сержанта Галерина и рядового Рогова вызвал командир восьмой роты старший лейтенант Бажов:

— Сержант Галерин! Рядового Рогова переводят в разведку полка. Документы получите у старшины. Рогов, ты доволен?

— Так точно, товарищ старший лейтенант! Я мечтал об этом!

— Ну, тогда до свидания, Рогов. Удачи тебе, успехов.

Галерин положил руку Рогову на плечо. Друзья направились к старшине: Рогов сиял! Когда отошли подальше, он посмотрел сержанту в глаза и громко засмеялся:

— Хороший ты друг, Лёшка, я очень рад, что так получилось!

Прошло около месяца. Однажды на ночной переправе Галерин встретил Андрея Рогова в погонах «старшего сержанта». Друзья тепло поздоровались:

— Ты знаешь, Галерин, я уже побывал в разведке первый раз — удачно! Помкомвзвода назначили… Когда-нибудь расскажу!

— Я рад за тебя, Рогов! Так держать, Андрей! Только береги себя, дружище! До встречи!.. — крикнул вдогонку Галерин, провожая взглядом своего товарища.

Разведка возвращалась ночью. До рассвета оставалось не более часа. Надо спешить. Могут обнаружить. Полчаса тому назад разведывательный взвод разделился на группы и отходил по частям разными маршрутами. В группе старшего сержанта Рогова было четыре разведчика. Двигались тихо, прикрываясь деревьями, прислушивались, присматривались. Маршрут был незнаком. Идти ещё далеко… Неожиданно Храмцов подскочил к Рогову, прошептал взволнованно:

— Там искры! Только что видел.

Наблюдением установлено: землянка, дымком попахивает, верно — искорки. Тихонько подползли ближе, тишина. Стало видно: у землянки маячит часовой… «Полевой караул, — решил Рогов, — а где же объект охраны?» Бушевали мысли в голове разведчика, в висках стучало. Время торопит — медлить нельзя! Наконец, решение созрело:

— Синица, обойди справа, посмотри, что там! А ты, Храмцов, обойди землянку слева! Ждём десять минут! Тихо, вперёд — прошептал Рогов.

Напряжение нарастало: «Правильно ли я решил?.. Задание уже выполнено… Ввязываться в бой запрещено… Что скажут дозорные… А если это склад, упрятанный в лесу? Для этого же разведка!.. Велик ли караул?.. Есть ли другие объекты?..» — в голове у Рогова путаница и в то же время решимость действовать немедленно… Первым доложил Синица:

— Там, метров триста отсюда, склад, покрытый брезентом, как скирда, часовой ходит. Больше ничего!

— Слева тихо! Никого нет! Овраг, заросли… — выпалил залпом Храмцов.

— Все ко мне! Слушай приказ: караул уничтожим, склад подожжём! Сбор здесь через двадцать минут. Позднее нельзя. Действовать будем так! — Рогов глотнул слюну, зашептал отрывисто. — Храмцову: подползти к землянке, снять часового! Залечь! Огонь по выходу, если станут выползать! Суханову: подползти к трубе, где искорки и, когда Храмцов снимет охрану, немедленно швырни две гранаты в трубу, одну за другой. Понятно? Залечь, огонь по выходу! Важно, чтобы ни один не ушёл! Синица — со мной! Подожжём склад: когда часовой у склада повернётся на взрыв гранат — руби его сзади! Понятно всем? Приготовить гранаты! Спички есть. Вперёд!..

Обходя объект справа, Рогов и Синица всё время прислушивались, что делается слева у землянки. Было так тихо, что разведчики слышали своё сердце. Оно вырывалось из груди…

— Вижу склад, — прошептал Синица, — вон часовой стоит!

— Вперёд! Обходи, жди взрыва, — дал рукой знак старший

сержант.

По-прежнему тихо. Прошло пять-семь минут. Взрыва не было. Осечки не должно быть… Смена часовых будет через полчаса. Рогов волновался: «Почему молчат слева? Спокойно!..»

А слева у землянки — заминка: вышел караульный, видно — стоит, наверное, по нужде… Закурил с часовым. Перебросились словами, и караульный, наконец, ушёл в землянку. Когда приоткрывалась дверь, виден был свет. Снова стало тихо… Пора!

…Рогов услышал бычий рёв, и вслед за ним один за другим два взрыва. Блеснула автоматная очередь, треск её пронёсся эхом по лесу. Часовой у склада метнулся, дал очередь из шмайссера и тут же заорал от смертельного удара… Теперь Рогов и Синица лихорадочно обкладывали склад всем, что горит. Огонь окружал его маленькими очажками, язычки пламени поползли вверх по брезенту, загорались ящики… Рогов и Синица бежали мокрые, дыхания не хватало. Их поджидали Суханов и Храмцов с трофейными автоматами. Караул уничтожен, склад полыхает огнём…

— За мной! — махнул рукой Рогов, и разведчики скрылись в лесу. Сквозь деревья светился огонь. Все понимали: останавливаться нельзя.

— Скорее! Сейчас громыхнёт! — прошипел Рогов.

Грудь теснило. С лица — пот, голова горит, но разведчики бежали, не замедляя отход. Уже прошло четверть часа, горящего склада давно не видно, но и взрыва не было. Рогов соображал: «Горит тара, скоро громыхнёт, надо быстрее…»

На востоке посветлело, порозовело.

Неожиданно на пути отхода появилась ложбинка, в ней — овраг. Разом свалились в укрытие, замерли, лишь лихорадило дыхание. Рогов высунулся из овражка, прислушался, но ничего не было слышно.

— Сейчас будет взрыв! — прохрипел разведчик. И тут же невероятной силы грохот потряс землю, громом прокатился по лесу, осветив небо, как молнией. Казалось, взрыв произошёл совсем рядом… Зарево пожара быстро увеличивалось. Теперь бы скорее добраться до передовой. Вперед, разведчики. Времени на возвращение осталось мало. Рассвет наступит быстро…

За уничтожение вражеского склада с боеприпасами в тылу врага и проявленную при этом находчивость, за мужество и отвагу разведчики Рогов, Суханов, Синица и Храмцов были награждены Правительственными наградами. Старшему сержанту Рогову было возвращено воинское звание «лейтенант».

Вину свою Андрей Рогов искупил в бою с заклятым врагом…

Засияли звёздочки на голубых погонах лейтенанта, а на груди появились орден «Красная Звезда» и медаль «За отвагу». Снова Рогов за штурвалом самолёта. Теперь и песню спеть можно!

Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья!
За вечный мир в последний бой
Летит стальная эскадрилья!..

Это была любимая песня лётчика, лейтенанта Рогова!

ЗАСАДА

Война в Польше была необычной. Под натиском Советской Армии немецко-фашистские войска отступали, уничтожая всё на путях отхода. Сопротивление противника опиралось, в основном, не на позиционную оборону, а на организацию и осуществление диверсий, как на фронте, так и в тылу наступающей армии. В таких боях выигрывал тот, кто хитрее, кто оперативнее действовал и имел хорошую разведку. Обстановка менялась быстро. Командованию полка приходилось принимать решения на ходу, соблюдать бдительность и поддерживать постоянную боевую готовность.

Стрелковый полк, в котором воевали Алексей Галерин и Анатолий Иваньков, совершал ночной бросок форсированным маршем. Предстояло преодолеть расстояние в сорок пять километров и выйти в направлении Калиш. Колонны батальонов поротно шли по железобетонной дороге, хорошо видимой в темноте и способной выдержать нагрузку танков и САУ.

Первый батальон двигался в авангарде полка. Вперёд по маршруту была выслана головная походная застава (ГПЗ) в составе усиленного стрелкового взвода. Справа и слева колонну охраняли боевые дозоры.

ГПЗ имела задачу предупредить авангард от внезапного нападения противника, выявлять опасные участки пути, заграждения, препятствия. Наученные горьким опытом ведения войны, командиры подразделений были готовы пресекать возможные диверсии.

Батальоны двигались быстро и беспрепятственно. По данным разведки, здесь не было угрозы сколь-нибудь серьёзного сопротивления противника.

Солдаты привыкли к ночным переходам с боями, были готовы ко всяким неожиданностям, чувствовали себя уверенно и спокойно. Идут бойцы в строю, как вчера и позавчера, словно всю жизнь так шагают. В теле и сознании воцарился ритм марша, система жизни на ходу, надежда на свои силы и поддержку товарищей. То и дело были слышны голоса:

— А ну, подтянись, братва! Не отставай, пехота…

— Уже скоро рассвет, ещё часок пути, и привал будет…

Какие только мысли не приходят в голову. Чтобы не дремать, рядовой Чухнов рассказывает своему другу Кашину:

— Вот иду и думаю: во мне два живых существа — Я и Тот, кто идёт. Мы идём вместе. Я и говорю Ему: «Давай, браток, бодрись, не спи! Видишь, небо посветлело, шагай смелее…» — И

Тот идёт, посапывает. И Я иду с Ним рядом…

— А я тебя представил ломовой лошадью, конём-тяжеловозом, ну, битюгом эдаким. Ты везёшь и везёшь, ни на минуту не останавливаешься. Но если тебя не понукать, не подбадривать — быстро устанешь! А если дёрнуть вожжи, — «Ну, милый, пошёл, пошёл!» — зашагаешь быстрее, и сил прибавится. Вот и везёшь! А куда денешься! — добавил Кашин.

Иногда сокровенные мечты окрыляют душу: «Вот закончится война — приеду домой! Перво-наперво — посплю вволю, потом в клуб пойду. Уже девчат своих позабыл, поразъехались, поди, кто куда, война всех разбросала».

Так, подбадривая себя и друг друга, пехота продвигалась шаг за шагом вперед, к заветной цели — к Победе.

Анатолий Иваньков оказался в составе головной походной заставы, вёл наблюдения за правой стороной дороги. Он шёл и думал о Лёшке: «Смотри-ка, вон какой стал командир! Пулемёт у него, пулемётчики… Пацан, как я, а командует, уважают его… Вон Чуркин — как сына, обхаживает… Сержантскую школу… Я бы тоже мог… Старшина у них был хороший. Это он нас в один полк… Грузин был, как его… Димуров! Надо же — зарезали бандиты… Правильно трибунал решил: к стенке гадов обоих… Сколько нашей братвы сгубили. И полячка та, в штабе, тоже хороша, выдра… Это из-за неё Димуров погиб… Как солдаты плакали, когда хоронили. Всё грузинское село оплакивать будет…»

Ночью дул холодный ветер, по небу ползли низкие облака. Воздух наполнился влагой. Солдаты зябли. В движении это не замечалось, а на привалах холод залезал под шинель, в рукава и морозил душу. К утру ветер стих, горизонт чётко обозначился — приближался рассвет.

Бетонная дорога то поднималась, то опускалась по небольшим холмам, то поворачивала, обходя высоты. На данном участке, слева, она белой лентой огибала продолговатую возвышенность, прижималась к её подножью, а справа от дороги сверкало бликами чёрное болото.

На марше, вроде, всё было спокойно. Полк уже подходил к намеченному рубежу — оставалось каких-то пять-семь километров пути. На высоте, которую огибала дорога, бандеровцы устроили засаду. Здесь было удобное место для нападения. Пулемётное гнездо в окопе диверсанты тщательно замаскировали. «Машинган» засветло пристреляли по уязвимому участку дороги, зажатому высотой и болотом. Для стрельбы ночью они забили в землю рогатину, на которую ставили приклад

пулемёта. Оставалось лишь обнаружить цель и нажать на спусковой крючок. Был подготовлен так называемый *кинжальный огонь* — самый опасный вид внезапного нападения.

Вдруг по маршруту движения командир головной роты авангарда услышал пулеметную стрельбу. Полк остановил движение. Немедленно в обход возвышенности была выслана специально подготовленная «группа захвата», состоявшая из семи автоматчиков и снайпера. Их задача — обнаружить диверсантов, захватить в плен или уничтожить.

Попав под огонь, ГПЗ залегла и обстреляла пулеметную точку. Но не все успели залечь! Трое полегли насмерть, а четверо получили ранение…

Сделав только одну длинную очередь, диверсанты бросили свой «машинган» и поспешили ретироваться.

Спецгруппа захвата заметила на фоне неба три силуэта согнувшихся фигур, отходивших за перевал. Началось преследование, и вскоре восьмерка смельчаков настигла бандитов. Один из них был убит наповал: он не хотел сдаваться и отстреливался из шмайссера. Двух других диверсантов привели к месту нападения и здесь же расстреляли.

Известие о трагическом событии на марше быстро облетело полк. Узнала об этой диверсии и восьмая рота. Но никогда не

думал Галерин, не предполагал, что с Толькой что-то случится. С большой тревогой в душе услышал он о том, что в числе раненых оказался Анатолий Иваньков. Об этом сержанту сообщил рядовой Пасечный из первого батальона.

Галерин прибежал в тот момент, когда убитых бойцов грузили в машину, раненых обхаживали санитары и готовили для отправки в медсанбат.

Леша припал к носилкам, на которых лежал его боевой товарищ. Анатолий обрадовался, увидев земляка:

— Пришел! Как я рад! Я ждал тебя, Леша! Хорошо, позвали все же… Не выживу, Леша, ранение в живот… пуля разрезала, — шептал побелевшими губами Анатолий. — Поближе, Леша, слушай, что скажу… Стань на колено, клянись… Если останешься жив, Леша, прошу… найди отца, мать, сестренку Таню… Расскажи, друг Леша, как я тут… вот… погибаю на чужой земле… Дышать трудно… мне больно… Там возьми мои фотки, письма, маме скажи все… Мне… я… весь в крови, Леша…

Слезы слепили глаза, Галерин, не сдерживал себя, плакал:

— Клянусь, Толя, клянусь, дорогой друг… Как жаль…

Что делать…

— Леша, дай руку, друг… Я слышал, я верю тебе… Береги себя… Помни… Мне плохо… я… Ты тут, рядом…

— Толя, если останусь жив, клянусь, выполню твою просьбу. Может, еще удастся… Тебя в медсанбате спасут… Ты слышишь, Толя, я клянусь…

Неизвестно, слышал Анатолий Иваньков слова Лешки, или уже потерял сознание. Он молчал. Сержант Галерин держал руку на пульсе.

Он ощущал, как бьется Толькина жизнь, недолгая жизнь юного друга.

Подошли санитары и Анатолия вместе с другими ранеными погрузили в крытую машину, в кузове которой ярко горела аккумуляторная лампочка. Алексей последний раз взглянул на бледное лицо своего товарища. Санитарная машина тяжело фыркнула дымком и пошла в тыл. Галерин почувствовал, как осиротела его душа, как замерло сердце. Озноб пробежал по всему телу.

Уже светало. Батальон полка темной массой чернел на белой бетонной дороге. Из строя выбыли семеро, трое из них навсегда. Никто не узнает о дальнейшей судьбе раненых, пока не придут вести из медсанбата.

Володя Пасечный молча стоял рядом с сержантом Галериным, наблюдая за уходящей машиной. И когда она совсем скрылась из вида, положил руку на Лешкино плечо.

— Ты знаешь, Галерин, Толик все время меня учил на гитаре. Но у меня толстые пальцы, не могу взять гриф в кольцо. Зато я пел с ним хорошо! Когда он заиграет — вокруг нас куча братвы.

Обсядут, как мухи, а мы даем!.. Бывало так хорошо! А теперь гитара осиротела. Я буду беречь его гитару. Может, еще обойдется, и Толька вернется в строй…

Но Анатолий Иваньков не вернулся.

Спустя три недели из медсанбата прибыл рядовой Нимат Хафизов. Сержант Галерин узнал об этом от Владимира Пасечного, выбрал время и поспешил в первую роту. Нимат поправился, посвежел, был в хорошем настроении.

— Хафизов, здравствуй, друг! Выздоровел! Я к тебе!

Ну, расскажи, как там…

Сержант волновался. У Галерина слюна забила горло, он поперхнулся и не договорил. Его волнение хорошо понимал Хафизов.

— У меня пуля под мишка попал, товарищ сержант, — он показал место ранения и продолжал, — рука прабил, кост целий остался. Тагда нас утром медсанбат привезли, сразу памили, операций, перевязки делали. Иванкова Толку первим резили. У него живот вес крави бил, кишки зашивать нада… многа крови потерял… патом умирал он… Плакали ми все… Еще один умирал Сашка Платонов. Галава его болел отшень. Другие везли госпитал не знай куда… Я бистро лечился. Вот, мая рота приехал. Будем еще воеват…

Рядовой Хафизов подробно рассказывал о дерзком нападении на ГПЗ, но Галерин уже не слушал его. Эта трагедия на марше давно была известна всему полку. Он перебил Хафизова, вытирая слезы:

— Нимат, а ты не знаешь, где похоронен Анатолий Иваньков?

— Нет, не снай, товарищ сержант. Эта никто не сказал, никому не сказал. Письма куда-то писал, пахаронка, значит…

Так Алексей Галерин и не узнал, где похоронен Толька, где его могила. Он лишь понял, что друга в живых нет. Пропала последняя надежда… Тяжелое ранение оказалось смертельным. У Лешки опустились руки. Он шел, не помня куда…

Чем дальше на запад продвигались советские войска, тем тяжелее шли бои. Противник отчаянно сопротивлялся. Прорыв обороны немецко-фашистских войск на Одере и Нейсе, окружение крупных группировок войск в Берлине и на юго-востоке Берлина привели к их окончательному разгрому. В упорных боях в районе Зееловских высот, сержант Галерин был ранен осколком мины в ногу. Ранение было не опасным. Алексей был уверен, что выздоровеет, вернётся в строй, в свою родную восьмую роту и продолжит войну до победного конца. В госпитале он получил очередную награду — медаль «За боевые заслуги».

Медаль не очень радовала Галерина. Ему казалось, будто он

виноват в гибели своего друга. Его преследовали раздумья: «Как это так, я — жив, а Тольки Иванькова нет. Смертельно ранен. Какая несправедливость! Ведь он ещё не жил и вдруг погиб от пули. Убит Толька! До сих пор не могу поверить этому… Если бы он был сейчас со мною рядом, я бы показал ему свои медали, наверняка поздравил бы и его с наградами. Порадовались бы вместе! А теперь что! Нет моего друга Тольки Иванькова».

Галерин подержал в руке блестящую новенькую медаль и не стал, как все выздоравливающие, цеплять её к госпитальной куртке. Он тосковал по Тольке.

ТЕТУШКА ВЕРИЯ

Затерявшаяся в предгорьях Северного Кавказа крохотная станция Кабарда выглядела ласково. Повсюду виднелись дикие яблони и груши, облепленные плодами. Буйная растительность напоминала заросли джунглей. Терновник, грушняк, ежевика, лианы на деревьях, могучий бурьян выше головы — непроходимы. Жарко. После поезда звенело в ушах от трескотни цикад и кузнечиков. Блаженство захватывало дух. Скорее бы в тень, где царят свежесть и прохлада.

Алексей Галерин уверенно направился по тропе в сторону буйных зарослей. Ему предстояло пройти до шоссе, по которому, помнится, до войны ходили автомашины. Он шел по густому лесу, пересёк небольшую речушку по пешеходной кладке из двух брёвен и очутился в раю среди спелых диких груш и яблок. Земля под деревьями усыпана жёлтыми лёжанками. Алексей поднял грушу — сладкая, как мёд. Дички размякли, рассыпаются во рту и приятно кислят. Ешь, сколько хочешь! Дальше по низине простиралась сливовая роща. Посаженная когда-то черкесами, она разрослась, одичала, заглохла, но плоды давала в изобилии. Никто их не собирает. Людей мало. Поразъехались во время войны, а те немногие, что здесь живут, не успевают собирать это богатство.

Военный снял вещмешок, положил на него шинель и стал есть чернослив, сладкие и вкусные, какие только ел до войны. Он теперь курсант военного училища, получил свой первый послевоенный отпуск. Перед отъездом твёрдо решил: сначала на Кавказ к Иваньковым, а потом поедет к маме на Ставрополье. Ведь родных не видел четыре года.

Решение было принято, и вот теперь отпускник Галерин уже шагал по Кавказу. Он шёл к Золотой Горе. Там в довоенное время строили посёлок нефтяников и наткнулись на древнюю могилу черкеса. В захоронении обнаружили саблю, сбрую лошади, кинжал, подвески и глиняный горшок с золотым песком. Вот и назвали эту гору «Золотой», а под ней — горная речка упиралась в плотину. В запруженном водоёме водилось множество мелкой рыбёшки и речных крабов. Здесь и купались в юности, и ныряли, и плавали на самодельных плотиках.

Всё это наш путник представил себе очень чётко и не сомневался в том, что скоро увидит родной уголок таким, каким помнил до войны.

Идти было легко. После сытных слив и медовых грушек шагалось бодро и весело. Скоро должна быть шоссейная дорога.

Думы наедине, мысли сменяли одна другую: «Какая она сейчас, Золотая Гора?» Подумал и вспомнил письмо, о котором Анатолий Иваньков рассказывал в поезде, когда ехали на фронт: «Кажется, он говорил, что Золотую Гору сожгли немцы. Интересно, уцелел ли дом Иваньковых? Где теперь их искать? Прошло ведь пять лет».

Попутная машина доставила курсанта Галерина до места. Сколько военный ни задавал шофёру вопросов, тот ни на один не ответил. Сливы жевал, ел груши, говорил недовольно:

— Я человек здесь новый. Никого не знаю. Сам тоже буду уезжать. Нефтепромысел закрыт, работать негде… У меня — семья! А жизнь здесь — одна благодать! Люди поразъехались, дома побросали, потянуло на большую нефть в район Второго Баку, кто куда. Слыхал? Туймазы, Ишимбай, Бугуруслан? Там девонскую нефть открыли, люди хорошо зарабатывают… А здесь что — всё захирело! Наша автобаза — пять дохлых машин. Всё на ремонте стоим. Разве это работа?..

Алексей вышел из кабины и не понял, где оказался. Справа, где был посёлок Золотая Гора — пустырь, старый бурьян — выше головы. Всё заросло терновником, шиповником, ажиной… Лёшка не поверил своим глазам: «А где же дома? Где наш садик? Вон там был клуб! И Толькиного дома нет… Я должен найти то место, где мы на крылечке песни пели, где Анатолий бренчал на гитаре…»

Курсант нашёл заросшую тропу и полез в глубь кустарника, раздвигая колючки. Женщина увидела, остановилась в изумлении и стала кричать:

— Молодой человек! Не ходите туда, там немецкие мины стоят и змей много… Никто туда не ходит!

— Но ведь здесь был посёлок?

— О, когда это было! Был посёлок, да сплыл! Говорят, фашисты сожгли, ни одного сарайчика не оставили… Ходят разные слухи…

— А вы давно здесь живете?

— Недавно, после войны приехали, — она махнула рукой и на ходу бросила, — туда никто не ходит.

Курсант постоял, задумался: «Зачем же мины, если посёлок сожжён? Враки всё это». Ему очень хотелось найти какие-либо признаки жизни людей: «Там была старая груша. Когда-то ребята трясли её. Доставалось лакомство и козе, и поросёнку. Неужели и её нету? Быть этого не может!» Он поправил вещмешок, забросил шинель на плечо, чтобы не мешала, и решительно полез в заросли. Колючки кустарников хватали за сапоги, цеплялись за брюки и гимнастёрку. Настырный, пролез-таки чащобу! Вышел на

более свободное место, дошёл до клуба и увидел сгнивший деревянный тротуар. Клуба не было, а то место, где он стоял, поросло бурьяном. Но «тротуару» добрался до своего дома, вернее, места, где раньше был дом. Здесь, на развалинах, росли паслён, лебеда, одичавшие помидоры и дурман с колючими коробочками. Вокруг стеной стоял высоченный чертополох — не пройти! Пустырь выглядел диковато и неприветливо. А вот и старая груша! Полузасохшее дерево с чахлой кроной ещё плодоносило: на уцелевших ветках висели ярко-жёлтые плоды. Груша выжила, перенесла пожар войны, постарела, но, как могла, боролась за своё существование. Садика не было, и грядок, где росли цветы, совсем не видно. Лёша остановился. Он переживал за судьбу уютного уголка. Встал посреди останков своего дома. Наверняка вот здесь были ступеньки веранды, где он играл с Анатолием в шахматы, где украдкой читали «Воскресение» Толстого, о судьбе несчастной Катюши Масловой. Галерин снял фуражку, постоял, расстегнул ворот гимнастёрки и присел на подгоревший пень. Он скорбел: «Отчий дом, что с тобой сталось! Где ты, уголок моей юности, где садик, в котором были цветы, душ и малинка?..» Ему представилась картина пожарища. Горели жилые дома, горело всё, что было в доме. Горели люди… Они выскакивали ночью из огня и отчаянно кричали, спасаясь от гибели… Это немцы при отходе с Северного Кавказа сжигали посёлки и хутора. Отход оккупантов осуществлялся продуманно, по плану: дома обливали горючим, поджигали ночью, когда люди спали. Всё делалось по единому сигналу, чтобы деревянные строения вспыхнули разом. Тот, кто растерялся, сгинул в пламени пожара. Никто горевших не спасал и некому было тушить пожары…

Глубоко вздохнув, сержант Галерин вспомнил Польшу. Там тоже при отходе немцы оставляли в деревнях факельщиков и поджигали всю деревню сразу. Значит, тактика фашистов при отступлении была всюду одинаковой…

Неожиданно курсант увидел меж сапог серую гадюку. Потревоженная тварь уползала и не думала кусать, но Лёшка вскочил, как ужаленный, и невольно потрогал зад. Он прекрасно знал, что гадюка не нападает на человека, она лишь защищается, если наступят на неё. Однако, инстинкт самосохранения сработал раньше сознания. Наблюдая, как змея уползает в заросли, Галерин подумал: «Надо, пожалуй, уходить отсюда… Прощай, мой дом родной. Прощай, старая груша. Где же теперь искать Иваньковых?»

Человек в солдатской форме выбирался из лабиринта зарослей на дорогу, обратив на себя внимание прохожих сельчан:

«Не рехнулся ли этот военный?» Но Галерина никто не мог понять: никто не знал, что у него на душе творится. Он отряхнул брюки, осмотрелся. До самой плотины беспорядочно громоздились ветхие хибары. Люди, бежавшие от пожара на Золотой Горе, вынуждены были наспех поселиться где попало. Они построили себе временные «фанзочки», чтобы укрыться от непогоды и перезимовать. Жить-то где-то надо было. Вот и налепили под горой настоящий «шанхай». Между маленькими домишками не было ни улиц, ни переулков. Лишь узенькие тропинки приводили людей к своим «хаткам». Так погорельцы пережили всю войну. Алексей увидел, что многие и сейчас живут в этих лачугах.

Слева от дороги Галерин заметил вросшее в землю облупленное строение без крыльца, напоминающее сараюгу, у входа в которую копошилась горстка людей. «Да ведь это сельский магазин», — едва узнал его наш путник. Он помнил, что рядом с магазином была школа: «Неужели это она?!» Какой-то хилый хлев с фанерными окнами. Дорожки к нему заросли, крыша продырявлена, из стен торчит дранка. Теперь там тарный склад сельмага, да пристанище голодных крыс. Унылая тоска охватила душу курсанта: «И я здесь учился? Не верится просто!» Он прошёл через десятки городов Европы, но такого запустения нигде не видел. Куда идти, кого спросить, где искать следы пятилетней давности?

Наконец, Алексей зашёл в сельмаг, поздоровался:

— Скажите, пожалуйста, знаете ли вы кого-нибудь из старых жителей посёлка? — обратился он к продавцу. Женщина немного смутилась, увидев военного паренька, и быстро заговорила:

— Вам кого нужно, молодой человек?

— Я ищу семью Иваньковых, до войны на Золотой Горе жили. Не слыхали таких?

— Ой, нет! Я недавно здесь работаю, не знаю…

Любопытная старушка вмешалась в разговор:

— Я знала Иваньковых! Иван на пекарне работал. Жили Иваньковы, жили, да кудай-то уехали. У них дом сгорел, сожгли их дом фашисты… А ты кто? Не сыном ли им будешь?

— Нет, не сын… А куда уехали, не знаете?

— Не знаю, верно не знаю, но кажется, говорили, на греческий хутор убежали, в Хартыс, за перевал, кажись, подались. Тогда кто куды разбегался, когда посёлок горел. О, что было здесь, страху пережили сколько, не дай Бог… Людей много погибло, детишек жалко…

— Спасибо, бабуля! Я пошёл в Хартыс! До вечера дойду, успею. До свидания!

— Постой, сынок, возьми, вот, кукурузку, принесла продавать, только что сварила, ещё горяченькая, по рублю штука, бери, сынок.

Алексей с удовольствием выбрал четыре початка душистой кукурузы, попросил соли, завернул еду в полотенце и положил в вещмешок. Он с поезда кроме груш и слив ничего не ел, и теперь почувствовал сильный голод.

Чтобы попасть в затерянный в горах хуторок Хартыс, надо пройти через перевал километров десять. Сначала подъём по лесной тропе, а потом спуск по крутому скалистому склону до горной речки, а там, через табачные плантации, недалеко Хартыс.

Курсант уверенно зашагал. Он помнил дорожку с юных лет. Туда ватагой ребят ходили за бергамотами — грушами, каждая величиной в два кулака. Одну-две съешь — уже наелся.

Галерин шёл в горы один, без страха. Родной край его не пугал. Наоборот, он шёл с наслаждением, пожёвывая бабкину кукурузку. Всё кругом сильно изменилось. Иногда казалось, будто он здесь никогда не бывал. Но сомнения быстро исчезали, когда находил знакомые приметы. Уже минули грушняки и кизиловые заросли, кончились орешники и белобрысые грабы. Стали всё

чаще попадаться дубы и чинары. Алексей вспоминал: где-то здесь в ущельях каштаны осенью собирали, и дикий виноград на дубах рос. Как змея опутает ствол и расстелется на ветвях по всей кроне. Мелкая лоза обильно увешана чёрными гроздями. Залезали на такой дуб всей гурьбой. Куда ни повернёшься — всюду виноград! Мелкий, костистый, но очень сладкий. Набивали полную пазуху и всю дорогу поплёвывали косточками. За каштанами ходили с опаской — конкурентов много: то кабаны дикие со страшными клыками могли встретиться, то медведь заревёт — волосы дыбом встанут. Набирали — сколько унести сможешь. Крупные, как грецкие орехи, коричневые, блестящие, словно их отполировали. Красивая сердцевидная форма радовала глаз. Сырой съешь — сладкий, вкусный. Сваришь — рассыпается, как картофель — объедение. Некоторые жарят — это ещё вкуснее.

Подъем в гору казался бесконечным. Галерин устал, присел на валёжину передохнуть. Огляделся по сторонам. Какая здесь благодать! Сколько в этом лесу желудей, орехов, фруктов и ягод! И весь этот дар природы нетронут, как в первозданном виде. Для лесной живности — блаженство! Вот, например, буковые орешки «чинарики» — поджаришь, из них жир выделяется, становятся масляными. Очень вкусные!.. Местные ребята время летом зря не теряли. Васька Прошин — заядлый кротолов. По тысяче шкурок за сезон заготавливал. Трудолюбивые хозяева по тридцать-сорок мешков сушёных груш и кисличек в сенях хранили. Зимой сами ели, кабанчика кормили и корове по ведру компота скармливали… Вспомнил, как хуторяне отцу странного кабанчика подарили. Большая крыса — да и только! Это свинка-матка от дикого кабана нагуляла. Дед того кабанчика выхолостил, клыки плоскогубцами отломил, а дикарь — есть дикарь! Как даст рылом — любого свалит. Кормили его на убой кукурузной кашей, а пойлом был компот грушевый. Сало выросло на хребтине — в ладонь! Кукуруза здесь растёт до трёх метров, и початки крупные. Земля хорошая, не кислая… Нет в стране богаче края, чем Северный Кавказ. Полюбил его Лёшка всей душой… А странно всё же — люди из этого рая разбежались: работы нет — нет денег, детей учить негде… Здесь бы фруктоперерабатывающие заводы понастроить и жильё людям дать! И тогда — даёшь компоты, мармелады, повидла и конфеты всякие! Но пока ничего этого нет! Все дары природы гибнут на глазах. В дело идёт не более одного процента…

Огромная зелёная ящерица выползла на тропу, замерла, прислушиваясь к лёшкиному дыханию. Чуть пошевельнулся человек, и она молнией юркнула в траву. Отбросив свои думы.

Галерин встал и пошёл на вершину перевала. Вечерние лучи солнца просвечивали лес насквозь. Здесь рос великолепный стройный дуб — цены ему нет! Блестящие жёлуди усыпали всё вокруг. Сколько же можно ими любоваться! Лёшка бросил горсть на тропу и зашагал к спуску.

Солнце светило в бок и висело на уровне головы. Как только Галерин спустится вниз — наступит вечер. Надо торопиться.

Курсант прыгал с выступа на выступ, рискуя сорваться с крутого склона. Он был начеку и ловко лавировал на спуске. Солнце исчезло за перевалом, и сразу стало сумрачно. Надо осмотреться. Внизу — табачные плантации, речка, а хуторок Хартыс где-то справа. Не сбавляя темпа, Алексей шёл по долине, среди высокой бузины и густой чащобы. А вот и поля. Земля давно не пахана, пустовала и заросла сорняками. Тропинка уверенно вела к хутору.

Хартыс оказался полупустым. Хилый табачный колхоз почти развалился, дома осиротели. Стояла вечерняя тишина. Ни души. Улочка заросла спорышом и бурьяном. Здесь давно не ездили, да и мало кто ходил.

Путник приближался к дому, который помнил с юности. Хозяйку звали тетушка Верия. Помнил он ее заботливый добродушный голос с южным акцентом и необыкновенную ласку. Он понятия не имел, как она изменилась за военные годы. Поэтому представлял ее такой, какой запечатлела память. Невольно всплыла та далекая картина гостеприимства гречанки Верии Килисиди, которое всегда радовало гурьбу ребятишек.

Тетушка Верия была многословна и не стеснялась выражать свою любовь к детям: «Ой, деточки, ой, миленькие, сколько вас много! Устали? Заходите, заходите», — вспомнился Лешке голос хозяйки. Обласкивая каждого, она улыбалась, лицо ее светилось нежностью и счастьем: «Проходите в сад, дети, проходите… На этом дереве самый сладкий виноград, а вот там — бергамоты, а здесь шафраны душистые. Берите, кушайте… Кто хочет малинки или слив — вон туда проходите… Ой, некогда мне, играйте, я побежала на поле, ждут меня…» — и чем ближе он подходил к дому Килисиди, тем отчетливее слышалось ее щебетание: «Ой, деточки, не упадите с дерева — высоко ведь, там у дерева стремянка…» — Лешка улыбнулся.

Все это мигом пронеслось в голове. Галерин подумал: «Она никогда с нас копейки не брала. А ведь мы уходили с полными рюкзаками фруктов. Считала для себя позором у детей деньги брать: если пришли в дом дети, о деньгах и речи быть не может…» Эту простую человеческую истину Леша запомнил на всю жизнь.

Супруги Килисиди жили очень дружно. Муж тетушки Верии Аргос был прославленным табаководом, виноделом и мастером по дереву. Он поддерживал домашнее хозяйство, работал в колхозе, и они жили в достатке. Детей у Килисиди не было, и тетушка Верия обожала каждого ребенка. Казалось, она душу выкладывала, угощая маленького гостя. Дети взаимно любили тетушку Верию… Такой запомнилась она Лешке, к такой он сейчас и шел: чувство радости охватило Лешкину душу, когда он увидел дом Килисиди. Подошел к калитке:

— Хозяйка дома? Тетушка Верия, вы здесь? А, тетушка Верия?

Курсант прислушался, постучал в калитку и еще раз позвал. Никто не отозвался. Через несколько минут, опираясь на посох, выползло существо сгорбленное, нищее, но с добрым лицом и твердое на ногах:

— Кто там? Заходите, пожалуйста! — услышал Галерин голос тетушки Верии…

Как же она постарела, поседела! Ветхое ее одеяние — одно старье. На ногах самодельные сыро-мятные постолы, стянутые бечевкой. Непричесана и неприглядна.

— Кто вы будете, добрый человек, военный, вижу? Вот не ожидала сроду, что у меня такой гость быть может. И не снилось даже. Проходите во двор, садитесь с дороги. Тут вот лавка у меня.

— Здравствуйте, тетушка Верия! Я вас хорошо помню с детства. Вы нас в саду угощали фруктами. Помните, в тридцать девятом-сороковом мы приходили гурьбой, в саду играли…

Тетушка Верия встала, еле дождалась, пока гость скажет, хлопнула ладошками:

— Деточки мои милые! Помню, помню, как же не помнить, сыночек, родной мой… Я всех вас очень любила, милые…

— Помните Надю Чухно, Вовку Петрака, Толю Иванькова, Клавку, Сергея, Степу, Мишу Бережнова… А меня вы Алешей звали. Я отвык, все меня Лешкой зовут. Вы мою маму знаете, Ольгу Галерину! Помните, мы жили на Золотой Горе?

— Алешенька Галерин! Сыночек мой, как же не помнить! И маму твою знаю! У нее была ножная швейная машина. Я к ней ходила платье шить…

Тетушка заплакала от радости, подошла и обняла Алешу за плечи:

— Как ты здесь очутился? Какой большой стал! Военный, видный! — она посмотрела на гостя и спохватилась, — Постой, сынок, умывайся с дороги, сейчас рушничок принесу.

— Тетушка Верия! Сядьте, пожалуйста, спешу я очень узнать, у меня дело к вам…

Хозяйка оторопела, присела на лавку, вопросительно застыла с приоткрытым ртом: не вести ли о муже принес паренек, видно, воевал: у него орден и медали. Она затаила дыхание.

— Тетушка Верия, я ищу семью Иваньковых. Жили они на Золотой Горе. Когда их дом сгорел, они сюда к вам переехали, в Хартыс. Где они сейчас живут, не знаете?

— Милый ты мой, дорогой Алёша! Жили они здесь, жили, это правда! Война кончилась — уехали, сама не знаю куда. Долго не видела. Потом однажды встретила дядю Ивана. Худой, больной

весь какой-то и очень был печальный. Я постеснялась расспрашивать его. Наверное ему тяжело было…

— А где вы его видели, тётушка Верия?

— Весной видела, в Сусаники приезжал. Я на базарчик ездила на лошадке. Воскресенье было. Хотела продать кое-что, да купить…

— Тётушка Верия, прошло лето. Может они там в посёлке Сусаники живут? А я здесь их ищу!

— Очень может быть, Алёшенька… Возможно быть, они не уехали никуда, возможно… не знаю…

— Я рад, что вы мне об этом сказали. Есть хоть какая-то надежда… А то все твердят, что люди поразъехались с этих мест, негде работать.

— Это верно! Работать негде, заработков нет. Здесь они жили бедно. Мы помогали, чем могли. Дядя Иван на конюшне работал, мне огород пахал. Возил меня на базар, я сухие фрукты продавала, да мешок кукурузы свезла… Дядю Аргос на фронт взяли в сорок втором, где он — не знаю! До сих пор жду, вестей никаких нет. Ездила в военкомат, говорят, Килисиди пропал безызвестно. Вот, одна живу, осиротелая. Совсем постарела, и работать трудно… — она заплакала, засморкалась, зашмыгала носом.

— Успокойтесь, тётушка Верия, скоро станет жить легче, война кончилась…

Алёша соображал: «Они наверняка в посёлке Сусаники! Они туда уехали. Есть надежда найти… Как быть? Сейчас же в путь! Пока не наступила ночь — успею до перевала. А там… доберусь до Ключевского шоссе, дойду, найду Иваньковых…»

Хозяйка угадала беспокойство гостя, спохватилась, быстренько вытерла слёзы и заторопилась:

— Алёшенька, уже вечер, скоро стемнеет, пойди в сад, собери грушек, а я сейчас ужин приготовлю…

— Нет, тётушка Верия, я, наверное, пойду! Дорогу знаю! Пока стемнеет — на перевале буду, а там — десяток километров всего…

— Нет, нет, не отпущу! Ночью, в лес, чтобы заблудился? Нет! Переночуешь, отдохнёшь и пойдёшь завтра утром. Никуда Иваньковы не денутся! — Она раскрыла калитку сада и проводила Алёшу, давая корзину в руки. — Хочешь, винограда достань, хочешь — яблочек… Иди, иди, Алёшенька, я скоро, сейчас! — Захлопнув калитку, она взяла Лёшкины шинель, вещмешок и занесла в горницу. Так будет надёжнее.

Галерин огляделся. Сад запущен до неузнаваемости. Лишь от калитки проторена дорожка, а вокруг — давно некошеный

бурьян. Всюду виднелись чёрные соцветия конского щавеля да колючие кусты ажины. В траве валялись почерневшие груши и гнилые яблоки, как резиновые мячи… Деревья постарели: сухие ветки не обрезаны, земля у корней не вскопана. Там, где была малинка, стояла стена колючих зарослей шиповника. Идти туда было боязно.

Алексей приставил стремянку, влез на дерево и мигом оказался среди огромных груш. Они висели над головой и сами просились в корзину. Сорвав десяток, Галерин осмотрел сад сверху и вдруг решил: «Останусь-ка я завтра часа на четыре: выкошу сад, помогу хозяйке снять виноград и фрукты… Решено! Останусь!» Он обошёл сад и подошёл к калитке: «Да! Теперь я уверен — Иваньковы в Сусаниках! Это точно… Где же им ещё быть?..»

Умывшись, Алексей зашёл в горницу. Тётушку Верию не узнать: она прибралась, надела белый фартучек, на ногах — чёрные туфли на низком каблучке, на затылке коса закручена в тугой узел.

— Алешенька, садись, ужинать будем.

Хозяйка поставила на стол сковороду с тушеной картошкой, миску с огурцами и нарезала красных помидоров с зеленым луком. Алеша понял, что хлеба нет и не будет. Он метнулся к вещмешку, достал армейскую булку хлеба и баночку рыбных консервов. Обрадованная хозяйка засияла. Она очень давно не ела хлеба. Карточки у нее не было, да и где его возьмешь, тот хлеб. Когда-то мука была, да когда была — забыла. В здешних краях хлеб заменяла кукурузная мука, из которой варили мамалыгу.

— Хлеб! Ты хлеб принес! Сыночек, Алеша, и консервы! Баночка такая блестящая! Она взяла булку обеими руками, прижала к лицу и втянула запах.

Гость вскрыл баночку, и горница наполнилась небывалым доселе запахом таинственного деликатеса. Лешка радовался в душе, что у него были кстати свои гостинцы.

Теперь энергичная и проворная, в хорошем настроении, тетушка Верия приложила палец к губам и лукаво улыбнулась:

— Постой минуточку, Алешенька, — она юркнула в чулан и принесла бутыль, оплетенную лозой. — держи горшочек. Это вино еще дядя Аргос делал из нашего винограда! — она открыла тугую пробку, и из бутыли хлынул аромат великолепного белого вина.

Ужинали дружно, говорили наперебой. На душе было уютно и тепло. Галерин не хотел ничем омрачать хорошее настроение, поэтому не спрашивал, помнит ли тетушка Верия Толика

Иванькова, и не стал пока рассказывать о его трагической гибели на войне. Об этом он подробно расскажет завтра, когда будет помогать в работе.

А хозяйка дома, многое пережившая за последние годы, ни на минуту не умолкала. Она была рада гостю и рассказывала все подряд: и хорошие новости, и плохие. Ее супруг Килисиди был награжден Почетной грамотой за выращивание лучших сортов табака. Аргос добился рекордных урожаев и гордился драгоценной для него наградой. Тетушка Верия пошла в спальную комнату и принесла эту грамоту. Слезы скатились по щеке. С волнением она рассказывала, как табак нужен был стране во время войны, и сколько хлопот было вокруг этой капризной культуры. Хотя Галерин не курил, и табак его мало интересовал, из понятия тетушки Килисиди выходило: без курева солдатам нет жизни, и Алеша сделал большую ошибку, что не научился курить это замечательное зелье. Она увлеченно и совершенно серьезно утверждала, что табак нужен армии больше, чем патроны, потому как, не покурив, солдаты не смогут идти в бой, не смогут воевать, а, значит, и патроны не нужны. Она с гордостью похвалялась, что их хуторской табак, выращенный Аргосом, курил сам вождь товарищ Сталин. Это хартысовским табачком он набивал свою курительную трубку…

Алеша слушал тетушку очень внимательно, не смея помешать ей и усомниться в ее доводах. Он думал о том, как мучались и страдали хуторяне во время войны даже на такой работе, как выращивание табака, как тяжело приходилось ей и сотням таких, как она. Работа с рассвета до темна. Дома хозяйство: куры, коза, огород, сад. Нужны дрова, сено, корм, а еще одеваться надо — все необходимо, чтобы жить и не умереть с голода. Одинокая женщина пережила все трудности и невзгоды, надеясь только на

самое себя. Теперь — постарела, стала седая: здоровье не то, что было до войны, да и радости в жизни — никакой. Приход Алеши был для нее праздником, и она дала волю своим воспоминаниям…

Разморившись от еды и вина, гость, улучив момент, вышел во двор. Была, казалось, абсолютная темнота. Черное небо без луны и звезд пугало. Лишь сверчки дружно перекликались, да тенью проносились летучие мыши над головой. Тишина и прохлада взбодрили его, он вернулся в дом и попросил хозяйку разбудить его с рассветом. Тетушка Верия уже постелила ему постель, и он мгновенно уснул.

Алешка проснулся от крика петухов. Орали все сразу: и далекие, и близкие. Где-то рядом, за стеной старый петух горланил прямо в ухо. Сна как не бывало! Галерин встал и вышел на крылечко. Каково же было его удивление, когда он увидел тетушку Верию у летней печурки. Все дымилось и шипело, пахло луком и варевом. Свежее утро, кристально чистое небо, подрумяненное зарей, обещало солнечный день.

— Доброе утро, тетушка Верия!

— Здравствуй, сынок милый! Хорошо ли спал, Алешенька? Рано еще. Молодые всегда любят поспать…

— Меня петухи разбудили, тетушка Верия. Я так давно не слышал петушиного пения…

Курсант привык на службе к утреннему подъему: физзарядка, туалет, завтрак — все пораньше да побыстрей. Он умылся и попросил показать, где висит коса. Не надевая гимнастерку, подточил косу и вошел в сад. С каким наслаждением он делал взмахи косой. Вспомнилось, как до войны дедушка учил его владеть этим орудием. Теперь, крепко удерживая в руках литовку, Алексей с силой срубал застарелый бурьян. Однако, коса не всякий раз шла свободно. Поминутно сбиваясь на полпути, она досадно застревала под упругим корневищем. Тогда он взял топор и вырубил всю грубую поросль под самый корень. Передохнув, косарь поплевал на ладони: взмах, другой — дело пошло лучше. Трава была влажной и косилась легко. За час работы молодой косарь положил к своим стопам все нашествие сорняков. Сразу в саду посветлело. Взошло солнце, и Леша вытер со лба пот. Тетушка Верия, наблюдавшая за парнем из кухни, дождалась, когда косарь закончит работу, решила: «Пора!»

— Алешенька, сыночек, мой руки, завтрак готов!

Повесив косу на сук и положив топор на место, Галерин направился ко двору. Подошел и ахнул: тетушку Верию не узнать! Она надела самое красивое, самое дорогое свое платье,

прихорошилась и радостно улыбалась:

— Алешенька, я открою тебе тайну. Это платье шила мне твоя мама Оля. За время войны я ни разу его не надевала. Сегодня я радуюсь, что ты со мной рядом… — глаза тетушка Верии заблестели, она прослезилась от счастья и радости.

Алеша похвалил ее, подошел, обнял за плечи и поцеловал.

— Спасибо, тетушка Верия, за вашу доброту, за мамину память спасибо… Я не видел родных четыре года. Никого не видел. Вот поеду на Ставрополье, к маме, сестричку, наверное, не узнать!

— Присаживайся, косарь мой, будем завтракать.

Хозяйка зарезала того самого горластого петуха, который разбудил гостя. Узнав об этом, Леша расхохотался, а тетушка Верия шутила и смеялась:

— Зачем будил, горластый, вот и попал в жаровню! Пусть теперь молодые петушки поют!

Алеша поел с аппетитом, встал и подошел к хозяйке.

— Спасибо за вкусный завтрак! Тетушка Верия, я решил остаться у вас поработать до обеда. Я помогу вам немного…

Женщина, не ожидавшая такого поворота дел, приоткрыла рот, потом просияла от радости. У нее заблестели глаза:

— Вот так парень! Вот ты какой молодец! — промокая фартуком слезы, она улыбнулась и взяла гостя за руку. — Я очень, очень рада, Алешенька, благодарю тебя навечно! Как ты меня обрадовал! Мне не хотелось, чтобы ты уходил! Коль так, дорогой, иди в сад, а я сейчас. Забирай корзины и бечеву, я скоро, сейчас…

Хозяйка сняла нарядное платье, туфли, надела холщовую куртку, старые ботинки, повязала на голове хусточку и вошла в сад:

— Что ты здесь натворил, Алеша! Я свой сад не узнаю. А сена сколько много получилось. Жаль, что у меня козочки нет. — Взяла пучок травы, помяла его и заключила: — Хорошее сено будет, когда высохнет.

Алексей был рад, что хозяйке понравилась его инициатива. Он улыбался и был готов к новой работе. Тетушка Верия подошла к ветвистому дубу, плененному виноградной лозой. В его кроне виднелись янтарные гроздья вперемешку с дубовыми листьями.

— Алешенька, самое трудное для меня — это лазать по деревьям. Давай снимем виноград в первую очередь! Вот тебе нож, бери корзинку и на веревке будешь спускать, хорошо?

Подавая корзины с виноградом, Алеша рассказывал басню Крылова «Лиса и виноград», а тетушка Верия кричала ему наверх:

— Это я и есть лиса! Надо сорвать виноград, да на деревья лазать не могу, стара стала, — смеялась она, унося очередную корзину во двор.

Галерин словно попал в рай! Куда ни повернись — всюду тяжелые гроздья. Они искрятся на солнце и сами просятся в корзину. Между дел Лешка отрывал сочные упругие ягоды, бросал их в рот, ощущая блаженство.

Хозяева Килисиди имели все приспособления для приготовления виноградного вина и тару для его хранения. Тетушка Верия знала толк в этом деле. Она уже представила себе это искрящееся вино в своих бутылях.

Пока она носилась с корзинами, планы сохранения снятого урожая четко рисовались в ее голове. Жизненный опыт потомственных греков-хуторян передавался из поколения в поколение. Эти люди умели трудиться, хозяйствовать, выращивать и сохранять богатые урожаи. Что удавалось продать — сбывали, имея небольшой доход. На том и держалось их нелегкое бытие в этом забытом горном поселении. Супруги Килисиди жили хорошо, они много трудились, были молоды, и работа не отягощала их. Жили скромно, не зная нужды и невзгод. Теперь, когда тетушка Верия овдовела, и годы подточили здоровье, жизнь ее по-прежнему в заботах и труде заполняла все дни с утра до вечера. Она верила в свои силы и не

поддавалась отчаянию. Хозяйка знала, что истопит печь, остудит ее немного, положит целенькие яблоки или груши на прогоревшие угольки и сделает сквознячок. Фрукты высохнут и станут медовыми, только золу сдуй. Она умела делать и сохранять грушовый квас, испить кружечку которого — истинное наслаждение. На огороде у хозяев — сушилка для разных фруктов и чернослива: одно, медленно тлеющее бревно за пять-шесть дней высушит все, что было засыпано в короб. Сушеные фрукты можно хранить как угодно долго: ничего не пропадает у Верии. Она твердо знает, что урожай, собранный с помощью дорогого гостя Алеши, будет сохранен полностью.

Подавая пустую корзину, неугомонная хозяйка каждый раз сопровождала ее какой-нибудь репликой:

— Откуда ты взялся, Алеша! Век бы мне не собрать этот урожай!..

Работа с уборкой винограда приближалась к концу. Галерин спустился с дерева по лозе, как по канату, и с облегчением передохнул:

— Все! Четвертый закончили!

На соломе во дворе работник увидел две горы винограда: белую и сизую. Сели с хозяйкой на скамейку отдохнуть.

— Тетушка Верия, я должен вам сказать одну тяжелую правду. Будет нехорошо, если я умолчу. За этим я и приехал на Кавказ. Вы помните дяди Ваниного сына Анатолия Иванькова?

Тетушка насторожилась, вся напряглась, глядя на гостя. Лицо ее сделалось серьезным, губы сжались, ее редкие черные усики взъерошились щетинкой:

— Неужели Толик погиб?

— Да, тетушка Верия, он погиб. Это был мой друг детства и юности.

— Бог мой, да что же это за несчастье на людей навалилось! Детей убивают! Не верится, сынок, что он погиб! Как же это?..

Толик Иваньков в ее воображении помнился мальчиком. Она не могла себе представить его взрослым, солдатом, и потому оплакивала как ребенка.

— В разведке он был, тетушка Верия. Обстреляли разведку. Анатолий был смертельно ранен. В медсанбате скончался двадцать четвертого октября тысяча девятьсот сорок четвертого года.

— Господь Бог, царство ему небесное, сколько людей погибло… Где-то и мой Аргос вот так, наверное, в земле сырой лежит. Она плакала, и Галерину было жаль женщину, судьбу которой так изуродовала война.

— Дядя Иван узнает — с горя умрет, бедный, — она снова

разрыдалась, подняла заплаканное лицо и проговорила серьезно: — Боже, что будет! Какое горе. Не рассказывай, Алеша, отец его не выдержит… Как мне жаль старого человека… не говори про Толика…

— Тетушка Верия! Я должен найти семью Иваньковых. Я обязан рассказать о гибели их сына. Я клятву давал перед его смертью. Мы воевали в одном полку. Когда его ранило, он был еще живым, я клялся, тетушка Верия, они, наверное, похоронку получили…

— Алеша, вот теперь я поняла, почему Иван был угрюмый такой, убитый горем тогда, весной. А матушке Фросе каково будет? Как сейчас помню их сына, резвый такой, шустрый был мальчик, — все еще вздыхала она.

Передохнув четверть часа, гость и хозяйка снова вернулись в сад. Теперь они снимали груши поштучно, ибо упавший плод — уже не груша, а блин сладкий. Установили лестницу-стремянку и один за другим клали плоды в корзину.

До середины дня были обломаны початки кукурузы, срублены стебли под корень, и все — в сарай.

— Тетушка Верия, что будете делать с кукурузными листьями?

— О, сынок, у меня коза была, молочко давала мне, и другим хватало. Теперь нет козы. Осенью думаю купить молоденькую. Вот и будет, чем кормить зимой в непогоду. Немного сена есть, вон травы ты накосил — так и прокормлю до весны. А там — гуляй на травке. Сколько ей надо… Жить ведь трудно. Алеша. Только на себя и рассчитываю. Ничего, с голоду не помру!

Хозяйка встала, отряхнула подол от листьев и решительно шагнула ко двору:

— Ну, ладно, Алеша, все! Поработали хорошо, спасибо. Пора обедать. А тебе, Алешенька, в путь-дорогу дальнюю. До Сусаников километров пятнадцать будет по Ключевской дороге, — с сожалением и грустью сказала она. — Это я тебе приготовила, Алеша! — она положила руку на аккуратный холщовый мешок с одной плечевой лямкой, — Не знаю, донесешь ли? Ты молодой! Здесь сушеные яблоки и груши, чернослив и немного вишенок. Будешь у мамы Оли — привет от меня передай!

— Спасибо, дорогая тетушка Верия. Вы добрый человек. Мама обрадуется подарку.

Пока хозяйка накрывала на стол, Алексей умылся, заправил гимнастерку под ремень, подошел к столу:

— Вот вам от меня скромный подарок на память, тетушка Верия. Не отказывайтесь, пожалуйста, — Он поднес ей на ладонях

новенькую, слежавшуюся в пакете нательную рубашку стандартного образца. Белизна бязи тронула женщину.

— Это мне подарок! Такая белая! Алешенька, сынок, не надо… А как же ты, когда холодно?

— Сейчас лето, до зимы далеко! Берите, помнить меня будете. А теперь можно и пообедать. Мне, пожалуй, пора!

После обеда Галерин забросил вещмешок за спину, взял сидор с подарками, положил шинель на руку, улыбнувшись, пошутил:

— У меня полная солдатская выкладка, как в боевом походе.

Тетушка Верия засмеялась, слезы выступили на глазах: вот-вот заплачет. Они подошли к калитке.

— До свидания, тетушка Верия, я очень рад, что погостил у вас. Труженица вы, книгу написать можно.

— Это ты молодец, Алешенька, что пришел, навестил, порадовал меня, помог мне очень много. Никогда не забуду тебя, сынок, дорогой, — она тихо заплакала, — маме твоей привет.

Алеша поцеловал ее, пожал руку и зашагал по тропинке; оглянувшись, помахал рукой.

Полупустые домишки хуторка быстро кончились. Остановившись, Галерин посмотрел назад. Далеко у калитки темнела фигурка тетушки Верии. Она махала платочком.

— Прощай, деревушка Хартыс! — сказал сам себе Галерин.

ДОЛГ ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ

Алексей Галерин шел по лесной горной тропе в направлении посёлка Сусаники. Он уже миновал перевал, и теперь путь его лежал к Ключевскому шоссе. Идти с грузом под горку намного легче. Он шел неуверенно, так как многое изменилось вокруг, но помнил: на пути должно быть озеро Крутое. Это живописное создание природы в горах обрамляли три крутых ската. С северной стороны вода из озера ручейком сочилась меж камней и по лощине сбегала в низину.

Родниковое озеро с красивыми берегами представляло собой образец флоры Северного Кавказа. Это был голубой сапфир в малахитовой оправе. Сюда часто приходили местные ребята. Школьный поэт Миша Бережной читал здесь свои стихи.

У озера Крутого
Стоял я наверху:
«На свете нет такого»,
Шептал я ветерку.
А озеро лазурью
Сияло, как кольцо,
Невольно я ладонью
Прикрыл свое лицо!

Водоем был глубоким: кое-где берега отвесно уходили в воду, а их зеркальное отражение на гладкой поверхности воды не отличалось от реального мира. Таким помнил Галерин озеро Крутое до войны… Сейчас откроется живописная панорама! Там, внизу, у самого берега, через ручей был мостик. Лешка представил себе, как вволю напьется чистейшей водички… Но почему так пахнет мазутом? Нефтяной запах усиливался с каждым шагом, и когда, наконец, открылась долгожданная панорама, пешеход остолбенел: он увидел удручающую картину. Там, где было озеро, оказалась огромная черная впадина, сверху покрытая нефтью. Берега замазучены так, что к ним не подойти. Растительность почти вся вымерла, все живое погибло. «Не кошмарный ли сон?» — подумал Галерин. «Так вот о чем писал отец Анатолия Иванькова в письме своему сыну…»

Трагедия Крутого состояла в том, что во время войны в него наливали нефть. Туапсинский нефтеперегонный завод сожгли немцы, а добыча продолжалась, и сливать нефть было некуда. Здесь прятали стратегическое сырье от захватчиков. Никто тогда

не выдал тайну Крутого. До самого отхода с Кавказа немцы ничего не знали о нефтехранилище… Очевидно, после ухода немцев часть нефти вывезли отсюда, но озеро погибло. Ценою своей жизни оно спасало «черное золото» и теперь осиротело, одичало, умирало, не в силах подняться… «Я бы памятник поставил Крутому! — почти вслух произнес Галерин, и сердце его сжалось до боли. — Ты такая же жертва войны, как и люди, погибшие и искалеченные при защите Родины. Смерть Анатолия Иванькова и твоя погибель равнозначны …»

Алексей медленно спустился вниз по тропе. Мысли о гибели людей и природы по вине самого человека теснились в его голове… Наконец, он подошел к мосту. Но того мостика не было. Теперь здесь насыпан земляной вал — плотина, высотою метров семь, и лишь в теле плотины журчала еле живая струйка воды. Можно понять, почему берега были черными: сначала воду спустили, а потом водоем заперли высоченной стеной и налили нефти доверху. Берега поднялись метров на семь и замазутили все вокруг. Картина страшная! Жаль, такая красота загублена… Более пяти лет несчастное озеро пытается восстановить свою былую первозданность, свою прелесть, но безуспешно! Нефть — кровь Земли — запеклась в корнях, на коре деревьев и кустарников, на граните скал и в траве, обезобразила берег, изгадила роднички. Вода почернела, страшно тронуть ее рукой. Что случилось с тобой, жемчужина Северного Кавказа! Ты погибла если не навечно, то на сотню лет наверняка! Все здесь мертво, стало чужим и мрачным…

Глубоко раздосадованный Галерин пошел прочь по раздавленной автомобильными колесами и тракторами лесной дороге, ведущей к Ключевскому шоссе. Оглянувшись в последний раз, он прошептал: «Знал бы Миша Бережной, какая трагедия произошла в горах у озера Крутого, по-другому запел бы свои стихи».

Уже час в пути. Наш герой устал, но надежды на встречу не терял. «Неужели уехали? Не может быть, чтобы они уехали. Все равно найду Иваньковых!» — подбадривал он себя. Курсант прибавил шагу.

Сзади заурчало. Галерин поднял руку, и машина остановилась. Он влез на борт. Успокоившись, Алексей снова предался раздумью: «В Сусаниках была семилетняя школа. Танечка наверняка там учится. Куда им уезжать отсюда, старикам…»

На повороте Галерин сошел с машины, взвалил на плечи свой груз и направился в поселок. Вот они, заветные Сусаники, как на ладони!

Подходя к небольшому стаду домашней живности, он увидел двух девочек и мальчика-пастушка. Дети беззаботно что-то жевали, были грязны, плохо одеты, босые, и, видимо, давно не чесаны. У мальчика на плече лежал длинный кнут, а сбоку висела торбочка для еды.

— Ребята, здравствуйте! Не знаете ли вы, где живут Иваньковы?

— А, это Танька у них! Знаем, знаем, — закивали головками девочки. — вон там, туда идите, к мосту, потом перейдете мост, там три дома такие… в лесочке. Они там живут! — перебивая друг друга, объясняли девочки дяде военному.

— А кто у них дома?

— У них Танька, потом дядя Иван… Он… он болеет, и тетя Фрося…

Галерин обрадовался, что получил у ребят самые достоверные данные о семье Иваньковых.

— А вы учитесь в школе?

— Не-е! Бо школы нету. Скоро, може, будет… А вы, дяденька, откудова?

— Военная тайна!.. Из Хартыса, с хутора иду.

Дети переглянулись: не шутит ли дядя военный? Но дядя не врал. Он сбросил вещмешок с плеча, открыл его и дал всем по груше. Теперь наверняка они поверили…

Домик Иваньковых напоминал избушку Бабы Яги на курьих ножках. Его построили наспех, слепили временно, да так и живут в нем, перебиваются.

— Здравствуйте, дядя Иван! Встречайте гостя! — крикнул военный через плетень.

— Здорово живешь! Проходи, паря. Кто таков будешь? Откуда меня знаешь?

Старик вопросительно осматривал молодого человека в военной форме с грузом на плечах и добродушно улыбался. Галерин сбросил вещмешок и торбу на скамейку, выпрямился и передохнул:

— Не узнаете меня, дядя Ваня? Я — Галерин Алексей, друг Толика! Здравствуйте!

— Алеша, Галерин, на Золотой Горе жили! Фрося! Фрося! Скорее сюда! Смотри, кто к нам приехал! — прослезился дядя Иван, обнимая гостя.

Тятя Фрося, бодрая, шустрая женщина (Анатолий весь в нее), с сединой, но еще не старая, бросилась к военному с причитаниями и стала обнимать его:

— Я знала, Алеша, знала, что ты приедешь! Я чувствовала! Я верила! Ты снился мне не раз… — сначала громко, почти кричала

мать Толика, а потом заплакала, зарыдала тяжело и больно, задохнулась слезами, и Лешка, поддерживая ее, попросил водички скорее. Она сомлела, ноги подкосились; ее усадили на лавку, дали воды… Танечка стояла на пороге и косилась на незнакомого гостя, который так расстроил отца и мать.

Немного успокоившись, тетя Фрося положила руку на грудь, хрипловатым голосом заговорила совсем тихо:

— Алешенька, Толик писал, что вы вместе воюете… писал сыночек, да нет его… убит на войне… похоронку получили… — она совсем разрыдалась так, что ее пришлось увести в горницу.

Галерин растерялся, позвал девочку и тихо попросил:

— Танечка, нужна валерьянка, валериановые капли. Нет у вас? Попроси у соседей, маме плохо, она сильно потрясена.

Таня убежала и вскоре, запыхавшаяся, подбежала к Алеше и сунула ему флакон. Он налил в кружечку, добавил водички и вошел в спальню:

— Дядя Ваня, вот валерьянка, дайте ей, пусть все выпьет…

Старик поднял голову супруги и, успокаивая ее, напоил из кружки. Алексей вышел во двор, сел, встал, снова сел на скамейку.

— Таня, пойди сюда. Ты молодец, что принесла капли. Сейчас маме станет лучше. Я друг твоего брата Толика. Ты была маленькая, не помнишь меня? Я тебя носил на руках, водил за ручку, не помнишь?

Словно спохватившись, он круто повернулся, взял вещмешок, торопливо развязал его и достал яблоко и грушу. Танечка взяла гостинец и глазки ее просияли, она смущенно улыбнулась.

Девочка не помнила гостя. Тогда ей было годика два-три.

Прошло пять лет, и она смутно представляла то далекое для нее время. Толика она помнила, но уже прошло более трех лет, как брат ушел на фронт. Знала Таня, что он погиб, но что это значит, ее сердечко не понимало.

Выложив из вещмешка яблоки и груши на летний столик, Галерин достал полотенце и мыло. Хозяин вышел во двор, подошел к гостю, обнял его за плечи:

— Сынок, матери легче. Ты не волнуйся, сейчас все пройдет. Она скоро… — он забегал, чтобы накрывать стол, позвал Таню.

Сняв гимнастерку, курсант направился к речке. Когда вернулся, хозяйка хлопотала у стола, тихо распоряжалась. Дядя Иван пригласил гостя:

— Садись, Алеша, с нами за стол. Есть о чем вспомнить и поговорить. Садись, дорогой.

Из сидора Алексей извлек бутылку вина, заткнутую холостым кукурузным початком вместо пробки.

— Это гостинцы из Хартыса от тетушки Верии Килисиди.

— Из Хартыса? — с большим удивлением переспросил дядя Иван. Он вопросительно застыл, глядя на военного парня, потом посмотрел на супругу:

— Вот это новость! Как же ты туда попал, Алексей?

— Я искал вас там, дядя Ваня! Мне сказали, что вы на хутор убежали от пожара. Я ведь на Золотой Горе был вчера, вот и махнул в Хартыс…

Иваньковы переглянулись, но ничего не сказали.

— Кушайте, Алеша, с дороги, устал, проголодался, — тихо сказала тетя Фрося.

— Спасибо! Я хорошо пообедал у тетушки Верии. Там мы поработали. Кое-что помог ей по хозяйству.

— Как она там живет, бедная, одна? Не болеет? — спросил хозяин.

— Все надежды на самое себя. Здорова, очень поседела тетушка, да и постарела сильно.

— Все мы постарели! Горя сколько перенесли. Настрадались, не дай Бог! Всю войну вот так!

— Танечка, иди сюда ко мне, не бойся, я про Толика буду рассказывать.

Таня подошла, села рядом. Алеша обнял девочку за плечико, чмокнул в щечку, улыбнулся ей и дал кисть янтарного винограда.

— Это тебе от тети Верии. Ты ее знаешь?

— Знаю, дядя Алеша. Я маленькая была, когда она приходила. Она мне черно-сливки сушеные давала. Я тогда к ней бегала…

— Подрастешь, обязательно побывай в Хартысе. Тетушка

Верия добрая, ласковая, детей любит. Вот и прислала тебе гостинцы. Вкусные?

— Да, — ответила девочка, — сладкие какие…

— Ну, сынок, рассказывай, как было. Все рассказывай. А ты, мать, крепись, теперь уж не расстраивайся. — Он тронул супругу за руку и посмотрел ей в лицо.

— Да пусть поест с дороги, потом уж, — тяжко передохнула тетушка Фрося, как бы предчувствуя страшные вести.

Выпили виноградного вина. Алексей поел и стал рассказывать. Он начал с того, как встретились с Анатолием, как ехали на фронт. О трудностях ночных маршей по чужой земле, о гибели товарищей. Вспомнил и старшину Димурова, убитого в лесу, и другие эпизоды фронтовой жизни. Когда Алеша пересказывал Толькины байки о неудачнике Загорулько, Танечка от души хохотала. Галерин оттягивал подальше тот трагический день, когда Анатолий Иваньков был смертельно ранен. Обо всем рассказывал, но только не об этом. Алексей боялся, что у тети Фроси может случиться новый сердечный приступ. Как быть? Как рассказать о Толике, чтобы мать не так сильно убивалась? Однако, рассказывать всю правду все равно нужно. Деваться некуда.

— Тетя Фрося, у вас есть фотографии Толика? — нашелся Алеша. Танечка побежала в комнатку и принесла старенький семейный альбом. Посмотрели фотографии: а вот и друзья юности — Лешка с Толькой… Альбом кончился. Алексей захлопнул его и решительно выпалил:

— Анатолий погиб в разведке, в честном бою! Перед смертью я дал ему клятву, что, если останусь жив, навещу вас, дядя Ваня и тетя Фрося, и Танечку. Вот я и пришел. Я долг свой выполнил!

— Алешенька, сыночек, а где могилка Толика? — сквозь слезы выдавила несчастная мать.

— Он похоронен в братской могиле погибших советских воинов! Они отдали свои жизни за освобождение польского народа от фашистских захватчиков. Сейчас еще никто не знает точно, где эта могила. Но я думаю, что поставят памятник и высекут имена каждого, кто там захоронен…

— Ты видел, Алеша, его мертвого? — спросил отец на выдохе, поперхнувшись слюной.

— Я видел его живым! Он был смертельно ранен и скончался в медсанбате. Он умер на операционном столе… Больше не могу, не спрашивайте меня! Я все сказал, что видел и что знал… — Алексей заплакал, спазмы душили его. Он наклонился на стол и разрыдался…

Все молчали. Потом дядя Иван обнял Алешу за плечи, стал

успокаивать. Галерин никогда в жизни так не плакал, у него словно накопилось, словно прорвалось, и он не стеснялся своих слез…

Тетя Фрося не шевелилась.

Она замерла, прижав к себе Танечкину головку, молча переживала сообщение Алеши. Дядя Иван пригласил гостя в горницу. Алексей увидел на стене большой портрет Анатолия Иванькова в военной форме. На уголке рамки была черная ленточка, повязанная бантом.

— Прощай, друг Толя! Клятву свою я сдержал! — прошептал Галерин.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ, ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Снова Алексей Галерин шёл по шоссе. Спуск, подъём, крутые повороты. Обратный путь до станции Кабарда далёк. Курсант шёл и размышлял: «Отпуск летит быстро. Уже прошла неделя… Когда же я попаду домой… Но хорошо, что разыскал Иваньковых, на душе стало легче… Надо торопиться…» Он прошагал километров пять. Ни одна машина не обогнала. Ещё десяток шагать. Волновался, не знал точно, когда придет единственный в сутки поезд. Известно только — вечером.

Где-то за поворотом сзади услышал топот копыт и постукивание колёсных ступиц телеги. На такой транспорт он не рассчитывал, а потому не придал ему значения. По-прежнему шагал быстро. Дорога пыльная, сапоги поблёкли, спина влажная… Оглянулся: пара лошадей тянет телегу.

— Тпру-у! Садись, служивый, подвезу! — услышал он бодрый окрик ездового.

— Спасибо, батя, дойду, я молодой!

— Воля твоя, парень! Куда путь держишь?

— На станцию мне!

— Ну, так садись! До посёлка Кура-Гура подвезу, а там три версты до станции, добежишь!

Алексей прыгнул на ходу и утонул в соломенной подстилке. Он оперся локтем о куль с овсом, и ему стало так удобно, словно в колыбели. Лешка замер от удовольствия. Ноги гудели, влажная майка липла к телу. Невольно думалось: «Всё же не пешком, только вот успею ли?»

— Несовременная техника — лошади, телега, но и на том спасибо! Как зовут тебя, добрый батя?

— Меня Макаром зовут! — обернулся ездовой через плечо. — Все меня тут знают, всю жисть с лошадьми! Не расстаюсь! Ну, милые, пошли! Ни трактора мне не надо, ни машины! Люблю энто тягло! Послушное, безотказное, ежели с ним по-хозяйски! Да вот с кормами худо…

Тощие кони вяло волочили повозку. Чтобы быстрее — их надо крепко хлестнуть, но ездовой не злоупотреблял кнутом: лишь изредка понукал, да вхолостую помахивал — везут, ну и ладно.

— За рулём тоже хорошо, дядя Макар!

— Не, пока живу, работаю, коней не оставлю. До войны лошади в почёте были! Я конюхом работал в стройконторе, так, поверишь, если бы не лошади — ничего не построили бы! Тёс, доски — подвези! Рамы, стекло, гвозди, раствор — всё лошади в

ходу… Машины? Жди машину, когда придёт, — до обеда и потеряешь время! Но! Веселей на горку! Привык я к лошадям! Милое дело!..

— Дядя Макар, а в какой стройконторе до войны работал?

— Ну, в какой! В этой… в нашей стройконторе, на Золотой! Сгорела Золотая Гора! Начальник у нас Джутовский был…

— Джутовский? На Золотой Горе? Мой отец у него работал в стройконторе! Бухгалтером был! Может, знали? Дядя Макар?

— Фамилия как, отца-то? Был у нас бухгалтером Николай Иванович Гале…

— Дядя Макар! — Вскочил Галерин, — Стой, дядя Макар! Я — Галерин, сын Николая Ивановича! — Он ухватился за плечи Макара и потряс его!

— Тпру-у-у! — потянул за возжи конюх. Оба седока соскочили с телеги и обнялись.

— Неужто Николая Ивановича сын? Зовут-то тебя как?

— Алексей я, Галерин!

— Стало быть, Алексей Николаевич! Сын Николая Ивановича! Вот так штука, вот так встреча! Как сейчас помню нашего бухгалтера, Николая Ивановича… Да! Слыхал, слыхал, я знаю, — понизив тон с искренним сожалением сказал Макар, — погиб твой батя, сгинул на войне! Сразу погиб, как ушёл на фронт… Жаль очень… Ну, садись рядом на сиденье, поехали! Но, любезные!

— Откуда, дядя Макар, вы о гибели отца знаете?

— Жена Джутовского сказывала.

— О смерти отца мать узнала только в сорок пятом году, а погиб он в сорок втором. Всю войну мы ждали вестей от отца и ничего не знали о его гибели.

— Так вот, из военкомата пришла бумага на стройконтору в сорок четвёртом году, в конце, кажись, года. Джутовская тогда начальницей была вместо мужа, значит! Работала! Вот она и разыскала адрес твоей матери и сообщила ей. Понял?

— Вот оно что! Мать эвакуировалась с семьёй на Урал, и если бы не Джутовская…

— Марья Петровна и сейчас переписывается с твоей матерью. Стало быть, Алёша, мы как родные-близкие встретились… Вот какое дело выясняется… Но, милые, веселее, пошёл на горку… А сейчас ты куда направился, если не секрет?

— Не секрет, дядя Макар! К дедушке, к маме еду! Ещё до войны мой дед Степан Егорович в Калмыцкие степи подался. Когда война кончилась, мама тоже туда перебралась! Край там благодатный…

— Стало быть, ты, Алексей Николаевич, в гости к деду

подался! Ну, привет матушке и Степану Егоровичу… А вот и Кура-Гура! Ты, Алёша, с нами не теряйся, пиши в Сусаники Джутовским. Я у них часто бываю. Александр Михайлович без ноги, на костылях. Приехал с фронта весь израненый, больной. Марья Петровна его обхаживает. Сейчас стал поправляться. Расскажу им о нашей встрече — не поверят. Любил он Николая Ивановича за аккуратные бумаги, да деловитость… Тпру-у! Приехали! Ну, прощай, Алексей Николаевич! Очень рад был такой встрече! Теперича добежишь до поезда, успеешь!

Галерин спрыгнул с телеги, и путники тепло распрощались.

Вечерело. В Кабарде и на других станциях за сутки скапливается столько пассажиров, что и тремя эшелонами не увезти. Курсант не мог влезть даже в тамбур. Вагоны набиты до отказа. Галерин подлез под вагон на другую сторону эшелона. Поезд вот-вот тронется, уже дал свисток. Лешка вцепился в поручень, вскочил на ступеньку — там уже сидели двое, — он пристроился пониже. За его спиной дюжий небритый мужик подобрал ноги: вроде, не возражает против ещё одного соседа.

Поезд шёл не спеша. Колёса тяжело отстукивали на стыках: «Тах-тах! Тух-тух» — ритмично колотило по мозгам. Часто останавливаясь, эшелон лениво полз в вечерних сумерках по чёрной степи. На крохотных разъездах, сгоревших станциях такая же толчея, крики, суета при посадке. Все хотят ехать, а мест нет даже на ступеньках — лезут на сцепку, на буферную площадку… Поезд тронулся. Запахло вонючим дымом. Курсант всунул ладони в рукава шинели, прижался к поручню. Те двое, повыше, сидели молча. Так и ползли! «До Армавира бы доехать, — подумал Галерин, — а там люди сойдут, в вагон влезу…»

Под стук колес дремалось. Прошло более двух часов. Ночь, тьма кромешная. Воздух на ходу сырой, холодный. Алексей долго боролся со сном: ежился, щипал себя, теребил нос — мучился! Спать и все! Он вспомнил Польшу, ночные переходы, Чуркина, который привязывал его руку к телеге… Понимал: надо перебороть сон. Если бы можно было вздремнуть только пять минут. Нельзя, нельзя… И тут он почувствовал, что падает… Видимо, мышцы левой руки расслабились, и он оторвался от ступеньки. Его правая рука машинально железной хваткой вцепилась в поручень, но одна нога сорвалась с подножки, тело повернулось вокруг поручня, и он больно ударился носом: вот-вот сорвется под колеса. Но что-то крепко прижало его к торцу ступеней и волокло вверх:

— Дурень-солдат! Убьешься, парень! — кричал небритый

мужик, тянувший его за шиворот. Галерин влез на ступеньки и оказался нос-к-носу с верзилой.

Он словно очнулся от кошмарного сна. Здоровяк забасил:

— А ну, лезь сюда, в середину, башка дурная…

— Спасибо… не заметил… задремал. Да… мог бы… сорваться… Как это я… Вы спасли меня… — мычал Галерин.

Сон прошел мгновенно. Сидели тихо. Лешке стало теплее.

В полночь прибыли в Армавир. «Теперь не зевать!» — решил Галерин… Небритый входил в вагон первым, за ним лез военный. Из вагона пахнуло спертым воздухом. Полумрак и ужасная теснота заставляли двигаться осторожно, перешагивая через спящих. Кругом, куда ни глянь, на полках, на полу, в проходах — всюду люди: дети спали в разных позах, а женщины мучались рядом с ними. В самом конце вагона освободились места для сидения:

— Парень, курсант, сюда… Иди сюда, — шептал здоровяк Алексею, — если не занято — здесь будем.

Алексей сел за столик на боковушке и стал осматриваться. Постепенно все успокоились, притихли, наступила тишина, а поезд все стоял. Наконец, неожиданно дернулся и покатил, вздрагивая на стыках. Незнакомый компаньон, Лешкин спаситель, оторвался от окна, глянул мельком на курсанта и снова задумался. В спокойном лице попутчика Галерин уловил грусть-тоску. Но необыкновенная выдержка мужественного и волевого человека удивила курсанта. На фронте и в армии Галерин встречал многих людей. Бывали всякие: веселые и болтливые, хвастливые и вруны, серьезные и скромные. Новый знакомый был особенным. Он не вмешивался, не расспрашивал, не был назойливым и любопытным. Однако, не был и безразличным.

Это приятное соседство понравилось Лешке, и он проникся уважением к попутчику.

Посматривая на него, курсант размышлял: «Кто он, этот мужик?.. Спас меня и будто ничего не случилось, ничего и не было… Бывают же люди…

Видимо, не курит, раз не предлагает и не просит закурить… Может, для него я — пацан, со мною и говорить не о чем? Может…» А пожилой заговорил неожиданно:

— Меня Александром Ивановичем зовут. Я учитель. А тебя как зовут, дружок?

— Алексей Галерин, курсант военного училища.

— Да вижу, что курсант. Вот такой, как ты, у меня сын был, да нет его в живых, Алеша.

— А что случилось, Александр Иванович, если можно, скажите?

— Можно, да горько говорить… Погиб он на фронте! В Польше воевал. Под Лодзью убили в сорок четвертом.

— Я тоже был ранен… Кругом, с кем ни заговори, у каждого свое горе… У меня отец погиб в самом начале войны, а у вас сына убили на фронте…

От духоты стало жарко. Окна не открывались, а то, что было выбито, не успевало проветривать. Галерин вышел в тамбур. Колеса молотом отбивали на стыках, шумело и грохотало. Там, на ступеньках, он этого не замечал. Постоял, осмотрелся: и здесь мучались без сна. Кто сидел, а кто дремал, согнувшись в три погибели. За время войны он насмотрелся всякого, и сам пережил немало. Подумал: «Мирное время! Кругом послевоенная неустроенность, карточная система, трудности на каждом шагу. Да когда же мы будем жить лучше, по-человечески… Скорее бы домой добраться.. Да где же это Привольное, сам толком не знаю».

Галерин вошел в вагон и сел на свое место. Александр Иванович поджидал его. Он порылся в чемоданчике и достал съестное:

— Давай, Алеша, прикладывайся, кушай, не стесняйся. Вот не знаю, что пить будем? Водички-то нет в вагоне!

— У меня грушовый квас, будете?..

Ели с удовольствием. Стало совсем хорошо. Настроение поднялось.

— Бывалый ты парень, вижу. Вон сколько наград у тебя…

— Бывалый! Да чуть не грохнулся под поезд. Если бы не вы, Александр Иванович…

— Да, будет! Не вспоминай об этом. Что было, то прошло.

— Александр Иванович, можно у вас спросить, куда вы едете?

— Может ты вздремнул бы, Алеша? Ведь скоро утро, — улыбнулся учитель, — теперь поспать можно.

— Да нет, спасибо, сон пропал.

— Ну, коль так, скажу: в Ростов меня вызвали. Там совещание директоров школ намечается. Предстоит много работы. Нужно возобновлять занятия в разоренных войной школах, строить новые… Многие дети совсем не учатся с сорок второго года… Вот проблема…

— А я мечтал стать врачом. Но получилось так, что теперь в военном училище.

— А ты правильно делаешь, что думаешь об учебе. С выбором сейчас не всегда получается. По крайней мере, ты молодой, на твердом пути стоишь. Сколько еще учиться?

— Я не жалею, что стану кадровым военным. Свой опыт жизни я приобрел на войне, многому научился, многое прояснилось. И, в конце концов, кто же, как не мы, будет защищать Родину! Сколько офицеров погибло, искалечено… Ситуация после войны напряженная, Александр Иванович. Мне еще год учиться. Вот первый отпуск после войны получил…

— Конечно, у тебя специальности никакой?

— Ну, какая там специальность! Воевал, стрелял, убивал, меня убивали, как жив остался — сам не пойму, Александр Иванович. Четыре года с оружием, в погонах… Я не надеялся, что выживу. В таком кошмаре войны шансов на выживание очень мало было. Видел десятки погибших бойцов, участвовал в похоронах убитых. Смерть вроде была неотвратима, где-то ходила рядом. Но о себе как-то тогда не думал: воевал, и все! В коллективе фронтовиков чувствуешь себя в безопасности. Аппетит был хороший, а спали — по обстановке: есть возможность — где стрелял, там и вздремнул, где шел, там и выспался. Каждый день почти, словно волосинки выпадали с головы, кто-то выбывал из строя… Запомнились мне слова, солдатик один пропел:

Сурова наша жизнь, коль молодость в шинели,
Коль юность перетянута ремнем…

— Красивые слова! Метко пропел! В них вся биография фронтовика! А теперь этому конец, Алеша? Мы мирные люди?..

— …но наш бронепоезд стоит на запасном пути! — засмеялись вместе.

— Алеша, я думаю, теперь жизнь наладится?

— Не знаю, что будет, Александр Иванович. Одних поджигателей войны уничтожили — вылезают на свет другие! Трумэны всякие появляются, угрожают атомными бомбами… Борьба будет продолжаться. Но если народы мира смогут

возглавить борьбу за мир, то и войны не будет…

— Поживем — увидим, Алеша! — Александр Иванович посмотрел в окно и неожиданно спросил: — Ты, значит, в отпуске! А сейчас куда направился?

— Вы знаете, Александр Иванович, я еду, сам не знаю, куда. Можно сказать, еду, куда поезд везет, — засмеялся Алексей. — Тут, конечно, секретов никаких нет. У меня заветная мечта, выстраданная войной: хочу попасть в степные просторы, где ковыль, как море, колышется, где тишина поет; хочу слышать пересвист сурков, подышать горячим ветром… Я солнышка еще не видел, Александр Иванович!

— Ну, ты романтик, Алеша! Размечтался! Это здорово, конечно, увидеть наши просторы! А конкретно, все же, куда стопы направил?

— А вот до станции Кавказская доедем, там пересадка на Дивное, потом буду искать Привольное. Это местечко, куда еще до войны мой дед уехал. Он писал, там калмыцкие степи…

— Село Привольное, говоришь? Не слыхал! Ну-ка, давай посмотрим, — учитель открыл чемоданчик и достал местную карту. — Я понял так, Алеша: ты хочешь попасть «на деревню к дедушке Константину Макарычу»? А ну, посмотрим, где эта деревушка? — он стал рассматривать, было темновато: надписи не разобрать. Галерин зажег спичку, подсветил карту.

— Так, вот здесь побывали немцы, а отсюда их погнали обратно, — учитель провел пальцем по черной полосе. — Так, Майкоп, Невинномысск, Армавир, часть степей захватили… А вот и Привольное! Это не в Калмыкии. Вот, смотри: здесь недалеко Сальск… — спичка потухла, и Алексей поспешно зажег вторую. — От Сальска — рукой подать — Привольное. Лучше сюда ехать. Если на Дивное, — еще сутки потеряешь на пересадку в Кавказской. От Дивной вон сколько ехать по степи, да по бездорожью…

— Вижу, понял, Александр Иванович. Вы, пожалуй, правы. Я так и сделаю: еду до Сальска.

— Значит, едем вместе, без пересадки?

— Спасибо вам! А то ведь и правда «на деревню к дедушке», — засмеялся Галерин и пожал руку Александру Ивановичу.

Учитель сложил карту. Дружеская беседа ночных пассажиров в уголке вагона длилась до рассвета, и только утром они, прислонившись к стене, вздремнули…

На небольшой станции Сальск поезд остановился, когда лучи солнца прорезали вагон насквозь и золотились на облупленных перегородках. Вышли из вагона. Александр Иванович обнял

Галерина за плечи:

— Будет возможность, Алеша, заезжай! Приглашаю тебя в гости. Вот тебе мой адрес. Понравился ты мне, на сына моего похож…

— До свидания, Александр Иванович! Привет Ростову!

Молодой и пожилой распрощались. Со стороны казалось, отец обнимает сына.

Обшарпанная станция Сальск выглядела скучно. Людей почти не видно. Худющие собаки встречались на каждом шагу, лениво обходя прохожих. Уже нагретая солнцем пыльная земля, издолбленная колёсами, цеплялась за сапоги, и идти по ней было неприятно. Курсант направился к всаднику, который приторачивал повод уздечки к перекладине:

— Слушай, друг! Не скажешь ли, как добраться к деревне Привольное?

— Приволный! Такой деревня не знаем, дарагой! Все деревня надо автобаза ехать! Бижута называется. Десять километров будет. Вон па том дарогам иди. Там поехать будешь, дарагой!

— Спасибо, джигит! — крикнул военный и улыбнулся молодому парню с усами.

Галерин не сомневался, что джигит объяснил правильно. Он уверенно зашагал по дороге. За околицей курсант остановился: насколько видел глаз — простиралась ровная степь. Какая красота! Ширь необъятная. Солнце, чистый воздух, тишина и простор… Сердце забилось от радости: похоже, сбылась Лёшкина мечта! Он бросил шинель на жухлую траву, высоко поднял руки вверх, набрал полную грудь воздуха и заорал:

— Сте-е-е-е-пь! Здра-а-вст-ву-у-у-й, сте-е-е-е-пь!

Ему никто не мешал: человек был один на один с простором! Бежать хочется по степи! Ноги несут легко. Душа смеётся и радуется! Такое Лёшка ощущал только в детстве…

Но куда ты бежишь, молодец! Иди спокойно, наслаждайся прелестью природы. Можешь петь песни, если хочешь…

Дорожка в три следа: лошадиная посредине и колёсные по бокам. Ни ямочки, ни ухабинки, ни камешка на пути. Будто дорожки промели и выкатали. Далеко-далеко виднелись то там, то сям, как горсточки белых семечек, брошенных на изумрудно-золотистый ковёр, — отары овец. От земли уже струились потоки тёплого воздуха, и марево полыхало на горизонте. Какая прелесть, — дух захватывает!

Через несколько минут ходьбы пешеход был поражен неожиданно открывшейся картиной: перед ним расстилался лиман, и берег его чуть виднелся вдали. Голубая вода сверкала, плескалась небольшими волнами, белые буруны закручивались

барашками. На воде чернел баркас, о его борт бились волны. Галерин остановился в изумлении: «Вода, кругом вода! Дорога уходит прямо в воду! Куда же идти? Но откуда столько воды? Целое море! Берега уже не видно! Что это со мной? Сон? Но я же не сплю!..» Внезапно вода поднялась волной, и теперь голубая стена катится по дороге на пешехода: «Кошмар! Этого же не может быть!» Но вот море всплывает все выше и выше, под ним обозначилась черная полоса — земля. Она разбухла, расширилась, посветлела и превратилась в белый город с небольшими домами. Вода улетела куда-то, исчезла, дома поблекли. Над светлым городом появилось яркое солнце. Теперь перед глазами возникли плотные стены кипарисов и пирамидальных тополей, они закрыли кварталы города, стали гуще и темнее, наконец, соединились в сплошной густой лес. Все стало зеленым, потом покраснело, порозовело, поблекло, рассеялось и исчезло совсем. Необыкновенное зрелище! Такого Галерин никогда не видел. Он понял, что это мираж, и с любопытством наблюдал удивительное явление природы… Постепенно все изменилось, и горизонт стал видимым. Дорога узкой ленточкой исчезала вдали, а отары овец оказались слева и не так далеко. Пейзаж поминутно менялся: появлялись все новые неповторимые зрелища. Стада овец всплывали и исчезали вновь в призраках различных видений. Очарованный всем этим Алексей невольно замедлял шаг.

Неожиданно от ближайшей отары совершенно четко отделилась черная точка и клубком катилась на пешехода: «Перекати-поле, наверное», — подумал наш герой. Клубок увеличивался, издали доносилось басовитое: «Гав! Гав! Гав!..» Стало очевидным: прямо на безоружного человека галопом мчалась ревнивая овчарка. Страж отары быстро приближался. Волкодав не запугивал и не шутил. Злючий пес шел наверняка. Что было у хозяина здешних прерий на уме, Галерин не знал, но, глядя на свирепого зверя, испугался и остановился в растерянности: ни палки, ни камешка, ни хворостинки — ничего нет, чтобы защититься. А серый лохматый псина напирал, отрезал путь: «От такого не отобьешься», — подумал Алексей. Вокруг ни души. Чабанов тоже не видно — некого просить о помощи. Между тем, овчарка, подбежав совсем близко, притормозила на дороге, но набрасываться не посмела. Алеша с детства помнил, что угрожать собаке нельзя — может напасть. Лучше стоять спокойно. Глядя кобелю в глаза, заговорил:

— Ну, чего тебе? Чего лаешь? Не трону я твою отару! Успокойся… — Лешкин голос дрожал, стал каким-то чужим, хриплым.

Для порядка пес перешел на казенный «гав», нагнул морду, обошел военного и, понюхав след, скребнул землю задними ногами. Довольный собой, страж гавкнул еще разок, помчался обратно к своей отаре. У Галерина отлегло. Сняв вещмешок, он достал складной нож и отрезал от булки кусок хлеба: «Это на всякий случай!»

Не успел пешеход пройти и четверти километра, как две рыжие шавки от другой отары дружно мчались на него и грозно рычали: «Это уже коллективное нападение», подумал Галерин. Собаки забежали сзади и подскочили метров на пять. Алексей замер: «Тут и заикаться еще начнешь», — подумал и полез в карман. Угроза была реальной. Агрессоры налегали. В правой руке курсант держал нож, а в левой горбушку. Напряжение нарастало. Овчарки злобно щерились. Глаза их налились кровью. Они приседали, кидались к ногам и пытались вцепиться в брюки. Алексей бросил ломоть хлеба — не подействовало. Неподкупные твари продолжали неистово лаять, хотя бешеная атака уже прошла. Стоя неподвижно и сохраняя боевую готовность, курсант бросал куски хлеба, приговаривая:

— Нате, ешьте хлебушек, злюки! Чего надо? Идите к своей отаре…

Одна из собак понюхала кусочек, покрутилась, пометила дорогу и, не оглядываясь, помчалась в степь. Это была сука, за ней последовал кобель. Нападение не состоялось. Лешка долго стоял неподвижно, пока не опомнился… Была еще одна провокация. Но, набравшись опыта, романтик наш уже не боялся стражей отар. Он шел и думал: «Опасно ведь! А если б это был неопытный человек, подросток? Начал бы отмахиваться — порвали бы, гады!..»

Нападение овчарок в степи не испортило настроение Алексею. Наоборот, он чувствовал себя героем-победителем и, улыбаясь, подумал: «На память о путешествии!»

Солнце раскалило землю. Стало жарко. Курсант прошел уже более десяти километров, не встретив ни единой души. Степь по-прежнему была бескрайней, и миражи менялись один за другим. Не видно и отар. Тишина звенела в ушах. Теперь человек в степи один, как перст. Огляделся — кругом та же равнина без конца и края. Только здесь больше нетронутого ковыля, да чаще стали встречаться колонии степных зверьков — сусликов. Они забавно стоят столбиками, по-человечьи скрестив лапки на груди, часто коротко посвистывая. Смотреть на них — одно заглядение!

Ни холмика, ни бугорка: «Вот тут бы самый дешевый аэродром построить — „Голубой Простор“. Так и назвать!» —

фантазировал путник. Он остановился, вздохнул полной грудью, постелил шинель и лег на спину. Бескрайнее голубое небо искрилось: «А есть ли дно у неба? За бесконечностью снова бесконечность, и трудно себе представить, что это так…» — мечтал Алеша. Ему было приятно лежать неподвижно, и он долго смотрел в небо, пока глаза не устали и сами не закрылись. Незаметно задремал: сказалась бессонная ночь в поезде. Сколько минут он спал, неизвестно. Ему приснился ветер, шумевший листвой деревьев, и тополиный пух, щекотавший ноздри… Вдруг сон исчез. От шелеста над головой курсант проснулся, открыл глаза… над ним парил огромный степной орел: когти вот-вот коснутся лица.

Озлобленные глаза хищной птицы смотрели в упор. Галерин вскочил, метнулся в сторону и замахал шинелью. Орел сделал разворот и взмыл повыше: «Кыш! Откуда ты взялся?» — зашипел Алеша. Большой размах крыльев удивил его. Сделав

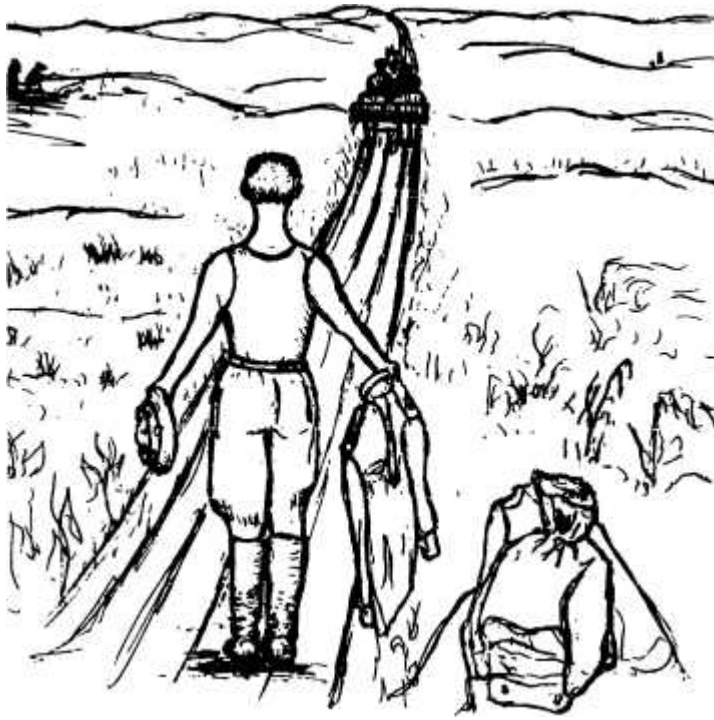
прощальный вираж, незваный гость удалился: «Не дремли, путник!»

Восхищаясь смелостью птицы, курсант провожал ее взглядом, расставив ноги в упоре. Ворот шинели зажат в кулаке. Улыбнулся, словно видел сон наяву: «Интересная картинка! Наверное, орел-могильник подумал, что я какая-то падаль. За барана меня принял, что ли? Ну, чудеса!»

Перекличка сусликов завораживала. Стало еще жарче. Курсант снял гимнастерку и шел теперь в майке, ремень через плечо. Легкий ветерок обдувал его, просушивал, и пешеход ощущал блаженство. Направление, в котором шел курсант, если верить джигиту, должно было привести его к цели. Но степь по-прежнему ничего не обещала: была безмолвна и ровна, как скатерть на столе…

Но вот на горизонте появился черный шар. Он увеличивается, катится по дороге навстречу путнику, заметно приближается. Теперь он шевелится, у него появились ноги: «Не мираж ли это? — подумал пешеход. — А, да это же бежит лошадь без седока…» Видно, лошадь тянет двуколку, легкую, с высокими оглоблями. Над головой рысака — резная дуга. Какое, должно быть, удовольствие мчаться вот так по степи, налегке, под солнцем, слушать ритмичный топот конских копыт. Можно позавидовать счастливому седоку. Тонкие спицы колес и упругие рессоры покачивали колесничку — загляденье просто! На сиденьи — двое: милиционер и женщина. Они не думали останавливаться, не сдерживали рысистую лошадь. Галерин сошел с дороги, крикнул:

— Остановись! Спросить надо!



Ему было неловко, что он в майке, не по форме одет, однако, подбежал к коляске сзади, когда милиционер притормозил:

— Чего тебе, парень? — сурово крикнул страж порядка.

— Далеко ли до Бижуты, товарищ лейтенант?

Галерин с удивлением посмотрел на женщину. Она вся изревелась, слезы размазались на ее лице. Бедняге было лет тридцать. На коленях у нее лежал узел.

— Пройдешь два километра — будет низина, увидишь! — крикнул возница.

Не дождавшись благодарности за информацию, милиционер хлестнул лошадь. Та присела крупом и рванула с места легкий возок.

Галерин смотрел вслед: две спины быстро удалялись в степь. Лёша подумал: «Может, жених невесту увёз из отчего дома… а может… одета она бедно, да и вид у неё измученный. Что же это могло быть?..»

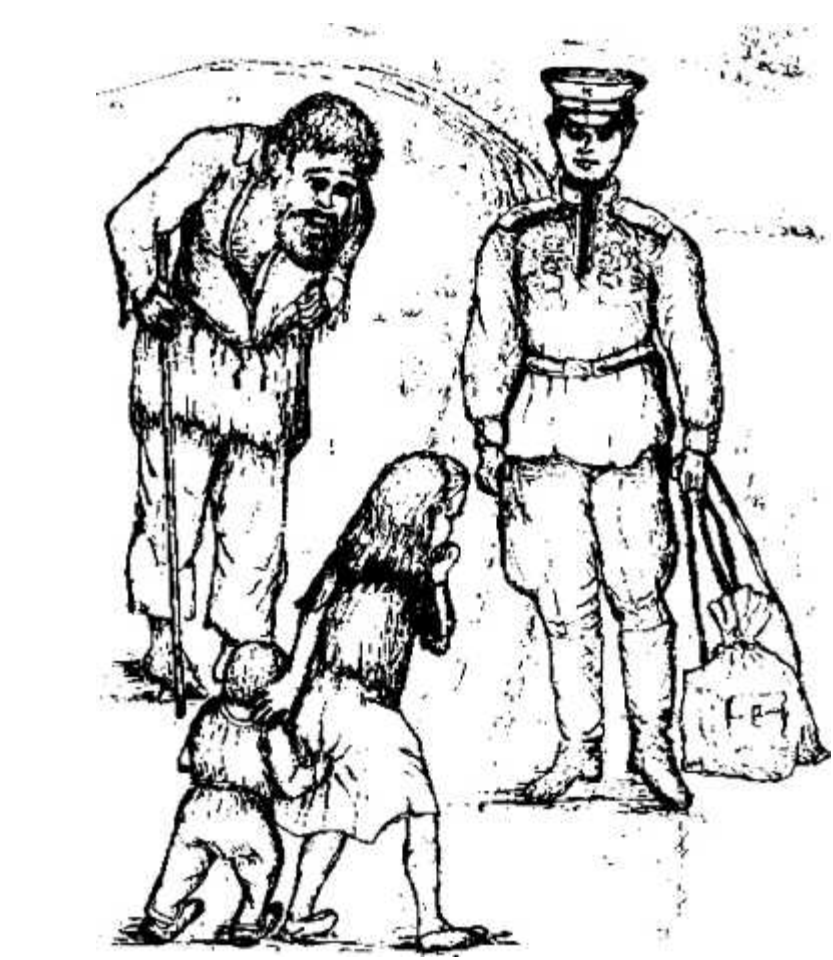
Бросив гадать и махнув рукой, курсант зашагал: «Два километра? Пустяк! Сейчас я буду у цели!» Он надел гимнастёрку, аккуратно заправился, забросил вещмешок за плечо, шинель — на руку и направился в заветную Бижуту. В голове вертелось виденное: «Почему она плакала? Ведь с милиционером… не страшно…»

Внизу показалась деревушка: мазанки, тополя, садики да

огородные квадратики, поля — как на ладони. Покрытые лёгким маревом, они напоминали мираж. Но дорожная колея вела прямо в деревню. Нет, это не мираж. Реально видна людская степная обитель. Прищурив глаза, путник увидел на дороге фигурки. Они напоминали стойки сусликов, только средняя фигурка была большая, а две другие — поменьше. Скатываясь под горку, Галерин прибавил шагу и быстро нагнал троицу. Это были старик и двое детей: девочка и мальчик. Худющий дед плакал и сморкался, вытирая нос кулаком. Дети держались за дедовы штанины, повесив носы. Военный, поравнявшись, спросил:

— Дедушка, вы чего плачете? — Старик глянул на незнакомца, опустил голову, а дети ещё плотнее прижались к нему, боясь взглянуть на чужого дядю в военной форме.

— Да как же мне не плакать? Дочку в этап забрали. Вот этих щенков на меня оставила…



Боже, что мне делать, горе-то какое. — Дед снова зашмыгал

носом, поднял кулаки к глазам.

— Это вот сейчас на двуколке увезли, что ли? — Лёшка обернулся и показал на дорогу.

— Вот только что! Увезли дочку… Как буду жить с малыми? Горе мне, горе, теперь — хоть помирай!

— За что же, дедушка, её арестовали? А?

Старик помолчал, вытер слёзы рукавом, глянул на незнакомца покрасневшими глазами:

— Ты откудова, парень? — ушёл он от ответа.

— Я хочу попасть в деревню Привольное, дедушка. Из Сальска иду!

— Ого! Это далеко! А до Привольного вёрст сорок будет… Идёмте до хаты, служивый. Здесь недалече! — Он сморкался, но плакать перестал.

— Спасибо, дедушка, спешу я, тороплюсь…

— Да ладно. Смотри, весь мокрый! По степи шёл, жара какая! Пойдём, передохнёшь немного.

Зашли во дворик. Голодные куры квохчут, за детьми бегают. Убогая лачуга обветшала, покосилась, давно не подбеливалась. В разговоре выяснилось: дочь овдовела, потеряла мужа — убит под Берлином в 1945 году. Дед показал гостю похоронку, фотографии зятя и награды фронтовика.

Он явно не хотел рассказывать о случившемся горе, но Галерин, как бы невзначай, между прочим, спросил:

— Дедушка, вы не рассказали, что произошло?

— Что произошло? Дети осиротели совсем! Вот что произошло! Ни отца, ни матери теперь нету! Жаль мне их, несчастных, погибнут с голоду. Я совсем старый… не могу… — Он снова пустил слезу и засморкался.

— А за что вашу дочь в этап?

— Да принесла с поля в подоле два кило жита! Накормить детей хотела… Украла зерно, значит. За это ей дали пять лет каторги, бедной… Здесь, в Бижуте, суд был, показательный суд какой-то, чтоб другим не повадно было… Арестовали, осудили и увезли дочку… За что? От детей оторвали… Вот горе какое! — Дед оперся локтями о колени, опустил голову ниже плеч, замотал ею от горькой безысходности. Плечевые кости выперли, тело вздрагивало и вздымалось — он тихо плакал. Жаль было смотреть на старика… Галерин молча наблюдал всё это, не знал, что сказать и что сделать. Язык словно онемел. Алексей напряжённо обдумывал ситуацию, но жалеть старика не стал, понимал, что жалость унижает человека, да ещё когда ты бессилен чем-либо помочь. Дети косились на военного и пытались угадать: хороший этот дядя или плохой. У него тоже погоны, сапоги и ремень, как у милиционера: «А может, и дедушку арестует и увезёт». Они боязливо прижимались друг к другу, глядя исподлобья на незнакомого. Алексей медленно повёл глазами по горнице: постель — одни лохмотья. Лоскутное одеяло засалено до блеска, бедная утварь, глиняная посуда, дощатый стол со щелями в палец и повсюду рой мух… Такой бедности фронтовик не видел нигде, хотя прошёл пол-Европы. «Несчастные, чем им помочь?» — подумал Галерин. Он бросился к вещмешку и извлёк все свои съестные припасы: хлеб, сахар, консервы, пачку галет и чай — ничего не оставил, хотя и понимал, что это крохи. Дети не могли понять, зачем дядя выложил всё из мешка, и по-прежнему побаивались его присутствия. Тем временем старик, немного успокоившись, медленно встал и вышел из лачуги. Вскоре он вернулся и принёс в корзине огурцы, помидоры, зелёный лук и редьку. Подошёл к гостю:

— Тебя как зовут, молодец?

— Алексеем зовут, дедушка.

— Погоди немного, Алексей, картошки сварю.

— Не надо, дедушка, не беспокойтесь, я не голоден.

— Ничего, погоди, я скоро!

Алексей, взяв мыло и полотенце подошёл к детям и нагнулся

к девочке:

— Пойдём умываться, вот тебе мыло.

Скосив злые глазёнки, девочка мыло не взяла, отвернулась, боязливо прижав к себе мальчика, и хотела уйти вслед за дедом.

— Постой, как тебя зовут, девочка?

— Светка, — чуть слышно выдавила дикарка.

— Пойдём, Светочка, не бойся меня. Сейчас ручки помоем, умоемся, кушать будем… Ну, пошли! Где тут у вас умывальник?

Дети молча поплелись во двор, подвели к кадке. Галерин снял гимнастёрку и майку, а Света ковшом черпала воду и поливала на руки. Гость, довольный прохладой, нарочито плескался, вызывая у детей улыбку. Вытершись армейским полотенцем, он стал поливать детям. Они не умели пользоваться мылом, и скользкий брусочек выскакивал из ручонок, как рыбка. Маленький смеялся и не хотел выпускать игрушку. Постепенно дети осмелели, перестали коситься на гостя.

— Тебе сколько лет, Света?

— Восемь.

— В школу ходишь?

— Не-а, бо школы нема.

— А братику сколько годиков?

— Тарасику? Ему пять годов, дядя.

— А ты отца своего знала?

— Знала, только батьки нема, убили нимци.

— А Тарас отца помнит?

— Не-е, бо вин малый був, як батько на фронт уихав…

Заправив гимнастёрку под ремень, Алексей зачерпнул ковшом воду из кадки и хотел напиться. Жажда давно мучила его, но заглушалась увиденным, и он не замечал её. Неожиданно подскочила Света и взяла ковш из рук гостя:

— Дядя Алёша, не пейте воду! — Она потянула за руку и подвела к лавке, на которой лежал арбуз:

— Вот, дядя, ешьте, у нас ещё есть.

— Спасибо! А это вам, Светочка.

Голодные дети жадно смотрели на еду…

За время войны сержант Галерин видел много смертей, но он никогда всерьёз не задумывался над тем, что там, в далёком тылу, за гибелью каждого солдата следуют горе, слёзы, нищета, голод и страдания. Теперь он увидел настоящих сирот, живущих в страшной нужде. Эти жертвы от потери кормильца повсюду: и там, где прошла война, и в тылу, где боев не было. Галерин подумал: «Почему люди страдают сейчас, после войны, после Победы?»

Света уже поняла, что дядя Алёша хороший дядя, не милиционер, стала смелее разговаривать, только Тарас всё ещё дичился и прятался за Свету…

Гость улыбался детям, старался отвлечь, шутил. Он достал из кармана складной нож и под шутки-прибаутки прицелился разрезать арбуз. Как только он дотронулся до белого красавчика ножом, арбуз треснул и пролил слёзки. Он оказался бордово-красным с очень чёрными семечками. Гость дал детям по дольке и с удовольствием утолил свою жажду…

За обедом дед рассказывал о жизни своей семьи.

Его дочь и зять смолоду работали в колхозе. Хлеба не давали вот уже несколько лет. Люди живут тем, что даёт огород. Кукуруза и просо заменяют хлеб. На овощи, да на бахчу вся надежда. Картофель здесь растёт плохо — не хватает влаги. Часто бывает засуха, и тогда хоть пропадай. Теперь, когда дочь угнали в этап, старик не знает, что делать: работать не может, а дети ещё малы. Из них какие работники? Света тёлочку пасёт, может, коровка будет, да когда ещё она вырастет…

Галерин слушал старика очень внимательно, и ему стала очевидной безысходность этого человека.

— Дедушка, вы не отчаивайтесь. Сейчас пока не все суровые законы военного времени отменены. Скоро станет полегче. Трудно нашей стране, войной разрушено и сожжено много городов и сёл. Всё нужно восстанавливать. Вот и хватают людей за малейшую провинность. Ваша дочь вернётся домой, как только отменят Указы военного времени, может быть в этом году, осенью…

— Не может быть этого, Алеша, — обрадовался старик, — неужели это правда?

— Правда, правда, дедушка! Скоро отменят карточную систему, хлеб будут свободно продавать! Потерпите немного.

— Если бы твои слова, сынок, до Бога дошли… Не поверишь, как мне страшно одному с детьми. Жаль мне их, сироток…

— Ну, мне пора! Спасибо за угощение, а тебе, Светочка, за арбуз спасибо!

— Это вам, дядя, на дорогу. — Света подала Алексею два початка варёной кукурузы. В маленькой ручонке протянула щепоточку соли. Гость поблагодарил, помахал рукой. На всю жизнь запомнил Галерин эту встречу с бедной крестьянской семьёй.

На автобазе курсант Галерин узнал, что в направлении Привольного грузовая машина уже ушла. Пока неизвестно, будет ли ещё попутка. Он сел в тени на скамью, вкопанную в землю и

отполированную штанами до блеска. На другой скамье сидела молодая женщина с ребёнком на руках. Она сама спросила у военного:

— Парень, тебе куда надо?

— До Привольного! Деревня где-то такая есть!

— Мне тоже туда. Если шофёр согласится, то на бочке можно ехать. Это недалеко совсем.

— Не понял, на какой бочке?

— Он меня в кабину берёт с ребёнком, а ты молодой, на цистерне доедешь.

— А когда он поедет?

— Скоро, наверное. Пообедать пошёл…

Галерин понял, что ещё не всё потеряно. Но он знал и то, что ни один водитель бензовоза не пойдёт на риск, хотя здесь, в глуши, никакой ГАИ нет. Однако, подумал: «Попытка — не пытка!»…

Водитель шёл вразвалку. Он перебирал губами после еды и выглядел ленивым.

— Это он, шофёр. Проси его, может, возьмёт, — шептала молодая мать.

«Откажет ведь, наверняка», — тревожился курсант… Но водитель не отказал. Он понял ситуацию, оценил положение отпускника. Сам недавно был солдатом!..

— Ты, курсант, иди по той дороге. Я тебя догоню! Там сядешь, понял?

— Так точно, понял! — улыбнулся военный и отдал честь…

Не прошло и четверти часа, как бензовоз догнал Галерина. Машина остановилась. Водитель высунулся из кабины, пропел петухом:

— Ты привяжись покрепче, там верёвка есть. Держись, паря! Скорость сто тридцать будет, не меньше! Да не вздумай закуривать!

Курсант легко вскочил на раму между кабиной и цистерной, надел шинель, надёжно приторочил вещмешок и прикрутил себя верёвкой:

— Готово! Поехали! — крикнул водителю.

Полевая дорога, ровная, как стол, радовала глаз. В этот солнечный предосенний полдень бесконечные дали полыхали прозрачным маревом до самого горизонта. Было приятно мчаться на большой скорости по степному простору, где нет никаких помех. Это усиливало хорошее настроение Лешки, предвкушавшего волнующую встречу с родными. Он слышал свое сердце, приятно томившее душу. Казалось, где-то рядом скачет добродушный молодой джигит, указавший ему путь к дому. Он

мчался на своем кауром скакуне, весь устремленный вперед, к горизонту: «По этом дорога пойдешь, поехать дальше будешь!» — слышался в ушах его голос.

Теплый ветерок обдувал лицо курсанта, вырывая слезы: «Не поездка, а полет!» — радовался Алексей.

Редки машины в этих глухих местах, навстречу ни одна не попалась. Лихой шофер, прижав педаль стартера, раскочегарил бензовоз настолько, что, кажется, придай машине крылья, она взлетит и поплывет над степью.

Не успел наш путник вдоволь насладиться «полетом», как показался хуторок. Всего в степи десятка два дворов, да тополей десяток. Прошли на тихой скорости. Собаки неистово лаяли, бросались под колеса… И снова — степь. Но вскоре стали попадаться холмы, все чаще спуски да подъемы. Здесь сусликов побольше стало. Там, справа, проплывает роща, а над рекою стайка птиц роится. В низинах зеленеет травка. На нивах золотых темнеют скирды, там, слева — пахотные земли… А вот и мост через речушку… Долгое путешествие шло к концу: Привольное на горизонте! На всех холмах сплошные виноградники. Свечой стоят красавцы-тополя. Приличные дома, сады и огороды. Деревня радовала глаз: прямая улица, широкие дворы.

Водитель остановил машину у большого двухэтажного здания с кирпичным основанием. Широкие ступени нарядного крыльца вели на веранду. Галерин спрыгнул на землю, стащил с рамы свой вещмешок и подошёл к шофёру:

— Вот уж никогда не думал, что по бездорожью в степи можно мчаться так быстро. Спасибо тебе, друг, подвёз хорошо! — Парни улыбались, пожимая друг другу руки.

«ЛИБЕНДОРФ»

Село Привольное — небольшой провинциальный городок. Здесь нет ни тротуаров, ни мостовой, но дома стояли добротные. На многих железные крыши. Несколько двухэтажных зданий с большими окнами без ставней, с высокими красивыми верандами и парадными входами говорили о достатке местных жителей. Во многих дворах видны аккуратные сараи, погреба и амбары. В глубине дворов просматривались конюшни, скотные загоны. Здесь нет сплошных заборов и огромных ворот. Лишь жёрдочки ограждали усадьбы от скота. Всё видно насквозь, открыто и свободно. Какой-то удивительный простор в деревне! Клёны и тополя у домов и палисадники создавали прохладу и уют. Песчаная улица, поросшая спорышом, выглядела чистой и ухоженной. Всё это радовало глаз…

А вот и усадьба, где живёт дедушка Степан Егорович, бабушка Наталья, да мама с Ниночкой. Длинный, стоящий торцом к улице белый дом под черепицей напоминал старую казарму. Ряд стройных тополей прикрывал его от зноя… Галерин волновался!

Никто не ожидал родного гостя: явился, как снег на голову! Радостям не было предела! И хотя Алёше была приятна встреча, о которой он столько мечтал, суету, слёзы и причитания переносил с трудом. За долгие четыре года военной службы Галерин отвык от нежностей, загрубел в солдатской среде, возмужал, и теперь для него всё было необычным в этой встрече. Наконец, страсти улеглись, домашние забегали, стали накрывать стол, а гость тем временем драил сапоги и умывался. Сестричка Нина с удовольствием поливала брату, держа наготове полотенце с вышивкой красными петушками. Она подросла, вытянулась: ей шёл десятый год. С её лица не сходила улыбка. Когда Алёша, вздохнув полной грудью, заправил под ремень гимнастёрку, Ниночке очень хотелось потрогать медали. Она любовалась братом, но стеснялась его:

— Алёшенька, я очень по тебе соскучилась! Мы не знали, что ты сегодня приедешь…

— Очень рад всех вас видеть, Ниночка! Когда я уезжал на фронт, тебе шесть лет было. Выросла ты мне до плеч, косички длинные стали…

Нина торопливо рассказывала о том, как трудно было жить на Урале и как ей подарили валенки. В этих тёплых валенках она выступала на сцене и пела песенки на башкирском языке. Она показала брату свой альбом и попросила нарисовать войну. Пока Нина щебетала над ухом о том, что здесь открыли школу, что она учится в третьем классе и что у неё хорошая учительница София Петровна, Алёша листал альбом и улыбался, рассматривая смешные детские рисунки.

— Ну, давай твои карандаши, что-нибудь нарисую.

— У меня нет цветных карандашей, — смутилась Нина, — есть только вот такой! — Она достала из стола огрызок плоского столярного карандаша довоенного производства. — Это мне дедушка подарил.

Брат подержал облезлый грифельный карандашик, попробовал, как он пишет, и достал ножичек. Вдруг он спохватился, взял вещмешок и извлёк из бокового кармашка красно-синий трофейный карандаш, доставшийся ему от друзей по курсу.

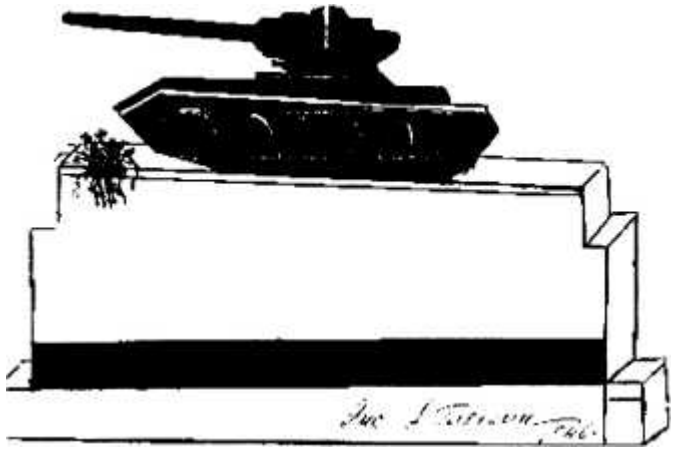
— Вот это тебе мой подарок, Нина.

Лицо девочки засияло, она бросилась к брату, обняла его и тут же стала пробовать, как рисует невиданный карандаш:

— Да он словно масляный! — воскликнула Нина.

— Ну, вот, теперь давай свой альбом. Что же тебе нарисовать? Ты просишь «про войну»! Война уже кончилась, а память о ней никогда не уйдёт. Люди поставят тысячи памятников героям войны. Может быть и вот такой поставят!

Нина следила за каждым движением руки брата. Постепенно на листе бумаги появился корпус величественного танка, установленного на пьедестале, а у подножья — букет цветов, положенный заботливой рукой.



Когда рисунок был готов, Алёша написал ровным убористым почерком стихотворение.

Могучий Танк!
Твой ствол остыл,
не слышно лязга стали,
Мотор умолк,
угас твой пыл,
Теперь — стоишь на пьедестале!

На фронте
ты врагов громил,
Путь расчищал пехоте,
По суше шёл,
по рекам плыл,
Не раз тонул в болоте!

Твой славный путь
Страну привёл
К Победе!
К миру!
К славе!
Тебе, как дань,
всегда цветы
Лежат на пьедестале!

1946 год, А. Галерин

— Это ты сам сочинил? А как называется это стихотворение? — Пытливо заглядывая брату в глаза и улыбаясь,

спросила Нина.

— Ну, «Танк — „Т-34“», так и называется.

— Вот здорово! Сам нарисовал и сам написал! Пойду, покажу маме танк на пьедестале… «Т-34»…

— Постой, Нина, сейчас все заняты!

— Я обязательно выучу стихотворение… могучий танк… «Т-34». И расскажу в своем классе… А ты нарисуешь мне что-то ещё? И стихи напишешь?.. — суетилась девочка вокруг своего любимого брата…

Они ещё долго беседовали, пока старшие не позвали к столу, празднично накрытому во дворе. Стали подходить гости, шумно приветствуя фронтовика и поздравляя с Победой! Алексей смущался и краснел. Такого с ним никогда не было, и он не мог объяснить себе свою скованность.

Выручил гостя дедушка Степан: он принёс графин, оплетённый очищенной лозой, и торжественно поставил его на средину стола. Усаживаясь на лавку и приглашая гостей, с гордостью сказал внуку:

— Алёша! Это вино собственного приготовления, из мускатного чёрного винограда сделано. Отведай, внук! Ты такого не пробовал!

И в самом деле, вино было необыкновенное. Нежный аромат приятного напитка ласкал душу…

— А вот и виноград! — Ниночка поднесла плетёное блюдо, на котором лежали сизые грозди крупных ягод. Чарующий аромат завораживал гостя. Действительно, о таком винограде он никогда не слыхивал и вина мускатного не пивал, не пробовал.

— Вот это да! Божественный напиток! И виноград необыкновенный. Ничего себе живёте! В Хартысе меня тётушка Верия хорошим вином угощала, но это нежнейшее…

— В Хартысе? — крикнула от неожиданности мама Ольга Степановна, — Тётушка Верия Килисиди?.. — мать медленно опустилась на лавку, не спуская глаз с сына.

— Мама, успокойтесь, я расскажу… Я был на Золотой Горе, искал там наш дом, ходил в Хартыс, был в Сусаниках. Но я сделал всё, что мне нужно было. Целую неделю пришлось потратить…

Глядя на взволнованное лицо матери, Алёша не мог выдержать ее пытливого и тревожного взгляда, встал, подошёл, обнял мать за плечи и поцеловал. Растроганная мать прослезилась, а сын, успокаивая её, передал привет из Хартыса и, загадочно улыбаясь, вынул из вещмешка сумку с сушёными яблоками и бергамотами.

— Это вам, мама, от тётушки Верии…

Удивлению и радости не было конца. Вся семья и гости с

большим вниманием слушали рассказы Алёши о его мытарствах на Кавказе. Многое узнала Нина о Золотой Горе, где она родилась. Она плохо помнила время, когда спешно пришлось покинуть родной дом, но четко представляла себе ту грушу, к которой мать привязывала козу, доила ее. Вспомнила, как пила теплое молочко. Нина не забыла и крылечко дома, на которое взбиралась всеми четырьмя, и гитару, на которой играл Анатолий.

— Я пальчиком струны трогала, и они пели… — задумчиво говорила она.

Леша живо и интересно рассказывал о поисках семьи Иваньковых, о тете Фросе, пережившей трагедию гибели своего сына Анатолия, и о том, как выполнил клятву, данную лучшему другу в его предсмертный час. Он рассказывал о прекрасном горном озере, которое умерло, как умирают раненые на войне. Алеша не забыл передать привет от конюха Макара, работавшего до войны в одной конторе с отцом, и рассказал о Джутовских. Мама слушала, удивлялась, покачивала головой и, не выдержав, крикнула:

— Сынок, я ведь письма получаю от Джутовских, от Марьи Петровны! Знаю, что Александр Михайлович вернулся с фронта, только нашего папочки нет, погиб в первый же год войны… — мать снова заплакала, опустила голову и достала платочек…

Разговор во дворе продолжался долго. С улыбкой слушали родные и гости рассказ о путешествии по степи с различными приключениями, о встрече с интересными людьми, об их судьбах. Только утаил Алексей случай, когда он ночью в дороге чуть не сорвался с поезда. Боевые эпизоды фронтовой жизни Алексей решил оставить до следующего раза. Гости заторопились домой, раскланиваясь, благодарили за угощение.

Проводив соседей, мать подошла к сыну:

— Сыночек, отдыхай с дороги. Заслушались мы тебя. Большой какой стал, возмужал, соседи хвалят тебя, а я горжусь тобою, Алеша! Иди к дедушке, он тебя всегда вспоминал и ожидал твоего приезда.

Дедушка Степан подошел к внуку сам, обнял за плечи, пощекотал бородой ухо:

— Пойдем, Алеша, покажу тебе чудо! — от низкого солнца дед надвинул шляпу на глаза, а внук надел фуражку. Но тут подскочила Нина, сорвала с Лешки головной убор и весело предложила брату:

— Алеша, сними свою рубаху, постираем. Надень вот это! — лихо напялив фуражку набекрень, сестренка схватила гимнастерку и убежала в садик под тополя. Там она дала волю

своему любопытству: погладила погончики и подержала в руках каждую награду брата…

Курсант надел белую сорочку, вышитую на рукавах и воротнике украинским орнаментом, и… не узнал себя. Легкая, уютная рубашка приятно холодила тело. Дед пригласил внука на приусадебную плантацию виноградника. Шагая через огород, Алеша вспомнил беззаботное детство, когда с грядки дергали морковь, паслись на горохе, теребили подсолнухи. Он на ходу сорвал синие веточки пушистого укропа и с удовольствием пожевал их. Стена кукурузы — выше роста!.. А вот и родничок. Где-то из-под земли ручеек источает хрустальную водичку. Живительная влага поит всех, кто приютил свою усадьбу к его прохладе. Сколько видит глаз, лощина заросла густой зеленью. Здесь маленькая перекладинка из досок, а под ней — яма, выложенная кирпичом, полная прозрачной воды — просвечивает до дна. Черпай ковшом — никогда не кончится.

— Водичка-то какая! — улыбнулся Лешка родничку, зачерпнул ладонью, а тот звякнул и побежал дальше.

— А вот теперь посмотри сюда, Алеша. Здесь мускатный виноград растет. Я его сам выходил… Это не так просто, брат! Тот, кто выращивает виноград своими руками, знает, какой это тяжелый, но благодарный труд, — сказал дедушка. Он шел между рядами и поминутно оборачивался к внуку. Вместе осматривали кусты с тяжелыми гроздьями, похожими на крупную смородину, только основание корневищ и стебли у них толстые. А грозди — крупные и увесистые, как гири. Дед Степан аккуратно опустил ветку и шагнул дальше, продолжая экскурсию по плантации.

— Начиная с ранней весны, и пока снег не притрусит землю, за ним уход да уход, как за дитем, нужен… Интересно весной!

Смотришь, вытягивается из почек лоза на обрезанных ветках. Нежные листочки раскручиваются — сердце радуется. Потом появляется цвет будущих гроздей. Сразу видишь: хороший виноград будет или плохой… Когда обрезают виноград, остаются лишь пеньки да крупные сильные ветки. Они-то и дают новые побеги. Это, брат, с умом надо делать. Почки повреждать нельзя, надо смотреть, где самые сильные, те и оставлять. Беречь виноград нужно от заражения грибком, обрабатывать приходится, да еще окучивать, да укрывать, если зима холодная… И так без конца: работа, работа, если хочешь хороший урожай получить, — дед остановился у куста. — Иному подпорки надо ставить, чтобы грозди на землю не ложились. А вот этот, например, любой груз выдержит, как-то вверх растет, и какие бы грозди тяжелые ни были, не повалится. Стоит, держит тяжесть до самой осени, ждет, когда хозяин придет, груз снимет.

— А у тетушки Верии виноград на деревьях вьется. Я сам срезал янтарные грозди. И черный у нее был…

— Это не тот виноград! У того могучая лоза карабкается на стену, лезет на дерево, на решетках стелется. Наш же виноград степной, кустами растет. Один грех на него: шпаки налетают. Осенью собираются в стаи, как саранча, черной тучей носятся над колхозными плантациями. Председатель всякие пугала от них придумывает. Но лучше всего — вовремя убрать урожай…

— Интересно у вас тут, дедушка!

— Интересно? Верно, интересно, — оживился дед Степан. — Вот на, попробуй эту кисточку, — он прищурил глаз и с вопросительной улыбкой посмотрел на внука. Крупные ягоды просились в рот. Алеша попробовал и был удивлен:

— Они же теплые, дедушка!

— Потому и называется «Солнечный» — от солнца нагревается, зреет, сладким становится…

Алеша оторвал ягодку и стал ее рассматривать: на кожуре следы пальцев так четко отпечатались, как криминалисты не

снимут. Он с наслаждением ел сладкие плоды. Во рту, в носу разливался нежнейший аромат, — что там твои духи, — опьяняющий запах.

Степан Егорович любил именно этот сорт винограда и насадил на своей усадьбе кустов предостаточно. Тем и жила дедова крестьянская семья в военные годы, что трудом своим кормилась с корня, да еще и доходы имела.

— Дедушка, а этот виноград спелой земляничкой припахивает. Какую прелесть создает природа!

— Природа, говоришь? Это верно, природа! Но в этот, мускатный, еще и душа моя, и сердце вложены. Труд радостный много значит. Потому и работаешь — не устаешь. Подневольный труд никогда таких добрых плодов не приносил. Виноград — лучшее, что смогла сотворить природа для человека. Но сколько труда надо вложить, чтобы ягодки сизыми стали. Как только припудрятся нежной пыльцой, значит, пора к сбору готовиться. За хороший уход всегда отблагодарят тебя нежные ягодки.

— За то, наверное, человек и любит виноград больше всего на свете, — поддержал внук доводы деда.

— Виноград — само собой. Эта фрукта сезонная, долго не сохраняется. А вот вино из него можно годами хранить, умеючи, конечно. С ним ничего не сделается. Наоборот, старое вино крепче молодого, и цена ему выше.

— Дедушка, вот вы меня угостили вином, достаточно много выпил, вволю, можно сказать. Но я совсем не хмельной, а на душе так легко и приятно…

— То-то и оно! Приятно, легко! Люди водку пьют, убивают здоровье, придумали себе настоящую смерть. А сколько людей гибнет от самогона вонючего. Это же отрава, в самом деле, сивуха гадкая. И никто не задумывается, сколько горя приносит пьянство!

— На фронте спирт давали бойцам, дедушка.

— Не знаю, зачем давали, — заворчал дед, — может, надо было от холода согреть людей, а может, для храбрости угощали. Но я бы никогда ни спирт, ни водку не пил… Другое дело, чистое виноградное вино! Здесь не допускается никаких примесей. Потому и называется «сухое». Виноградный сок — это же кладовая нужных для тела жизненных сил. Потому оно и полезно для здоровья человека, сынок! Душа отдыхает, поет, когда стаканчик хорошего вина выпьешь.

— Да, это верно! Мне так хорошо, дедушка, усталость с дороги прошла, как не бывало! Тепло, уютно после мускатного!

— Я читал: древнегреческий бог Бахус воспевал вино! Не зря воспевал. Это же здоровье, радость, хорошее настроение… Но

никто и никогда не воспевал водку! Люди скорее проклинают ее, чем хвалят.

— Дедушка, а у кого много вина, куда его девают? Здесь же глухая деревня.

— Чудак ты человек. Молодой, военный. Вино всегда было главнейшим продуктом купли-продажи. Виноделы несут радость людям, а деньги на хозяйские нужды тратят, на хлеб да на одежду расходуют… Ты думаешь, откуда эти кирпичные дома взялись? Вон какие хоромы стоят! Посмотри, почти в каждом доме винодельни, да погреба понастроены. В некоторых — бочки стоведерные стоят, а то и более… Здесь немецкая колония на пустынных холмах когда-то обосновалась. Еще при Петре Великом первые поселенцы были. Это они по всем пригоркам, да по угорам и низинам виноградники насадили. Труда вложено столько, что ты себе представить не можешь. Жили они до войны много лет, веков, можно сказать, из поколения в поколение передавали свои плантации, свое мастерство виноделия. Вино продавали. Через торговлю все у них было: и хлеб, и скот, и птица. Свиней откармливали на отходах, прилично одевались и праздники устраивали. А лошади в упряжи — одно заглядение было… Я приехал сюда еще до войны — удивлен был, как люди хорошо живут. Но работать они умеют! Лодырей не терпят! Дружные, прекрасные люди! Поселился я здесь, в Либендорфе, без всяких хлопот. Тогда так деревня называлась. Сначала бочки делал. Дубовая бочка долго служит, а вино в ней не портится, аромат в ней не пропадает… Сделать такую бочку нелегко: подгонка точная нужна и обручи надежные. Потому и платили хорошо…

— Дедушка, а где дуб брали для бочек? Здесь, в степи, не растет ведь.

— Немцы сами заготавливали колоды, привозили издалека. Заказывали, покупали где-то… За хорошую бочку мне бочку вина давали. Вином расплачивались. Я делал чаны, большие бочки и маленькие бочонки. Помоложе был тогда! И всякий раз хорошо платили…

— А сейчас здесь немцы есть?

— Нет, браток, ни души! Выслали несчастных, всех под гребенку. Разорили, искалечили семьи. Жаль было смотреть, что с ними творили… И все из-за того, что мы с немецкими фашистами воевали.

— А куда же их выслали, деда?

— Не спрашивай, не знаю! Конечно же, в тыл, подальше от фронта, на восток, в Казахстан да в Сибирь, наверное. А плантации загубили. Колхозы устроили. Ухода не стало.

Половина посадок виноградника посохла, половина — выкопана. Растащили по кустам ночами. Сейчас глянь на угоры — облысели они, пусто! Только в низинах еще кое-где осталось…

— Шла война! Я думаю, теперь восстановят разграбленное, наведут порядок, деда?

— Не знаю, не знаю, может, наладится все, только вот что я тебе скажу: здесь нужен очень хороший хозяин, без этого ничего не получится…

— Ну, вот вы, дедушка, пожилой человек, работать трудно, чем же вы живете теперь, после войны?

— Без работы нельзя, сынок. Я работаю в колхозе, сколько могу. Здесь артельная мастерская есть. Там бочки, двери, рамы делают. Я там сторожую, подрабатываю немного, а дома — виноделием занимаюсь.

— У вас много виноградного вина бывает?

— Помоложе был, в погребок две-три бочки закатывал, а то и больше бывало!

— А потом что с этим вином? — допытывался внук.

— Возил на базар вино. Оттуда — денежки в кармане, да покупки всякие. Так и жили, как могли, кормились, да и сейчас трудно, но перебиваемся: хлеба постоянно не хватает, обносились за время войны. И купить-то нечего. Все так мучаются. Не думай, что я жалуюсь, нет. Мы своим трудом себе на жизнь зарабатываем. Живем, как видишь, с голоду не сдыхаем…

— А на чем вы вино возите? Далеко, наверное?

— В здешних местах коров запрягают, если волов нет или лошади. Я смастерил тележку, на ней бочка с краном, там, в погребе, стоит. В нее двадцать ведер вмещается. Запрягу, бывало, буренку, бабушка плачет: «Куды ты ее, бедную?..» А что делать! Дня за два доеду. А на базаре — дело скорое! Налил кварту — денежки в карман…

— Ну и сколько за двадцать ведер выручка была, дедушка?

— А по-всякому. Цена на вино год на год не приходится. От урожая зависит…

— А сколько все же, дедушка?

— А вот, считай: литровая кварта двадцать рублей стоила. Это же почти задарма. Деньги и сейчас ничего не стоят. Вино многие продавали. За бочку тысячи три — три с половиной, случалось. Купишь чего самое необходимое, да и половину денег на базаре оставишь. Булка хлеба в войну сто рублей стоила, да и сейчас не дешевле…

— Ничего, деда, скоро хлеб будут свободно продавать. Не будет карточек. Жизнь постепенно наладится…

— Конечно, наладится. Да когда же это будет! А пока на

кукурузной мамалыге сидим. Вот уже сколько лет хлеба вволю не видели.

— Но все же вы не голодали?

— Нет, голодовки не было, не голодали, это правда, потому, что работали, огород кормил, живность держали. Но виноград я любил растить больше всего. От урожая до урожая пробивались…

— Дедушка, здесь, в Привольном, фашисты были?

— Армия здесь не проходила, но когда пронюхали, что вино немецкое есть в подвалах Либендорфа, повадились на машинах с канистрами, да на мотоциклах — все вычерпали. Полгода хозяйничали, потом отступили, разбойники, но дворы не сожгли, как видишь, и скот угнать не успели. Пережили мы страху, не дай Бог.

— А в этом году тоже будете вино продавать?

— А как же! Видишь, какой отменный урожай созрел. Скоро убирать станем.

— Значит, вовремя я приехал, деда? — улыбнулся внук.

— У меня кустов не очень много. Но коль поможешь — спасибо скажу, внучек. В прошлом году мы надавили две бочки вина. Думал, продам одну — деньги нужны были. Но со мной настоящее горе случилось. Грех на душу я взял, Алеша! — дед глянул на внука и заволновался. Он подошел к скамейке со спинкой, сел, кряхтя, и пригласил внука:

— Садись, Алеша, расскажу тебе историю страшную. Не дай Бог кому-нибудь такое!.. Запряг я коровку пораньше утром и повез вино на базар. А когда приехал, продал все до капельки. Вино хорошее у меня было, — дед поднял большой палец, — люди покупали, хвалили… Заночевать надо было у знакомых, а утром ехать. Ан нет, поперся обратно, хотел скорее домой поспеть. Только выехал за околицу, к пустырю подъехал, смотрю — два парня лежат у обочины и за мной наблюдают. Встали, подошли, буренку останавливают, поздоровались: «Ну, что, вино все продал, дедушка?» — «Все подчистую разобрали». — «Вино у тебя отличное, дедушка», — засмеялись. А я их узнал, на базаре они были. Говорю им: «Так я помню, вы у меня выпивали да подхваливали! Спасибо говорили!» — «Ну, а деньги с собой, что ли везешь?» — спрашивают. — «Конечно, с собой, а где же им быть», — отвечаю. — «Ну так давай деньги, дедушка. Зачем они тебе, старому?» — «Как это „давай“, — закричал я, — вы что, шутите, ребята?» — «Нет, не шутим! — говорят. — Мы тебя поджидаем, дед. Ты же сам сказал, что вечером в Привольное будешь ехать. Вот мы и ждем терпеливо, — издеваются. — Давай деньги, старик, по-доброму!..» Только теперь понял я, что ребята не шутят, грабить меня вздумали. Один корову придерживал,

другой хотел полезть мне за пазуху, деньги, значит, взять. Я обернулся, — там у меня у бочки клюка лежала, — да как дал ему по темечку… Упал он и стал ногами дрыгать. Голову я ему пробил сгоряча…

Тут дед заплакал, стал кулаками тереть нос, достал платок, высморкался, протер глаза и тяжко передохнул:

— Другой меня так ударил в лицо, что зуб выбил, губу разбил в кровь. Но я и ему клюкой по плечам съездил так, что он заорал… Видит, что напарник подыхает, — тягу дал, убежал в степь, скрылся где-то в овраге, ворюга… У меня кровь изо рта! Губы вздулись. Смотрю, парень затих, скончался… А тут еще корова мычит, рвется с дороги — испугалась. Я ее успокаиваю, а сам плачу, не знаю, что делать. Никого нигде нету… Боюсь, тот вернется, убьет.

Дедушка снова зашмыгал носом, вытерся платком.

— Поднял я убитого, погрузил на тележку и еду… Голова кругом идет, ничего не вижу… Страшно стало… Парень мертвый на тележке.

Алексей увидел, что дедушка сильно расстроился, решил увести его домой. Он взял деда под руку, но старик, видимо, хотел до конца рассказать о своей трагедии.

— Ничего, ничего, я справлюсь, внучек! Сейчас я. — Он помолчал, немного успокоился и продолжал:

— Не хотел я убивать парня, сгоряча ударил кленовой палкой парнишку… Пережил я много в тот злосчастный вечер, не дай Бог кому… Ну, так вот, доехал я до деревни Славкино, завернул во двор к знакомым… И тут началось! Вся деревня сбежалась… Парня убитого на солому положили… Я рассказал людям, как дело было. Меня многие знали. Кто про что судачит, шум стоит во дворе. Многие плачут: кому парня молодого жаль, а кто меня жалеет, а может, проклинает. Пришлось в деревне заночевать. Отхаживали меня. Всю ночь я глаз не сомкнул, так расстроился, думы всякие… А утром милиция приехала. Парня того увезли, протокол составили. Меня арестовать хотели… Потом велели ехать домой, никуда не выезжать… Словом, суд был. Того бандюгу, что убежал, Стрелина, поймали. Все подтвердил на суде, как было. Вину он на себя принял. Деньги, говорит, не взял: «Простите, говорит, дед не виноват. Мы деда подкарауливали, хотели у него деньги отобрать. Так получилось, деньги я не отбирал».

Перешли через мостик. Дед остановился на минутку:

— Оправдали меня! Сколько пережил я, уму непостижимо. Алеша. Бабушка, бедная, изревелась. Мы тогда жили вдвоем… Вот какие люди бывают паскудные. Раньше такого не было. У

немцев все лежало открыто. Никто ни у кого не воровал. Уважительные были…

Домашние накрывали на стол. Бабушка Наталья глянула на деда Степана и сразу же поняла, в чем дело:

— Опять горюшко вспоминал! Будет тебе, старый, сердце терзать, расстраиваться. Давно прошло все! Пережили мы напасть эту, ужасть. Садитесь за стол, ужинать будем…

Алеша спал безмятежно. Мать наказала Нине не тревожить брата: пусть отоспится с дороги. Сегодня воскресенье, все отдыхают. За многие годы такое блаженство досталось ему впервые.

Проснувшись, он не спешил вставать. Очевидно, его разбудил Ниночкин смех во дворе. Звонкий голосок беспрерывно взрывался от хохота. Любопытство подстегнуло. Он надел брюки, сунул ноги в домашние шлепанцы и вышел на крыльцо. Оказывается, смеялись все, и сам он невольно расхохотался: во дворе гуляли пьяные куры. Они не могли ходить. Опираясь на крылья, курочки вставали и падали назад. Петух, что называется, «петушился», горланил, шатался, опираясь то на правое, то на левое крыло, то смешно пятился назад. Любивший бабушку за щедрость, он вдруг набросился на нее, клевал и царапал когтями фартук. Куриный пастух так раскудахтался и бил крыльями, будто на него нападали. Бабушка Наталья заохала, запричитала и поспешно ретировалась. Смеху было на весь двор.

— Совсем сдурел твой петух! В драку лезет пьяный! Наделал ты, дед, делов! — без сердца бранилась бабка.

Дедушка Степан ухмылялся, прищурив хитрые глазки: он подготовил новую сценку. В компании с курами кабанчик доедал хмельной виноградный жмых в корыте. Он свалился и взвизгнул, вскочил на передние ноги, а зад приподнять не мог, так и сидел по-собачьи. Затем направился к своему логову, но идти не мог: тяжелое брюхо мешало ему, и он волочил его по земле, смешно похрюкивая. Обжора полз на коленях, вставал, падал, визжал, но настойчиво добирался до излюбленного места у солнечной стенки сарайчика. Наконец, он дополз, хрюкнул довольно и затих. Утренние лучи грели ему спинку.

Алеша сидел на крыльце и вытирал слезы: он все еще хохотал и не мог успокоиться от необычного спектакля. Довольный представленной комедией, дед улыбался, подошел к Алеше, сел рядом, обняв внука за плечи:

— Немцы постоянно устраивали на праздниках бои охмелевших петухов. Смеху хватало на всех гостей. Колонисты умели работать, но и веселиться могли вдоволь…

После завтрака Степан Егорович повел внука к колхозным виноделам. В огромном помещении стояло четыре больших чана, замурованных в кирпич. По краю ходили молодые женщины с черпаками. Они помешивали бродившее сусло. В нос ударил теплый приторный парок «играющего» вина с изумительным запахом целого букета ароматных трав. Появление Степана Егоровича в винодельне женщины отметили поднятием черпаков и дружным приветствием. Дед представил работницам своего внука. Они оживились, смеялись и перешептывались, глядя на молодого красивого паренька. Одна из них, улыбаясь, зачерпнула полведра вина и на вытянутом держаке поднесла Алеше:

— Выпьешь до дна — признаем, что ты настоящий мужчина! — все громко засмеялись.

Алексей смутился, покраснел. А девчата все громче галдели, подначивая молодца на «подвиг». Деваться некуда, пасовать нельзя! Дед подтолкнул внука локтем: «Давай, пробуй!»

Алеша собрался с духом, поддернул рукава гимнастерки, взял черпак обеими руками и приложился к ведру…

— Пей-до-дна! Пей-до-дна! Пей-до-дна! — скандировали девушки под смех, шум и аплодисменты.

Вино было теплое, как парное молоко, и сладкое. Оно еще не перебродило. Аромат его разливался по всему телу. Стало жарко. Пить такое «пойло» было не совсем приятно, да еще под прицелом стольких женских глаз… И наш молодец, выпив, сколько мог, сдался!

— Спасибо, девушки! Больше не могу… Похоже, я в раю побывал! Это не вино, а искушение!.. За такое угощение приглашаю вас на танцы в колхозный клуб… Приходите вечером… Я жду вас! — посмотрел он на ту, что преподносила черпак.

И снова веселый смех наполнил винодельную.

— Вот и посватались! — крикнул кто-то, и опять взрыв смеха!

Дед Степан, довольный удачной проделкой, прошептал внуку:

— Это очень хорошая дивчина, Алеша!

Внук улыбнулся хитроумному деду, но замечание намотал себе на ус…

На следующий день началась уборка урожая на дедовом участке. Отпускник вставал вместе со всеми и, позавтракав, с удовольствием брался за работу: носил тяжёлые тыквы, возил тачку с навозом, убирал виноград. Картошку копали всей семьёй. Работы в огороде всегда много, так что приезд Алёши был кстати. Мать радовалась больше всех. Она потеряла на войне мужа, старший сын Владимир пропал без вести. И приезд младшего сына Алексея для неё стал отдушиной от тяжких дум и страданий. Ниночка убегала в школу, а с приходом тоже включалась в семейную работу. Очень любила Нина очищать

початки кукурузы от листьев, любоваться золотым отливом их зёрен:

— Какие они новенькие, блестящие! — восхищалась она.

Самым интересным занятием для Алеши было приготовление вина из винограда. Всем процессом заправлял Степан Егорович. Здесь он был знатоком своего дела. Не спеша, с толком он пояснял внуку все тонкости виноделия. Алексей крутил рукоятку пресса — «давилки». Сизые гроздья винограда под давлением барабана превращались в месиво. Сок нежных ягод стекал в бадью. Сусло вёдрами уносили в сарай, где стоял чан для брожения. Винный аромат наполнял двор, а пить сок можно было прямо из лотка кружкою.

— Вот это работа! — восхищался курсант. — Приеду в училище, расскажу ребятам — не поверят! Кто-нибудь обязательно сострит:

«Сам там был, мёд-пиво пил,
По усам текло, в рот не попало!»

Неожиданно во дворе появилась приятно одетая миловидная женщина. Ниночка побежала ей навстречу:

— София Петровна! Проходите к нам! Мама, София Петровна пришла!

— Ой, как хорошо, что вы к нам заглянули. Здравствуйте, София Петровна, — встретила гостью Ольга Степановна. — Проходите, к столу присаживайтесь. — Нина подала виноград. Подскочив к брату, шепнула:

— Это наша учительница…

Женщины разговорились, а Нина, сменившая маму, подносила виноград к «давилке» и всё время о чём-то шепталась с братом. Алёша в майке, в старых дедовых штанах стоял спиной к столу и крутил барабан пресса. Он невольно ощущал присутствие миловидной особы и чувствовал себя неловко:

— Это мой сын Алёша! Знакомьтесь! В отпуск приехал. Четыре года мы его не видели…

— Здравствуйте, Алексей Николаевич! Слышала о Вашем приезде! Я, собственно, к Вам, по делу пришла! Приглашаем Вас в школу, к нашим ребятам. Вы же фронтовик! Расскажите, пожалуйста, что-нибудь детям интересное!

Галерин снял шляпу, сел на скамейку и посмотрел на свои руки, до локтей облитые виноградным соком. Он немного смутился перед учительницей и не знал, что ей ответить.

— Алёша, пойдём к нам в школу, — вмешалась Ниночка, — весь наш класс знает, что ты приехал… вся школа знает! Алёша,

ну, пожалуйста!

— Вот видите. Алексей Николаевич, и сестричка просит Вас от имени всех ребят. Не отказывайтесь, прошу Вас!

— Хорошо, я приду! Только когда?

— Мы будем ждать Вас завтра ровно в одиннадцать часов. Ну, я спешу, извините! До завтра! — улыбнулась и, пожимая руку Ольге Степановне, учительница пристально посмотрела Лёшке в глаза.

Подскочила Нина и вручила Софии Петровне кузовок с мускатным виноградом.

На следующий день курсант Галерин выгладил гимнастёрку и брюки, надраил до блеска медали и вычистил сапоги. Он хорошо продумал своё выступление, но волнение не покидало его. Когда подошёл к зеркалу, заправился, сказал себе: «Смелее, брат!..»

В небольшом школьном зале собралась пионерская дружина. Состоялся торжественный ритуал вноса знамени. Алексей Галерин стоял вместе с учителями, а София Петровна руководила праздником. Председатель совета дружины имени Николая Гастелло отдал рапорт военному гостю. Когда рассадили детей, предоставили слово участнику Великой Отечественной войны Алексею Галерину. Курсант рассказал школьникам о фронтовых буднях солдат, о дружбе и товариществе, о жизни и смерти, которые были всегда рядом. На рассказе о своём школьном друге Анатолии Иванькове остановился отдельно:

— Война унесла тысячи жизней. У многих из вас родные и близкие погибли на фронте. Давайте, ребята, почтим память погибших на войне минутой молчания.

После минутной тишины гость продолжал:

— Сейчас всем очень трудно. Разрушены села и города. Многие люди живут бедно, голодают. Будем верить, что всё постепенно наладится. Помните, ребята, о тех, кто отдал свою жизнь за нашу великую Родину, за ваше счастье. Желаю вам отличной учёбы и хорошего настроения.

Пионеры захлопали в ладоши, а две девочки с бантами на голове преподнесли Галерину цветы. София Петровна объявила о концерте. Группа учащихся исполнила песню «Орлёнок». Хор детских голосов тронул Лёшкино сердце: он давно не слышал таких песен. В следующем номере мальчик в военной форме инсценировал подвиг Александра Матросова, закрывшего грудью амбразуру вражеского ДОТа. Дети пели фронтовые песни и танцевали под гармонь. И вдруг пионервожатая объявила:

— А сейчас сюрприз нашему гостю и вам, ребята! Нина Галерина расскажет стихотворение Алексея Николаевича Галерина «Танк Т-34».

От неожиданности Алеша растерялся, но быстро взял себя в руки и с любопытством наблюдал за сестрой. Она читала на удивление громко, смело, не спеша, выразительно подчёркивая каждое слово. Нина не смущалась и чувствовала себя уверенно. Вероятно, ей хотелось выразить свою гордость за старшего брата, и у нее это получилось. Закончив декламацию, девочка поклонилась и гордо пошла на свое место. Подружка встретила ее улыбкой и поздравлением. Ребята хлопали в ладоши. Галерин встал, поклонился и решительно направился к Нине, обнял ее и отдал ей цветы. Нина сияла!

Праздник закончился. Знаменосцы под бой барабана унесли пионерское знамя, и ребята разошлись по классам.

В воскресенье Степан Егорович подъехал к дому на уютной двуколке. Игривый конек нетерпеливо помахивал хвостом. Дедушка Степан пригласил внука в гости к своему близкому другу Михаилу Даниловичу Мирянину, одиноко жившему в живописном местечке на дальнем хуторе Липовка. Осеннее солнце золотило жухлую траву, а степной простор ласкал душу. Это была приятная прогулка, устроенная дедушкой на прощание. Алексей и Нина сидели в обнимку и радовались путешествию. Лошадка бежала рысью, хотя Степан Егорович не торопил ее. Рессоры мягко покачивали седоков. Ниночка все время крутилась, восхищалась степью, а брат разделял ее детское

ликование. Ехали более часа. Как только показалась деревушка, лошадь перешла на шаг, и ее копыта не так часто цокали. Дедушка Степан улыбнулся.

Одинокий дом на окраине хуторка, окутанный зеленью, с юга прикрывала стена могучих пирамидальных тополей. У ворот Степан Егорович осадил лошадку:

— Здравствуй, Михайло Данилович! Принимай гостей! — весело крикнул он хозяину дома, копавшемуся в саду.

— О! Дорогие гости приехали! Здравствуй, Степан Егорович! Здравствуйте, детки!..

Старые друзья тепло поздоровались. Коня завели во двор, выпрягли и дали сена.

— Вот, внуков привез, знакомься: Алеша и Нина.

Хозяин поздоровался с гостями за руку и пригласил в сад. Он срывал яблоки с дерева и давал им на пробу.

Сад был небольшой, но ухоженный и уютный. Познакомив с усадьбой, хозяин засуетился, полез в погреб за угощением. Алеша подошел к деду Степану и шепнул на ухо:

— Михаил Данилович словно куркуль живет.

— Не «куркуль», а настоящий хозяин! — резонно парировал дед. — Крестьянская душа у него, Алеша! Землю-кормилицу любит, вот оно что!

На столе появилась огромная глиняная миска. В ней дрожал холодец. Красные помидоры, зеленые огурчики, луковички с пером и, конечно же, вино и фрукты украшали крестьянский стол. Подовый хлеб Михаил Данилович пек сам. Или из миски новыми деревянными ложками с красивой хохломской росписью. Было очень вкусно, и ребята быстро насытились. Михаил Данилович ел долго, мною и не спеша, пока миска не опустела. Алеше и Ниночке показалось, что его утроба бездонна.

Было странно видеть, что человек не боялся отшельничества и был доволен собой. Супруга уехала в гости к сыну на все долгое лето понянчиться с внуками, а бесконечные хлопоты по хозяйству оставила на попечение мужа. Тучный Михаил Данилович не сокрушался. Он потихоньку, изо дня в день, с упоением работал на своей усадьбе. Единственным собеседником у него был ослик. Хозяин запрягал «конячку» в почти игрушечную тележку на одного ездока и, восседая «копной», разъезжал по своим делам.

В разговоре за обедом выяснилось, что весь род Миряниных был крестьянским. Михаил Мирянин, сын Данила Мирянина. — продолжатель этого рода. Смолоду любил землю, работал сам и уважал тех, кто на ней добросовестно трудился. Колхозные порядки его не устраивали: «Твое — мое, мое — твое, все — наше и — ничье!» — выразил он свой взгляд на упадок в сельском

хозяйстве и обнищание колхозного крестьянства. Образцом сельской жизни он считал уклад немецких колонистов, издавна селившихся в здешних местах.

В хозяйстве Михаила Даниловича была корова, теленок, кабанчик, куры, индюки и овцы. Кроме того — сад, виноградник, малинник и огород. Как успевал Михаил Данилович управляться, уму непостижимо! Только Степан Егорович понимал в этом толк и немного завидовал другу:

— Ты, Михайло Данилович, не забудь, яблоньки мне обещал, саженцы накопать! Осенью приеду…

— Помню, помню, а как же не помнить! А тебя, Степан Егорович, прошу твоего мускатного десяток корешков дать. Я тебе еще слив, если хочешь, накопаю. Вон как разрослись, целая роща сливовая!.. Ты, Алексей, пойди с Ниной, сливы там, в садике, поешьте, да бабушке Наталье и маме свезите. Вот корзина…

Очевидно, у друзей были свои сокровенные разговоры, и присутствие детей было не обязательным.

Нина ела сливы с удовольствием. Самыми спелыми угощала брата и щебетала вокруг него:

— Вот мама с бабушкой обрадуются! У нас на усадьбе слив нету. Дедушка обещал земляных орешков насеять и вишен посадить в моем садике. Вот здорово будет! Ты приедешь следующий раз, я тебя арахисом угощу, так орешки называются.

— Вот бы фундуков насадить! Ты попроси дедушку, может, достанет. Это такие орешники, на них деревянные орехи растут.

— А еще бывают грецкие орехи. Я их очень люблю. Но здесь они не растут почему-то.

— В этих краях все вырастает, Нина. Это же юг! Только поливать надо, а воды здесь маловато…

— Алеша, пойдем посмотрим ослика! Хватит слив, уже полная корзина!

Ослик оказался на удивление маленьким. Глядя на него, Алеша сказал с ухмылкой:

— Во-первых, это не ослик, а ишак! Во-вторых, как только эта скотинка везет такую «гору»? Ты посмотри, Нина, это же Конек-горбунок! Сядет на него Михаил Данилович и раздавит бедного, — засмеялся Алексей.

— Да нет! Вон тележка! В нее деда Михайло запрягает ослика.

— И он, бедный, везет? — снова захохотал брат.

— Я видела, везет, ножками туп-туп-туп!

Степан Егорович и Михаил Данилович не обращали на ребят никакого внимания. Они ходили по усадьбе от одного места к другому, спорили, жестикулировали…

Ребята осмотрели все: Ниночка погладила теленка, любовалась кроликами, но боялась горластых индюков…

— Ну, что, детки, погостили? Соберите яблок домой! Вон на этом дереве хорошие! — Михаил Данилович подошел к яблоне и оранжевого цвета плод сорвал для Степана Егоровича:

— На, пробуй! — хозяин ножом отрезал ломтик. — Вот такие яблоки у тебя будут года через три-четыре, не раньше. А если привить, быстрее вырастут.

— Хорошие яблоки. Обязательно посажу. Если не доживу, пока вырастут, — внуки есть будут, спасибо скажут.

Степан Егорович подошел к двуколке, вытащил из мешка огромный арбуз, припасенный для друга.

— Это тебе от нас, Михайло Данилович! Спасибо за угощение, за гостинцы спасибо! Нам пора возвращаться.

Закрывая ворота из тоненьких жердочек, Михаил Данилович крикнул:

— Не забудь саженцы мускатного привезти, Степан Егорович! Прощайте, дорогие гости, — и помахал рукой.

Подъезжая к Привольному, Алеша обнял сестру и сказал вслух:

— Как жаль, что отпуск кончается! На будущий год обязательно приеду!

Об авторе

Автор книги «Кинжальный огонь» Алексей Николаевич Богдаев, 1924 года рождения, участник Великой Отечественной войны, подполковник в отставке, бывший преподаватель Пермского Государственного университета им. А. М. Горького, ныне пенсионер. Сотрудничает в периодической печати. Внештатный корреспондент газеты «Ветеран».

notes

Примечания

1

Начальник караула.